

Darth LegiON

КОД ВОЙНЫ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Роман

МОУ БЛАГОДАРНОСТИ

За редактуру:

Ларисе Полубояровой aka [Laura](#)

За советы:

Вадиму Левину aka [DarkScorpion](#)

Денису Кириллову aka [Volirik](#)

Владимиру Хорольскому (моему отцу)

Всеволоду Цурикову aka [cMerlin](#)

За поддержку и понимание:

Наталье Хорольской (моей матери)

Дамиру Булатову aka [Li-R](#)

Арсению Салтыкову aka [Anariel](#)

и другим...

Электронная версия предназначена специально для публикации на сайтах
<http://www.masseffect2.in/>, <http://el-mods.ru/>, <http://fanfic.su/>.

© Антон Хорольский aka Darth LegiON, 2011. Копирование текста частично
или целиком запрещено.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
I. «Обычная» семья	5
II. Наследник	7
III. Исчезновение.....	9
Часть 1. Двое в горах.....	12
IV. Миссия разведчиков	12
V. Скучно не будет	15
VI. Будущее и прошлое	20
VII. Маркус.....	23
VIII. Загадка.....	28
Часть 2. Блудный сын	33
IX. Брат.....	33
X. Отец	36
XI. Обитель зла.....	39
XII. «Объект 221»	42
XIII. Свобода и рабство.....	46
XIV. Побег	50
Часть 3. Первый шаг	58
XV. Незваные гости.....	58
XVI. Выходец	62
XVII. «Путь Земли».....	66
XVIII. Проникновение.....	72
XIX. Проверка	76

XX.	Арена	79
XXI.	Не по правилам	84
XXII.	Без вины виноватые	89
XXIII.	Старый друг	92
XXIV.	Первая потеря	98
XXV.	Жертва	104
Часть 4. Что скрыто от глаз		112
XXVI.	Прибытие	112
XXVII.	Лидер	118
XXVIII.	Надежда	121
XXIX.	«Эхо»	124
XXX.	Вторжение	127
XXXI.	Кошмар наяву	131
XXXII.	Отступление	134
XXXIII.	Пробуждение	138
XXXIV.	Тайные знания	143
XXXV.	Роковая ошибка	147
XXXVI.	Код войны	150
XXXVII.	Сила Света	155
Эпилог		162
XXXVIII.	Покушение	162
XXXIX.	Новое Солнце	166
XL.	Начало конца	171

I. «Обычная» семья

Пасмурным зимним утром в родильном доме города N рожала женщина лет тридцати. Ирина Мухина (так звали эту женщину) была обычным детским врачом из поликлиники напротив. Город был небольшой, поэтому ее знали все, от мала до велика. Знали как добрую, человечную женщину, готовую всегда поделиться последним куском хлеба с тем, кто голоден – фигурально выражаясь. По мнению горожан, таким и должен быть настоящий врач, тем более детский.

Ее муж, Федор Павлович, был во многом прямой ее противоположностью. Он работал в школе учителем физики. Его тоже знал весь город, и слава далась ему не напрасно. За 10 лет работы в школе он подготовил немало талантливых детей, ставших затем студентами престижных вузов. Многие задавали себе и ему вопрос: «Почему такой талантливый человек стал не профессором столичного вуза, а школьным учителем в провинциальном городишке?». А он отвечал (если отвечал): «Мне доставляет удовольствие учить простых детей, в вузах и так достаточно умных людей. Я делаю свою работу, и этим доволен». Или что-то в этом роде.

Он вообще был человеком неразговорчивым, но дети понимали его с полуслова. Иногда Федор становился немного нервным и вспыльчивым, что отражалось на детях, плохо успевавших в учебе. Он был замкнутым человеком и часто оставался в школе на долгое время, после того, как все уходили. Коллеги считали, что он планирует грядущие уроки или готовит ученикам какой-то сюрприз. Известность Федора Павловича была несколько иной, нежели у его жены: он слыл человеком гениальным, но отнюдь не добрым и общительным.

Ирина познакомилась с мужем в 27 лет, когда ему было уже тридцать. Она влюбилась в Федора с первого взгляда. Его интеллектуальный образ потрясал ее. Ирина поняла, что мечтала встретить такого человека всю жизнь. И внешне он был неплох – всегда поддерживал себя в хорошей физической форме. К тому же, к своим тридцати он не был женат ни разу. Это сначала насторожило Ирину, но любовь победила, и она готова была пойти на что угодно, лишь бы быть с ним вместе.

А после бракосочетания женщина начала замечать за мужем странности. Он был категорически против появления детей. Оправдания у Федора каждый раз менялись: то он говорил о материальных трудностях, то – о своем возрасте. Ирина поначалу мирилась с этим, но потом поняла, что муж что-то скрывает. Поэтому однажды она пренебрегла его указанием принимать средства предотвращения беременности (незаметно для него) и через три недели поняла, что беременна. Она решила ни о чем не говорить мужу, пока это будет возможно. Ирина хотела подготовить для него сюрприз, поставить супруга перед фактом, надеясь, что тогда он сдастся. Она была уверена, что Федор только внешне замкнутый и необщительный. «На самом же деле он добрый и чувствительный», – думала женщина. Но она и представить не могла, к каким результатам приведет ее неожиданная беременность.

В избранный Ириной день муж был в отличном настроении, вернулся с работы радостный и, впервые за всю неделю, поцеловал свою жену по приходу домой. Когда он сел в кресло перед письменным столом в своем каби-

нете, она подошла к нему сзади и на ухо прошептала то, что давно хотела сказать. Но Федор Павлович отреагировал странно. Вернее, он почти не отреагировал, просто сказал: «Знаю» и вышел из-за стола. Это слово потрясло ее. Но, в следующую секунду, он как бы опомнился, взял жену за плечи и сказал на ухо: «Поздравляю». А затем молча ушел на кухню.

Ирина села в кресло мужа. Такого она никак не ожидала. Что угодно – всплеск негодования, радость, отчаяние – но только не полное равнодушие. С этого дня женщина поняла: ее муж был не просто учителем физики. В нем крылась какая-то тайна. Всю свою будущую жизнь она будет пытаться ее разгадать, но практически безуспешно.

После Ирина неоднократно говорила с мужем о ребенке. Он же отвечал на ее вопросы так, как будто речь шла не о его чаде, а о чьем-то другом. Его мысли были, как будто, где-то далеко от жены и будущего ребенка. Но, на самом деле, он думал о нем и именно о нем, о его будущем. Почему это так волновало Федора, вы узнаете чуть позже.

Имя для ребенка решили выбрать в честь деда Федора – Евгений. Или Евгения, если родится дочка. Ирина крайне редко говорила о ребенке с мужем, он по-прежнему замыкался в себе и женщина решила его не тревожить. «Когда муж впадает в прострацию, лучше его не трогать», – знала она.

Иногда Ирине приходила в голову мысль о разводе. «Мы стали чужими», – думала она. Но эту мысль останавливали три другие: ребенок, любовь (которая ничуть в ней не угасла) и желание разгадать тайну эксцентричности мужа.

II. НАСЛЕДНИК

Но вернемся в роддом. Родился мальчик. С одной стороны, она была рада долгожданному сыну, но с другой... Ирину не покидала мысль о странностях Федора. Прележав на кушетке два часа, она смогла взять телефон и набрать рабочий номер мужа. В школе была перемена, и Федор сразу же подошел к телефону.

– Мальчик, – сказала Ирина еще слабым голосом.

– Я приеду к вам сегодня. Жди вечером, после восьми, – ответил муж спокойно. Но Ирина уловила необычные нотки волнения в его голосе.

Федор появился в роддоме вечером и, к удивлению жены, с огромным букетом цветов. Ей еще нельзя было волноваться. Роды были нелегкими, женщина не вставала с постели, а ребенок лежал у нее на груди. Федор явно волновался. «Первый раз в жизни», – в шутку подумала Ирина. Он взял на руки сына и начал пристально изучать. В этот момент малыш пронзительно закричал, и Федор прекратил «осмотр», передав сына медсестре.

– Умный будет. Смотри, какая головка большая, – сказала Ирина.

– Ага, – в некотором смятении ответил Федор.

«Он все тот же», – про себя отметила женщина.

В последующие дни Федор приходил в роддом каждый вечер. Они непринужденно болтали о сыне, как будто новая жизнь началась не только для него, но и для них. Новоиспеченный отец ежедневно с любопытством осматривал сына. Скорее, даже с научным интересом.

Сразу после своего возвращения Ирина поняла, что муж изменился. Исчезла его замкнутость, Фёдор стал гораздо общительнее, и немало времени уделял ребенку. «Все наладится», – говорила она себе. И все действительно налаживалось. Мать и отец растили сына, они позабыли о том, что было раньше. Но иногда, вставая ночами кормить ребенка, Ирина вспоминала о прежних странностях мужа. И каждый раз приходила к выводу, что все исправилось из-за появления ребенка. Не раз она позже вспоминала свою наивность, ослепление счастьем.

Внимание мужа к здоровью ребенка было слишком пристальным. Он каждый месяц заказывал дорогостоящее медицинское обслуживание, возил малыша в областную клинику. И получал всегда одинаковый ответ – «здоров».

Стоит отметить, что ребенок рос и развивался не по дням, а по часам. Он уже ходил в полгода, хотя при рождении весил не больше двух с половиной килограммов. В год Женя произносил первые слова. Причем говорил их с та-

ким серьезным лицом, что это вызывало удивление родителей и гостей. Обычные игрушки его практически не интересовали – малыш проводил много времени в кабинете отца, неуклюже брал в руки ручку и выводил странные символы и рисунки. Через полгода он говорил длинными предложениями, вкладывая смысл в каждое слово. Словом, ребенок был необыкновенный.

Ирина отметила, что муж перестал оставаться на работе по три часа и приходил домой вовремя. «Вот что такое счастье», – думала она.

III. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Но счастье супругов продлилось недолго. Когда Жене исполнилось полтора года, Ирина вышла на работу, а ребенка стала оставлять в яслях. Спокойные дни закончились. Мать волновалась за сына. Так часто бывает, когда мать расстается с ребенком, пусть всего лишь на полдня.

Однажды Ирина пришла в детский сад за Женей, но ей там ответили, что ребенка забрал отец. Такого еще не было. В необычном волнении она поспешила домой. Там был муж, совершенно один, сидел за письменным столом с книгой и спокойно курил. Ирина бросилась к нему и закричала:

– Где Женя?

Федор встрепенулся, снял очки и спросил удивленно:

– А я откуда знаю?

– Мне в яслях сказали, что ты его забрал, – уже менее уверенно проговорила Ирина.

– НО Я ЕГО НЕ ЗАБИРАЛ! Клянусь!!! – прокричал Федор.

Тут с ним произошло что-то странное.

– Иллюзия! Это проклятые чистильщики! И тут они меня достанут! – выкрикнул Федор, но тут же заткнул себе рот. Он не должен был этого говорить, ни под каким предлогом. Никому. А тут он проболтался.

Сразу же мужчина побежал к телефону. Ничего не понимающая Ирина пошла за ним. Он позвонил в милицию с просьбой найти сына. Федор кричал в трубку так естественно, с таким волнением, что не поверить ему было трудно. На следующий день милиция допросила всех, кто имел дело с ребен-

ком. В один голос они заявляли, что видели Федора уносящим сына. Недоумевали все, кроме Федора. Он понимал все. Он подошел к одной из свидетельниц и спросил:

– А этот... хм... мой двойник... Прикасался к окружающим предметам?

Вахтер детского сада тут же вспомнила:

– Он опирался на стену вот в этом месте!

Милиция сняла отпечатки пальцев, после чего сравнила их с отпечатками Федора. Они совершенно не совпали.

Все были в замешательстве. Но, опять же, кроме Федора. Он как будто знал, кто за этим стоит.

Федор вышел на улицу покурить и... исчез. Когда он отсутствовал уже 15 минут, Ирина вышла во двор и обнаружила, что никого нет. Очевидцев не было, а те, кто проходил мимо, говорили, что никого не видели. Вскоре пришла неожиданная новость – половина сотрудников школы, в том числе учителя, были обнаружены в своих квартирах с простреленными головами. Это событие кто-то пытался связать с пропажей Федора, но улик было недостаточно, за исключением того, что застрелены они были из одного и того же оружия, предположительно – пистолета Макарова. Но столько смертей и исчезновений, к удивлению Ирины, в правоохранительных органах как-то замяли – за неимением улик и свидетелей.

Так Ирина лишилась и мужа, и сына. Она плакала несколько дней. Милиция практически бездействовала, ограничившись сбором вещественных доказательств. Одни улики противоречили другим, но им верят больше, чем свидетельским показаниям. А улики были за Федора. Максимальное, что могла сделать милиция, – это объявить Федора и его сына в розыск. Но это ни к чему не привело.

Через неделю Ирина почувствовала себя плохо и обратилась к коллегам-врачам: оказалось, что она снова беременна. Огромное количество мыслей копошилось в ее голове – она верила мужу, и в то же время понимала, что все так просто произойти не могло. И те невзначай брошенные Федором сло-

ва не давали ей покоя. Она поняла, что муж связан с какой-то тайной организацией, которая теперь замечает за собой следы.

Но кто такая Ирина? Она осталась одна, без поддержки и мудрых советов мужа и продолжала работать – только для того, чтобы не покончить с собой от горя. А ее муж пропал бесследно. Женщина обзвонила все инстанции, и везде разводили руками – свидетелей мало, улик, как таковых, нет. Но она не похоронила в себе мечту разгадать загадку мужа. «Буду жить новым ребенком», – подумала Ирина.

Каждый день она боялась, что кто-то придет к ней домой, заберет ребенка или ее саму, унесет в неизвестном направлении... Но этого не произошло: те, кто унес с собой ее мужа, не проявляли к его жене и ребенку никакого интереса. Она мечтала уехать куда-нибудь, но денег на это у женщины бы не хватило: грянула перестройка. Так Ирина осталась наедине с девочкой и со своей тайной, которая много лет не давала ей покоя...

ЧАСТЬ I

ДВОЕ В ГОРАХ

IV. Миссия разведчиков

Прошло тридцать лет...

– Слушай, опять сегодня какой-то идиот устроил пальбу в школе в США. Пятеро погибших, четверо раненых. Пустил себе пулю в лоб после того, как наигрался в тир. Вот, Саня, к чему приводит злоупотребление компьютерными играми...

– Но-но, Михон! Хватит ругать мое любимое развлечение! Неужели ты не понимаешь, что конкуренты издателей игр только и делают, что подстрекают народ. А ведь это не шутки! Это бизнес, наивная ты голова! И хватит уже сидеть в Интернете, пора делом заняться!

Вы подумали, что эти двое сидят дома у компьютера и читают новости в Интернете? Однако, всё было не так. Находились они в довольно необычной обстановке. Вокруг были невысокие горы, солнце уже заходило за вершину одной из них и пускало свои лучи на отвесный склон, у подножия которого

расположилась наскоро разбитая палатка. Рядом с ней на складном стуле сидел мужчина лет тридцати в костюме цвета хаки, на кармане которого находился шеврон с армейской маркировкой. Сам мужчина был широкоплечий и высокий, но его добродушное лицо никак не вязалось с мощным телосложением. Блестящие голубые глаза смотрели в разложенный на коленях ноутбук. Неподалеку на возвышении была развернута наскоро откалиброванная спутниковая антенна, соединенная с ноутбуком. Чтобы наладить такое устройство в полевых условиях, надо было обладать немалыми опытом и познаниями в технике, чем сполна владел другой участник загадочной горной экспедиции.

Он сидел на точно таком же стуле и был одет в такой же костюм, но выглядел совсем по-другому. Телосложение у него было совсем не такое мощное, как у компаньона, лицо чаще бывало строгим, чем добродушным, но иногда по нему проскакивала улыбка – когда хитрая, когда не очень. Во рту он держал сигарету, изредка делая затяжку, и было заметно, что эту сигарету он курил уже минут двадцать – видимо, экономил.

Трудно было понять, кто из этих двоих был главным – разговаривали они на равных, и лишь изредка майор Александр Рыбкин показывал своему другу, капитану Михаилу Кириллову, что он отвечает за операцию и принимает важные решения.

– Давай, хватит уже новости глядеть. С центром связались, информацию передали, пора заканчивать сеанс связи, – Рыбкин встал и направился по направлению к «тарелке», не трогая сигарету во рту. – Батареей посадишь.

– Ладно, ладно. Но что-то мне подсказывает, что ты это неспроста с каждым днем уменьшаешь время связи, – сказал Михон, выключая компьютер и отключая провода. – Ты чего-то опасешься?

Рыбкин вернулся на свое место, по-прежнему не трогая потухающую сигарету. Он, похоже, вообще не обращал на нее внимания. Вскоре Рыбкин процедил:

– Я думаю, что нас могут запеленговать – сделать это проще простого.

Михон остановился и с удивленным лицом спросил:

– Запеленговать? Кто? Горные козлы? – он усмехнулся своей шутке и продолжил сматывать провода.

Рыбкин затянулся в последний раз, потом выбросил сигарету и произнес с сарказмом:

– В этом месте без вести пропадает научная экспедиция. На ее поиски отправляют два вертолета, которые тоже без следа одновременно пропадают. Тебе не кажется, что это довольно странное стечение обстоятельств?

Михон, казалось, не заметил слов друга, и продолжил начатую фразу:

– Я не думаю, что здесь все так серьезно. Бандиты, если они существуют, вряд ли обладают нужной техникой для того, чтобы определить наше местонахождение.

– Знаешь, я завидую твоим железным нервам. У меня мурашки по коже, как подумаю, что могло случиться с экспедицией? Даже если допустить, что с вертолетами были технические неполадки. И еще кое-что, чего я тебе не говорил...

Рыбкин умолк на несколько секунд. Михон нетерпеливо спросил его:

– Ну же, не томи...

– Знаешь, это место странно на меня действует. Я по ночам не могу уснуть, хотя дома сплю, как убитый.

– Ну и что? Вполне нормальная реакция на перемену обстановки...

– Перемену?! Да мы тут неделю почти мотаемся, черт возьми!

– У тебя дома есть Катя, она тебя и накормит, и напоит...

– Это не аргумент, – Рыбкин ухмыльнулся. – Катя не поит меня снотворным и не поет колыбельных. И ты меня не так понял. Я все время чувствую себя эмоционально подавленным...

– Правда? А, по-моему, ты настоящий псих...

– Ха-ха, с психами так не обращаются, как ты со мной. К ним относятся с опаской и обходят за километр. А ты умудряешься дерзить такому психу с автоматом, как я. Хех...

– А если серьезно, то со мной все в порядке. Я люблю горы...

– Горы и я люблю! Я не против после нашего задания махнуть в Альпы, отдохнуть по-человечески...

– А почему бы, например, не на Кавказ?

– Хватит с меня Кавказа на всю жизнь... Да и с тебя тоже. И не уходи от темы, ладно?

– Ладно-ладно, псих. Только ты первый начал. Давай, рассказывай про свои ментальные проблемы.

Рыбкин пропустил иронию друга мимо ушей. Он задумался, действительно – что с ним не так? Сила, ловкость и реакция все те же, хотя, в деле он их не проверял, голова болит по утрам – с кем не бывает. Плохой сон вполне мог быть следствием перемены места. А эмоциональная подавленность, нежелание ничего делать – вот это был серьезный факт, хотя аргументом он являлся только для самого Рыбкина – Михон считал эти опасения бредом.

Рыбкин размышлял над этим вопросом считанные секунды, а потом сказал другу:

– Иди-ка спать, завтра в шесть снимаемся и идем дальше, – этими словами он окончательно сбил с толку друга, который, было, настроился на рассказ Рыбкина.

– Есть, товарищ майор! – единственное, что пришло в голову Михону.

– Будь ты всегда таким покладистым, цены бы тебе не было! – ответил майор на явный сарказм друга, так как тот уже давно перестал наедине называть своего друга и командира по званию.

Правда, шутить нашим героям оставалось совсем недолго. Вскоре в их жизни наступят тревожные перемены, и их «легкая» операция обернется авантюрой с риском для жизней, принадлежащих не только им...

V. СКУЧНО НЕ БУДЕТ

Рыбкин и Михон познакомились во время службы в Чечне в две тысячи третьем. Тогда Рыбкин служил командиром одного из разведотрядов Федеральных войск. Всего год прошел с той поры, как он окончил академию ФСБ

и поступил на службу в главное разведуправление. Как одного из самых способных лейтенантов, его сделали командиром части, размещавшейся в глубине Кавказских гор, отрядили ему пятерых бойцов и дали задание собрать информацию о лидере одной из преступных группировок. У Кириллова же было другое задание, и его группа находилась в двадцати километрах от группы Рыбкина.

Однажды группа Рыбкина отправлялась на слежку, и он, как обычно, проводил разведку, хотя у лейтенанта имелись детальные карты местности. Засады в тех местах были обычным явлением – террористы, в отличие от федеральных войск, знали горы как свои пять пальцев. Взяв бинокль, он отправился на одно из возвышений, и принялся осматривать окружающую местность. Точка обзора была выбрана удачно, и детальный осмотр принес плоды – в двух километрах Рыбкин заметил несколько боевиков, сидящих в засаде. Но боевики, устроившие засаду, поджидали не его группу. Рыбкин поспешно спустился и отдал приказ своим людям продвигаться вперед, но тихо и не привлекая внимания. Когда они находились на полпути к засаде, из-за соседнего перевала вышла другая группа российских бойцов, в числе которых был Михон. Их командир старался не снижать бдительности, но стоило ему посмотреть по сторонам, как из засады внезапно выпрыгнули пятеро боевиков. Один из них метким выстрелом убил капитана, командовавшего отрядом Михона, остальные серьезно ранили его товарищей. Рыбкин, увидев такое положение дел, быстро отдал приказы своим, и вскоре бандиты были окружены. Трое из них погибли, остальные лежали раненые на земле – их быстро связали бойцы Рыбкина.

Из своего отряда живым остался только Михон, и то чудом. Один из его товарищей был тяжело ранен, и как Рыбкин ни пытался его спасти, раненый скончался от потери крови. При таких печальных обстоятельствах и познакомились наши друзья. У погибшего капитана на руках были важнейшие данные, и они перешли к Рыбкину. Самого же Михона временно приняли к Рыбкину в отряд. Гибель товарищей тяжело отразилась на его состоянии, но

он быстро нашел новых соратников. За этот подвиг Рыбкину и его команде вручили боевые награды, а самому лейтенанту – повышение по службе: он стал капитаном.

На следующее задание они с Михоном отправились вместе и выполнили его успешно. Они подружились – Михон серьезно считал, что обязан Рыбкину по гроб жизни, и что когда-нибудь он оплатит своему спасителю той же монетой. Да и самому Рыбкину понравилось работать с Михоном, которого после успешной помощи Рыбкину в его задании, повысили до звания капитана разведки.

Прошло несколько лет. Рыбкин и Михон все это время не оставались без работы, хотя задания, сопряженные с риском для жизни, им не поручали. Михон всегда был против насилия, а вот Рыбкин скучал по боевым операциям. Михон же пытался доказать, что истинное мастерство разведчика – получать информацию любым путем, кроме насилия, особенно, когда оно может повредить результату операции или угрожать объекту слежения.

В этом заключалось противоречие наших друзей – сильного, но миролюбивого Михона и ловкого, хитрого и порой циничного Рыбкина, не гнушавшегося разных способов улаживания конфликтов. Хотя, в этом был и свой плюс – иногда требовалось надавить на нужного человека, и припугнуть его. Зато Михон обладал невероятной проницательностью и был искусен в переговорах и перевоплощениях – в их работе это требовалось в первую очередь. Но, являясь такими противоположностями, герои нашего повествования все же отлично ладили и словно дополняли друг друга.

Однажды в ведомстве стало известно о секретной научной экспедиции по изучению электромагнитных полей на Алтае. Через несколько дней после начала исследований экспедиция пропала. К ее поискам подключили авиацию, но через три часа после вылета два вертолета исчезли с экранов радаров. К делу срочно подключили ФСБ, так как запахло чем-то подозрительным.

Получив четкие инструкции, Рыбкин и Михон направились в неизведанную местность. Поначалу им казалось, что все закончится быстро, они найдут экспедицию и отправятся домой. Но все оказалось не так просто. Горы явно не собирались показывать им местонахождение экспедиции. Прошла неделя, и наши друзья прочесали львиную долю нужной территории, но не нашли и следа, каждый раз сообщая Центру, что поиски не удались.

Рыбкин не представлял, в чем может быть причина и решил до конца исследовать местность, которую они знали только по картам со спутника. В некоторых местах вместо прямой дороги их ожидали завалы, которые приходилось обходить, что существенно затягивало поиски. К счастью, провизии в их рюкзаках хватало еще, как минимум, на неделю.

Разведчики получили в свое распоряжение необходимую для связи технику, оружие и боеприпасы – на случай, если придется жарко. Хотя, по словам Михона, лучше было бы обойтись без этого. А вот Рыбкин, похоже, скучал по приключениям, в которых он уже давно не участвовал.

Его чутье подсказывало, что дело не пройдет гладко, поэтому он тщательно маскировал места для привала, выходил на связь только ненадолго. Каждый день он представлял себе картину найденной экспедиции, ее участников: живых или мертвых – в зависимости от настроения. Ночами ему снились странные, порой страшные сны: иногда вспоминались перестрелки в Чечне, которые очень редко снились ему раньше и были отнюдь не самыми приятными воспоминаниями в жизни.

Порой ему виделись какие-то бесконечные темные коридоры, в которых сновали одинаковые люди, не говоря ни слова друг другу. В такие минуты, даже сквозь сон, Рыбкина посещало странное чувство, что он является одним из них, и майор сразу просыпался, понимая, что это всего лишь сон. Прошло три дня, прежде чем он предпринял попытку записать свои сновидения, ведь обычно сны забываются очень быстро. Ранним утром он включал компьютер и, разряжая бесценные батареи, записывал все, что мог вспомнить. С каждым днем они становились все явственнее, и это волновало Рыбкина. Почему-то

он считал, что Михон не поверит его «бредням» и не показывал ему записи: он писал их только для себя.

Проснувшись на следующий день в половину шестого, Рыбкин повернул голову в сторону сидящего на вахте друга и задумался: «Почему он не чувствует того же, что и я? С моим разумом явно что-то не в порядке: эти странные сны, убийства... Мне никогда не снилась служба в Чечне, а тут... Словно кто-то выкапывает из моей головы воспоминания, переделывает их и выставляет на показ в таком виде, что я сам поеживаюсь от страха. А эти коридоры? Что же они символизируют? Не верится, что это всего лишь моя разыгравшаяся фантазия. Но если это связано с местностью, то почему не действует на Михона? Надо бы все-таки показать ему записи – может, он видит то же самое, но не хочет в этом признаться?» – с этими мыслями Рыбкин обратился к Михону:

– Нам пора собираться. Но сначала я хочу кое-что тебе показать.

Рыбкин достал компьютер, нашел там свои записи и дал почитать товарищу. Сам же он вышел из палатки и стал делать зарядку – он не представлял себе утра без упражнений.

– Как интересно, – услышал он голос друга, – зря я тебя не слушал. Говоришь, тебе раньше никогда не снилось ничего подобного? Но со мной действительно все в порядке! Сплю я отлично, мне снится все, что угодно, но только не то, что тебе. На меня это место никак не действует. За исключением, конечно, того, что это горы – тут и воздух чище, и тихо, как нигде...

– Ты все о своем, – сказал Рыбкин, переодеваясь. – А вот я думаю, как бы нам не попасть в передрагу. Слишком все это подозрительно...

– А знаешь, мне тоже становится как-то нелегко на душе. Давай сматывать удочки, и в путь!

Такая перемена в поведении друга слегка позабавила Рыбкина. Он взял в зубы сигарету и курил, пока Михон собирал завтрак.

– Интересно, кто знает, что еще нам подбросит судьба? Скучать точно не придется, здесь явно пахнет керосином!

Рыбкин бодрился, говоря эти слова, но в душу майора закрадывался страх – необычное чувство для такого человека, как он. Еще вчера они думали, что быстро найдут потерявшуюся экспедицию – ведь, судя по карте, неисследованных областей осталось на пару дней. Сейчас же друзьям стало тревожно на душе, они позавтракали, собрали все вещи в два огромных рюкзака и отправились в неизвестность, которая и манила, и пугала их.

VI. Будущее и прошлое

Разведчики шли по месту, на котором недавно случился обвал – кругом лежали камни, и им было нелегко, с грузом на плечах, подниматься и спрыгивать с больших валунов, попадавших буквально на каждом шагу. Судя по карте, это был длинный перевал, прямой линией тянувшийся на несколько километров: пройти его до обеда из конца в конец не представлялось возможным. Поэтому наши герои, смотря под ноги и изредка по сторонам, думали каждый о своем, практически не разговаривая.

Рыбкин родился в обычной семье. Отец был рабочим на заводе, мать – инженером. Детство Саши прошло точно так же, как и у других детей; жили они не бедно и не богато. Жизнь текла спокойно и без перемен, пока он не встретил ЕЁ.

Это случилось в восьмом классе. В их школу перешла девочка, которая тут же приковала внимание многих его одноклассников. Она была одинаково умна и красива и сразу дала понять, что к ней лучше просто так не лезть – а то еще укусит ненароком. Такой неукротимый характер и привлек к новенькой нашего героя. Она стала его первой и последней любовью.

И какова же была радость Саши, когда девочка ответила ему взаимностью! Для Рыбкина ОНА была всем – ради НЕЕ он прогуливал уроки и тренировки. Хотя Саша и был неглупым учеником, назвать его прилежным было трудно. Но учителя прощали юному Рыбкину прогулы, зная, что он быстро наверстает упущенное, если возьмется за ум, или если его отругают родители. Нет, Саше не было наплевать на учебу, просто с появлением ЕЕ в его жизни многое поменялось.

Звали ее Катя, она жила с матерью. Когда Рыбкин стал чаще с ней общаться, он понял: Катя вовсе не та «железная леди», которую из себя изображала, а очень общительный человек, готовый помочь в любую минуту. И она искренне любила Рыбкина. Настолько искренне, насколько может любить ребенок. Это Катя унаследовала от своей матери. Та была молчаливой, словно постоянно что-то недоговаривала. Но когда Рыбкин встретил ее в первый раз, то понял – нет на свете добрее человека, чем Катина мама.

Чувство Кати и Саши друг к другу было не банальной школьной влюбленностью, которая встречается здесь и там, и хоть раз бывала у каждого из нас. Оно было таким, о котором и взрослые могут только мечтать. Когда они начали встречаться, у обоих было такое ощущение, что они созданы друг для друга и знакомы уже целую жизнь.

Катя с детства мечтала стать медиком – врачом или хотя бы медсестрой. Хотя, наверное, всякий ребенок в мечтах видит себя спасающим другие жизни. Рыбкин же хотел реализовать себя по-другому – стать военным, а еще лучше – разведчиком. Поэтому после окончания одиннадцати классов Катя поступила в медицинский университет, а Саша – в тогдашнюю высшую школу КГБ. Им пришлось переехать в Москву и снять комнату. Саша из худого мальчика превратился в высокого и стройного юношу, а Катя стала чуть ли не первой красавицей своего университета. Словом, пара была как на подбор, и расстаться они могли разве что по чудовищному стечению обстоятельств, которого, к счастью не произошло. В их жизни было все хорошо, как часто бывает у молодых. Ссорились они редко и после этого всегда что-то для себя приобретали, а их чувства становились крепче день ото дня.

После окончания Рыбкиным академии, его, как одного из самых перспективных выпускников, отправили туда, где требовались новые способные разведчики – в Чечню. Оттуда Александр вернулся настоящим мужчиной, потому что тяжелые будни, сопряженные с риском для жизни и насилием, могли сделать с человеком все, что угодно: либо закалить его душу, либо оставить его без нее.

Первым после наград и повышений, что заметила Катя, когда Рыбкин вернулся с войны, было то, что он стал курить, причем выкуривал немало сигарет за день. Но отучить его от этой пагубной привычки не удалось ни Кате, ни его родителям. Александр вернулся с войны не один, а с лучшим другом, коим был Михон. Вскоре Рыбкин женился на Кате и на их свадьбе Михон был свидетелем, а позже стал самым желанным гостем в их доме, сам же он был совершенно одинок.

Расскажем же немного о втором главном герое нашего повествования. Во многом он и в детстве был противоположностью Рыбкину. Михон – сирота, которого еще маленьким, голодным младенцем подбросили к дверям дома малютки. Свидетелей этого не было и все решили, что ребенка бросила нерадивая мать. «Хоть на помойку не выбросила», – говорили няньки, качая головой. Мальчик рос в детдоме, но не был похож на друзей по несчастью. Общий язык с ними он находил довольно трудно, друзей у него было мало, а жить в детском доме – нелегко. К великому счастью, Михона в возрасте десяти лет усыновила семья военных, которые относились к мальчику, словно к родному сыну, и даже дали ему свою фамилию, так как в доме малютки его нарекли Неизвестным. Казалось, исполнилась главная мечта ребенка, выросшего в детском доме – он обрел настоящую, пусть и неродную семью.

Приемные родители устроили Михона в военное училище еще в одиннадцать лет, поэтому он рос настоящим мужчиной; его с детства готовили пойти по стопам приемного отца. Но, когда Михону исполнилось восемнадцать лет, он с родителями попал в ужасную автокатастрофу. Жив остался только он сам, так как сидел на заднем сиденье. Гибель приемных родителей, успевших стать ему родными, тяжело отразилась на юноше. Ему в наследство досталась квартира и имущество отца, так что дважды сироте не пришлось жить в бедности, но теперь он снова был совсем одинок. Это горе прибавило Михону рвения и он стал учиться еще усерднее. Когда он окончил училище, то, в числе многих молодых людей, был отправлен в Чечню, где и познакомился с новым другом, потеряв весь свой отряд.

Вот так люди с разным прошлым шли в новое, общее будущее, которое находилось на другом конце этого перевала. Рыбкин предполагал, что шли они как раз по пути экспедиции и нужно быть начеку. Пройдя примерно половину пути, они остановились на привал и молча ели надоевшую тушенку. Первым заговорил Михон:

– Как себя чувствуешь?

– Не легче. Голова трещит, как после вчерашнего. Не нравится мне все это...

– Но мы должны как-то продолжить путь. Что-то мне подсказывает, что мы уже близко.

– Исчезновение экспедиции явно связано с этим странным воздействием на мозг. Вдруг ее члены сошли с ума и двинулись черт знает куда?

– Не выдумывай. Ты же всегда говорил: домыслы только мешают логичному следствию.

– Это так, но всегда надо предугадывать худшее.

И снова Рыбкину не давал покоя вопрос: почему с Михоном все в порядке?

Прошло полчаса и разведчики снова двинулись в путь. Судя по карте, им предстояло преодолеть еще половину этого каньона.

VII. Маркус

К вечеру, усталые и изможденные, наши друзья добрались до конца каньона. Он слегка огибался к востоку, а за изгибом горная тропа расширялась в большую площадку, которая была довольно привлекательным местом для ночлега, но необходимо было соблюдать осторожность. Когда Рыбкин и Михон дошли до изгиба, они опустили свои рюкзаки и сели передохнуть.

Тут в нос чуткому Рыбкину ударил едва заметный, но, как всегда, резкий запах пороха.

– Слышишь? – спросил он, шепотом и пригнувшись. – Здесь стреляли!

– Или что-то взорвали, – ответил ему Михон.

Разведчики взяли в руки автоматы и взвели затворы. Запах пороха не предвещал ничего хорошего. Перед выходом на площадку тропа слегка сужалась, давая превосходное укрытие. Наши двое тут же прильнули к обоим ее краям, с опаской выглядывая в сторону площадки.

Где-то недалеко с уступа посыпались камни, и после этого события развивались с быстротой молнии. К ногам Рыбкина и Михона упала шашка, из которой в воздух тут же хлынул какой-то дурманивший газ. Друзья инстинктивно прижали носы и рты к рукавам, стараясь не дышать. Но зеленый газ быстро проникал к ним в уши и под одежду, а они не могли долго задерживать дыхание. Рыбкин упал первым, подергался в судорогах секунду, после чего потерял сознание. Михон держался дольше, он упал на землю, и его взору предстала необычная картина. С одной стороны площадки двигалась группа бойцов в бронежилетах с химзащитой, которые тут же вскинули оружие к плечам и короткими очередями начали стрелять в другую сторону. Куда целились, он заметить не успел: борясь с дурманом, Михон провалился куда-то в темноту.

Рыбкин очнулся через несколько часов. Кто-то усердно тряс его и повторял по-английски:

– Ну, очнись же ты!!!

Рыбкин пребывал в дремоте, еще не оправившись от действия газа. Открыв еще совсем непослушные глаза, он увидел над собой темноволосого мужчину лет тридцати в неизвестной ему форме. Мужчина, похоже, обрадовался, увидев, что Рыбкин открывает глаза.

– Ты кто такой? – тоже по-английски спросил мужчину Рыбкин.

Мужчина вытащил из кармана удостоверение и сказал:

– Старший лейтенант Маркус Прайс, ФБР. Приятно, познакомиться, майор Рыбкин.

– Ага, уже ознакомились с моими документами. Как же у вас все это быстро делается...

– Профессия, майор... Думаю, вы бы на моем месте поступили точно так же.

– Где я? – растерянным голосом спросил Рыбкин. Он посмотрел направо: там лежал Михон, а рядом с ним сидела, судя по фигуре, женщина в такой же форме, что и Маркус, и приводила Михона в сознание. – Который час?

Маркус ответил, что по местному времени было уже полчаса за полночь. Рыбкин в ответ на это выругался: ведь они уже три часа как должны были отправить рапорт в Центр! О них начнут беспокоиться... Но он побоялся высказывать эти опасения американцу, майор думал, что операция уже провалена и они в плену.

– Зачем вы нас схватили? Что вам нужно? – задал Рыбкин довольно логичный вопрос, на который получил неожиданный ответ:

– Мы вас не схватили. Вы вполне свободны и вольны делать, что захотите.

Почему-то только теперь Рыбкин заметил, что действительно свободен и попытался сесть. Но это ему не удалось – то ли от усталости, то ли он все еще не оправился от действия неизвестного психотропного газа.

– Лежите пока, мы сейчас принесем вам еды, чтобы вы подкрепились – на вас же лица нет!

«Какой заботливый янки попался», – подумал Рыбкин. Майор огляделся – местность была незнакомая. Только осмотревшись, он понял, что это та самая расчищенная от завалов площадка, к которой они шли целый день. Посмотрев налево, Александр увидел чьи-то вещи, а рядом с ними – свои рюкзаки, которые выглядели совершенно нетронутыми. «Наверняка они их вернули наизнанку, а потом сделали вид, что и пальцем к ним не прикасались, – опять подумал Рыбкин. – Знаю я их». Хотя американцев он не знал – всего лишь пару раз работал с одной ячейкой мелких шпионов в Москве. Ради этого им с Михоном пришлось овладеть английским языком на высоком уровне.

Рыбкин с трудом сел. Чувствовал он себя плохо и больше всего сейчас хотел оказаться дома. Что-то неизвестное давило ему на мозг с гораздо большей силой, чем раньше. Тут к нему подошел Маркус с откуда-то взявшимся горячим супом.

– Ничего себе, я такой вкусной еды не ел с той поры, как прибыл в это проклятое место, – громко проговорил Рыбкин по-русски, чтобы узнать, слышит ли его Михон. Хотя это был обыкновенный американский суп быстрого приготовления, и ничего особенно вкусного в нем не было.

– Я слышу тебя, Саня. Как себя чувствуешь? Посмотри, какая красивая девушка за мной ухаживает, – отозвался Михон.

Тут девушка, сидевшая рядом с Михоном, развернулась в сторону Рыбкина, и он увидел, что это была стройная блондинка с голубыми глазами. Она встала, подошла к Прайсу и спросила его тихо, но все же Рыбкин услышал эти слова:

– Объясни ему, как работать со шлемом психической защиты.

– Ох, спасибо, Сара, я совсем об этом забыл...

– Вот что бы ты без меня делал...

Михон внимательно наблюдал за девушкой, которая сразу привлекла его внимание. Она не была похожа на других женщин, работавших в органах госбезопасности США: их досье нередко попадались ему на руки. Сара же была очень красивой, и казалось, что только вчера надела военную форму, а все предыдущее время работала где-то секретаршей или школьной учительницей. Ведь служба всегда накладывает отпечаток на человека.

Маркус подошел к Рыбкину и громко сказал:

– Я представляю вам членов моей команды. Это сержант Сара Паркер, моя правая рука и наш техник. У того прохода, откуда вы пришли, стоит сержант Брайс Джексон – наш лучший снайпер. А у противоположного конца площадки – сержант Джон Харрисон, медик, и лейтенант Пол Хэкетт, связист. Надеюсь, мы будем работать вместе.

– У нас важная секретная миссия, данными о которой мы не можем ни с кем делиться. – Рыбкин не доверял новым людям, тем более американцам, которые могли выкрасть у них данные или вовсе водить их за нос.

– Во-первых, она уже давно не секретная, – совершенно невозмутимо ответил ему Маркус. – Во-вторых, это очень опасное место, всех загадок которого мы еще не знаем. Здесь на каждом шагу враги.

– А что, если я откажусь от сотрудничества с вами? – спросил Рыбкин, Маркус ответил ему вполне убедительным тоном:

– Вы погибнете. Если не от пуль неизвестных врагов, то от аномалии этого места, которая без необходимой защиты просто уничтожит ваш мозг, сделав из вас лопочущего, ничего не понимающего идиота, который, в конце концов, умрет тут от голода, так как у него не хватит ума даже выбраться отсюда.

Ответ Маркуса поверг наших друзей в шок, из которого они вышли не скоро. Рыбкин начинал переосмысливать все, что с ним здесь происходило. Михон же понял, в кого стреляли американцы перед тем, как он «вырубился». Непростой выбор встал перед майором: довериться американцам или плюнуть на них и идти своей дорогой. Но дорога была всего одна, и наверняка, им еще придется пересечься с Прайсом. Главное было не это, а то, что Рыбкин скажет Центру – нужно было выходить на связь. Ответственность за выбор лежала на нем, к тому же – у него сильно болела голова, что тоже мешало принять решение.

Тут к нему подошел Маркус с каким-то непонятным шлемом черного цвета, и сказал:

– Поднимите голову, майор. Сейчас вам станет легче, – с этими словами он надел шлем на голову Рыбкина, надежно закрепив его в районе шеи.

Шлем оказался не твердым, как думал Рыбкин, а эластичным и плотно прилегал к голове. Майор тут же ощутил, что давление на мозг прекратилось. Первый раз за столько дней он чувствовал себя хорошо.

Сара же надела точно такой же шлем на голову Михону – для профилактики. Потом они отошли вместе с Маркусом так далеко, что наши друзья не могли их слышать.

– Похоже, Кириллов – как раз тот, о ком говорил Сириус, – тихо сказала она Маркусу. – Он невосприимчив к вредоносному излучению. Надеюсь, нам удастся им помочь, завоевать их доверие...

VIII. Загадка

– Если вы все о нас знаете, может быть, скажете нам цель своего пребывания здесь? – спросил Рыбкин у Маркуса.

– Как ни странно, наша цель – вы. Нас послали сюда, чтобы обезопасить вашу операцию и предостеречь вас.

– Нас? Так вам было известно все и сразу?

– Наша разведка работает не хуже вашей, – сказал Маркус и улыбнулся. Он явно был доволен впечатлением, произведенным на Рыбкина его словами.

Перспектива сойти с ума майора совсем не радовала. Но и сотрудничать с агентами США ему не хотелось. Рыбкин встал, спокойно подошел к своему рюкзаку, вынул оттуда пачку сигарет, потом сел и закурил. Все остальные наблюдали за этим молча. «Во-первых, если бы им надо было от нас избавиться, то они бы нас убили, когда мы были в отключке. Значит, им что-то от нас нужно. В слова Маркуса я не верю – отправляться в такое богом забытое место, чтобы спасти пару человек, к тому же российских агентов? Что за чушь! Во-вторых, фактически, они нас спасли от неизвестных врагов. Кстати, они же в кого-то стреляли, значит, должны быть и трупы!» Вопрос этот лежал на поверхности, но пришел в голову Рыбкину только сейчас.

Тут Маркус прервал молчание и сказал:

– Давайте будем называть друг друга по имени, – он, видимо, считал вопрос об их сотрудничестве решенным. – Вы меня будете называть Маркус, а я вас – Алекс и Майкл. Идет?

– Меня забавляет ваша непосредственность и фамильярность, Маркус. Все вы, американцы, такие, – ответил Рыбкин с нескрываемой иронией.

– Ну, простите, если чем-то вас обидел, Алекс.

– Без проблем. Я бы хотел кое-что прояснить. Вы тут, похоже, в кого-то стреляли после того, как нас отрубило. Кто эти люди?

Маркус задумчиво прошел два шага, потом вернулся обратно и сказал:

– Мы здесь уже пять дней. Однажды мы увидели двух человек, стоявших на месте и практически не двигавшихся. В руках у них были автоматы, одеты они были в необычные бронекастюмы. То, что нас удивило больше всего – они стояли, не глядя друг на друга и не разговаривая, как роботы. Лица их были скрыты масками с респираторами, и мы не могли их разглядеть. Когда мы подошли к ним метров на десять, они вдруг живо встрепнулись и... начали в нас стрелять. Чудом всем нам удалось выжить. Оказалось, что обезвредить их очень трудно, и единственный способ сделать это – убийство. Но самое интересное, что попадание по всем частям тела, кроме головы, ни к чему не приводит – эти люди продолжают стрелять даже с простреленной рукой или ногой. Более того, попытки их захватить чреваты пагубными последствиями: их тела попросту взрываются с силой примерно в сто граммов тротила. Мне продолжить, или вы сами нарисуете картину поля боя, Алекс?

Рыбкин был потрясен еще больше. Эта ночь вообще была ночью потрясенный, от которых у него пухла голова.

– А показать их нам вы можете? – спросил Михон.

– Мы уже похоронили их недалеко отсюда, и у нас нет никакого желания раскапывать могилы. К тому же, там смотреть не на что. Единственное, что мы могли исследовать – это их униформа, и она изготовлена из особого материала по неизвестной технологии. В общем, загадок тут масса, и я думаю, если вы к нам присоединитесь, разгадка ждет где-то рядом. Свяжитесь со своим начальством и ложитесь спать. – Маркус немного помолчал, а потом добавил, как будто что-то вспомнил. – Кстати, у меня для вас новость. В километре отсюда мы нашли искомую вами научную экспедицию. Все ее участники, включая охрану, мертвы. Вот фотографии.

Маркус передал Рыбкину цифровую камеру, и тот стал перебирать снимки. Все люди, а их было пятнадцать человек, лежали мертвые в разных позах – кто-то спал на лежаках, кто-то просто лежал на земле, раскинув руки.

– Судя по всему, они не были убиты из оружия. Скорее всего – умерли от воздействия на нервную систему местного... излучения, поля. Не знаю, как это назвать.

Рыбкин стал понимать: здесь надо держаться вместе, иначе можно кончить так же, как и экспедиция.

– Мы согласны. У нас нет выбора, вдвоем тут не выживешь, – Рыбкин посмотрел в сторону друга, который кивнул головой в знак согласия. – Нужно послать в Центр информацию, они там ждут нас уже три часа.

Рыбкин и Михон повторили на глазах американцев старую процедуру – развернули свою «тарелку», настроили ее на спутник и включили ноутбук. Рыбкин вышел на сеанс связи с Центром, который представлял собой обычную видеоконференцию, только в защищенном режиме. Рыбкину и Михону пришлось надеть наушники, чтобы переговоры не слышали американцы, которым они по-прежнему не доверяли. Сейчас перед Рыбкиным встал выбор – говорить об американцах или нет. С одной стороны, он им не доверял и не намерен был скрывать от руководства то, что рано или поздно станет явным. С другой стороны, у Маркуса и его людей была здесь какая-то важная цель, и их раскрытие могло ей помешать. Но все же Рыбкин не решился лгать Центру – это могло обернуться для него не очень хорошо.

На экране появилось лицо связиста с заспанными глазами, который сразу же встал и позвал кого-то из другого помещения. К камере подошел мужчина средних лет. Это был полковник Громов, человек, державший под своим контролем операцию наших друзей. Но увидеть его на сеансе связи было очень странно – это означало какое-то чрезвычайное происшествие. Хотя, отсутствие рапорта вполне могло заставить Громова выяснить причину этой задержки. И вот Рыбкину пришлось отчитываться не вечно сонливому связи-

сту Соколову, а самому полковнику Громову, который три шкуры с него спустит, заподозрив что-то неладное...

— Здравия желаю, товарищ полковник, — сказал Рыбкин и получил ожидаемый ответ, а точнее вопрос:

— Прием, майор. Почему вы так долго не выходили на связь?

— У нас возникли проблемы, и есть важные новости. Во-первых, на нас совершено нападение неизвестной группой лиц, которые пытались или захватить, или убить нас. Во-вторых, неизвестно, что бы с нами стало, если не оказавшиеся рядом агенты американских спецслужб...

Громов шевельнул бровями и спросил:

— Каких еще спецслужб? Они знали о вашем местонахождении? Это же секретная операция! Что, если они причастны к исчезновению наших граждан? Вы обязаны проследить за ними. Надеюсь, что вы не сообщили им никаких секретных данных?

Рыбкин и Михон были слегка удивлены таким шквалом вопросов и требований, посыпавшихся от полковника, как из рога изобилия. Рыбкин слегка крикнул и сказал:

— Мы, естественно, не склонны всецело им доверять, но они спасли нам жизнь. Неизвестные враги обезвредили нас газовой гранатой...

— Последнее, что я видел перед тем, как упасть в обморок — это то, как американцы стреляли по тем, кто кинул гранату, — вставил Михон. — Они явно не заодно с нападавшими. У них есть свое задание, но откуда-то они знают о нашем присутствии здесь. ФБР и ЦРУ явно обладают разведданными о нас...

Громов все это время молчал. Он, видимо, что-то обдумывал, а потом согласен кивнул головой. От внимательного взора Рыбкина этот жест не ушел, но он сделал вид, что его не заметил.

— Мне все понятно. Сообщите нам фамилию их командира, я пробью по нашей базе их досье и смогу выяснить возможные намерения, — спросил Громов.

Рыбкин невольно посмотрел на Маркуса. Он выглядел честным человеком и, возможно, не врал о своем задании. Вопрос о доверии иностранным агентам оставался открытым: «Время покажет», – подумал Рыбкин. Сара в этот момент посмотрела на него. Она неплохо понимала по-русски и догадывалась, что за ответ от него потребовали. Рыбкин оторвался от размышлений и обратился к Громову, предварительно посмотрев на Михона:

– Командир отряда – старший лейтенант Маркус Прайс, – после слов Рыбкина Сара повернулась к Маркусу и тихо ему шепнула:

– Они сообщили начальству твое имя, Маркус. Надеюсь, все пройдет гладко, и там поймут, кто мы и что мы здесь делаем...

ЧАСТЬ 2

БЛУДНЫЙ СЫН

IX. Брат

В одном ничем не примечательном доме в городе N около двери в квартиру стоял молодой мужчина. Одет он был в белую рубашку и черные брюки, но сидели они на нем словно с чужого плеча. Он был высокого роста, с широкой грудью и мускулистыми руками, в которых мужчина держал листок бумаги. На листке был написан адрес квартиры, у которой он стоял, и имена ее жильцов. Руки мужчины немного подрагивали, и прошла минута, прежде чем он протянул левую руку к звонку и дал три коротких сигнала. Немного погодя, из-за двери послышался женский голос:

– Кто?

Молодой человек немного замешкался, но потом ответил:

– Мне нужна Ирина Михайловна. Она здесь проживает?

– Да, но ее нет дома. А кто вы?

Молодой человек снова задумался, что бы ему ответить, а потом сказал:

– Я буду говорить только с ней.

Этот ответ насторожил девушку за дверью, но она, к удивлению мужчины, открыла дверь и впустила его за порог.

– Проходите.

Незванный гость увидел красивую молодую блондинку, которая улыбалась ему и была слегка удивлена. Молодой человек едва не ударился головой об перекладину, прошел в прихожую, разулся и, не дожидаясь приглашения, направился в квартиру. Девушка, слегка удивившись столь непринужденным манерам, последовала за ним, не сказав ни слова. Мужчина прошел в зал и сел на диван.

– Может быть, вы хоть представитесь? – не выдержала девушка после минутного молчания гостя.

– Меня зовут Евгений. А вас как? – девушка, похоже, немного заинтересовала его.

– Катя. Я дочь Ирины Михайловны. А зачем она вам нужна?

– Дочь? Значит, ты...

Молодой человек прервал свою речь на полуслове, встал с дивана и сделал шаг в сторону спальни. Там, напротив кровати стоял стол, над которым висела книжная полка. А на ней за стеклом стояла фотография мужчины. Евгений бесцеремонно снял ее с полки и стал внимательно разглядывать. Катя подошла к нему и пояснила, ничего не подозревая:

– Это мой отец. Он исчез еще до моего рождения.

– Значит, он был прав.

– Да что же происходит? Вы когда перестанете говорить загадками? – вспыхнула Катя.

Евгений стоял молча, сжимая в руках фотографию.

– Вы... ты... В общем, ты моя сестра... родная сестра.

– Как? – Катя чуть не упала на пол и схватилась за косяк.

– Извини, что сказал так резко. Но я, во-первых, не подозревал о твоём существовании. Во-вторых, я пытался ввести тебя в курс дела, но тебе не терпелось узнать правду, – Евгений слегка улыбнулся. Он подошел к Кате

поближе, и она инстинктивно отодвинулась от такого гиганта. – Я полчаса готовил речь, а теперь мне нечего тебе сказать...

Катя взяла себя в руки и прервала его:

– А как вы докажете, что не обманщик или мошенник? – девушка говорила это холодным тоном, но голос ее дрожал.

– Ах да, конечно... – спохватился Женя и вынул из потайного кармана две фотографии. Одна из них была один в один с той, что он только что держал в руках, только меньше, а на другой были изображены их родители с маленьким ребенком – самим Женей.

– Откуда... откуда это у тебя? – спросила Катя, когда совсем пришла в себя.

– Отец дал. Он все эти годы хранил эти фотографии.

– Где он? Что с ним? Он жив? – спрашивала она.

– Это я расскажу маме. Чтобы потом не повторяться.

Она схватила его за огромную руку и спросила, глядя в глаза:

– Только скажи – он жив?

Тут в дверь позвонили.

– Это, скорее всего, мама. – Катя пошла к входной двери и все время думала, как ей быть: неожиданная новость могла вызвать у Ирины настоящий шок.

Женя медленно прошел в зал и сел обратно на диван. «Надо же! У меня есть сестра, о которой отец ничего не знал. Это очень неожиданно, и она, несомненно, захочет отбыть со мной. Но это немыслимо – подвергать ее такой опасности, в одиночку мне было гораздо легче», – размышлял Женя, пока его мать с помощью Кати переодевалась и приводила себя в порядок. Услышав ее голос, он почувствовал то, чего никогда еще не ощущал. Сыновнее чувство было в нем неразвито, подавлено с бессознательного возраста. Почему – читатель узнает совсем скоро.

Самый волнующий момент настал, когда Ирина вошла в гостиную. Стоя в дверном проеме, она долго рассматривала незваного гостя, и с каждой се-

кундой ее глаза округлялись. Потом из них покатились крупные слезы. Она была уже немолодой женщиной – ей было за пятьдесят, ее лицо было покрыто морщинами от каких-то одной ей ведомых переживаний. Она заметно постарела с нашей последней встречи с ней. Воспитывала дочь одна и ни на день не забывала о пропавшем муже и сыне. И вот у нее перед глазами появился человек, который был с ее мужем на одно лицо – Женя выглядел так, как Федор в день их знакомства. Ирина от избытка нахлынувших чувств упала в обморок...

Очнулась она уже лежа на диване. Рядом с ней молча сидели Женя и Катя.

– Скажи мне, что ты мой сын! Это правда?

– Правда, мама, – Женя был предельно спокоен и держал себя в руках.

– Почему ты не возвращался? Где вы были и где сейчас твой отец?

– Я расскажу вам нашу историю, но я очень хочу есть. Понимаете, я сразу с поезда и к вам.

– Конечно...

Женю накормили, и Ирина чувствовала себя не очень хорошо. Женщина впервые за тридцать лет увидела сына, хотя все это время она, как будто, жила вместе с ним – представляла себе, как он вырастет, как из мальчика превращается в юношу, из юноши в мужчину. Но Ирина не понимала, где он и что с ним – просто чувствовала, что они с Федором живы и рано или поздно вернутся. И вот ее реакция ограничилась лишь легким обмороком, из которого Катя ее быстро вывела с помощью нашатырного спирта, и сейчас Ирина смотрела на сына так, как будто он ушел вчера – как ни в чем не бывало.

Х. Отец

– Наша с отцом история очень длинная и изобилует подробностями, которых вам лучше бы и не знать, – начал Женя, выпив чашку чая с пирожками. – Отец, еще до встречи с тобой, состоял в тайной организации, в которую входили очень перспективные ученые со всего мира. На деньги сомнительных американских инвесторов ученые, среди которых было немало

наших соотечественников, построили глубоко под землей бункер, в котором проводили разные эксперименты. В то время они были еще молодыми, в их головах родилась идея изменить мир – как им думалось – к лучшему. Я не могу сказать, что ими двигало – возможно, кто-то заставил их поверить в чистоту своих рук, но они, задавшись великой целью, проводили опыты над живыми людьми. Поначалу это казалось им нормальным, но потом их собственный труд стал воздействовать на них негативно. Возможно, сказалась замкнутость помещения, возможно, в ком-то проснулась совесть – не знаю.

В их числе был и мой отец. Главная проблема, что стояла перед ними – это поиск подопытных, и в этом им помогали агенты, которых разослали по всему миру. Люди стали исчезать, причем самые разные. Поначалу агентами становились верные соратники ученых, потом – поработанные ими подопытные, которые работали под прикрытием и продолжали похищать людей, делая из них себе подобных.

Сами же ученые звали себя «Чистильщиками», а свой проект называли «Чистота» в знак того, что они хотели избавить человечество от дефектов. Они обладали очень высокотехнологичным оборудованием для проведения экспериментов разного профиля – от установки технических имплантатов до генной инженерии.

Один черт знает, откуда у «Чистильщиков» были настолько высокие технологии – они включали в себя самые перспективные разработки спецслужб всего мира, отданные им добровольно или украденные с помощью промышленного шпионажа. Хотя название проекту было дано не без доли лукавства, среди ученых были и люди, которые искренне верили, что несут человечеству добро и стремятся возвысить его. Федор Мухин стал одним из этих агентов.

Все ученые после того, как провели ряд успешных экспериментов, применяли их результат на себе. Это могло быть что угодно – от банального для них ускорителя мозговой деятельности до генетической модификации. Причем результаты применялись избирательно, чтобы отслеживать взаимодей-

ствие полезных эффектов между собой. Но любой результат перед этим проверялся не на одном испытуемом, а зачастую не на одной десятке человек. К нашему отцу была применена одна из модификаций, усиливающих мозговые импульсы. Она позволяла быстрее мыслить и выполнять математические расчеты. Но попытки иметь детей у некоторых агентов закончились неудачей – дети рождались с врожденными заболеваниями: от синдрома Дауна до разного рода уродств.

Отец по распределению оказался здесь, в N. Постепенно сюда приезжали новые агенты и устраивались работать в школу к нему, замещая тех, кто уходил на пенсию. Они имели поддельные документы и рекомендации, и им не составило труда устроиться в провинциальную школу.

Но отец не оправдал ожиданий «чистильщиков». Сначала он познакомился с тобой, и ты, мама, завладела всеми его мыслями, которых в его голове и так было немало. Они толпились там, не давая отцу покоя. Те, с которыми он работал, продолжали исполнять свои обязанности: неповиновение одного агента тут же должно было вызвать негативную реакцию других, а сговориться им было очень трудно – «чистильщики» предусмотрели любую попытку предательства и выдачи секретов организации.

Ты пробудила в моем отце искру, которая постепенно выжигала в нем то, что принесли чистильщики – способность к жестокому расчету и лжи. И он начал искать путь освободиться, обмануть своих сообщников. Он не хотел подвергать тебя и будущего ребенка риску, но когда отец понял, что я появлюсь на свет, решил, что рано или поздно придется бросить «чистильщикам» вызов.

Когда оказалось, что я родился абсолютно здоровым, его сообщники требовали отдать здорового ребенка «чистильщикам» на исследование. Услышав такое дерзкое требование, отец резко отказал им. Они по внутренней иерархии стояли ниже его, были всего лишь марионетками в руках руководителей исследований и занимались мелкими нетрудовыми делами – похищали людей и переправляли их на научную станцию для экспериментов. Но

теперь они решили действовать быстро и взять инициативу в свои руки. Поняв, что ребенок действительно здоров, они долго разрабатывали план похищения. Один из них направил на станцию уведомление о предательстве отца, в ответ им прислали человека, как две капли воды похожего на него. То, что было дальше, вы знаете – меня взяли прямо из рук ничего не подозревавших нянек в яслях. Узнав об этом, отец пришел в бешенство. Он за день придумал план мести – терять ему было нечего.

Как один из агентов он имел оружие – пистолет Макарова. За бессонную ночь он продумал план – добыть информацию о своем «двойнике» и, по возможности, предупредить его отъезд. На следующий день, прямо во время следствия, ничего никому не сказав, отец ушел из яслей и пошел по домам отдохавших агентов-сообщников. Большинство из них не были готовы к его приходу, но и не сказали ему ничего – их он хладнокровно застрелил. Но кто-то оказался готов к подобной мести, устроил отцу засаду и... он попался. Агента-предателя вслед за мной переправили на станцию «чистильщиков». На этом его стихийная попытка сопротивления закончилась неудачей. По крайней мере, для него...

XI. ОБИТЕЛЬ ЗЛА

– Трудно описать, как проходило мое детство, – продолжил Евгений, хотя рассказ этот не доставлял ему удовольствия. – Детства, как такового, у меня и не было, потому что подобное даже жизнью назвать язык не поворачивается. Во-первых, тотальное медицинское обследование – я ведь, как-никак, первый нормальный сын генетически модифицированного агента.

Но экспериментов на мне практически не проводили – решили, что и так есть риск конфликта генетических модификаций, которые неизвестно как могут проявиться с возрастом. Я рос в золотой клетке и, по сути, стал их главным испытуемым – за мной неустанно следили, но попутно и обучали всему, что я мог воспринять в силу своих возрастающих способностей: как умственных, так и физических. Физическая и умственная нагрузка, тренировки... Все это сделало меня таким, какой я есть. Но то, чего старались мне

не прививать – это любви, в каких бы то ни было формах. Отца я ни разу не видел, я не знал, что с ним происходило в то время. А с ним делали ужасные вещи.

Во-первых, лидерами «чистильщиков» двигало чувство мести – он агент, который оказался на грани предательства, отказавшись выполнить их волю. Они совсем не хотели жалеть отца, поэтому он превратился даже не в рядового подопытного, а в «козла отпущения», которому прививали самые опасные модификации.

К тому времени они зашли уже очень далеко и приблизились к одной из целей своей совершенно безумной работы – управлению разумом. Меня всегда поражали темпы их исследований: такое ощущение, что они действовали по четкому плану, чего никогда не бывает в подобных изысканиях. Обычно они проходят стихийно, от открытия к открытию, однако «чистильщики» практически не знали неудач, за редкими исключениями.

Опасные модификации изменяли отца. Главная цель, которой добивались «чистильщики» – определить, при каких обстоятельствах рождаются больные дети, а при каких – здоровые. Со временем они, похоже, получили результат, но отцу от этого легче не стало.

В то же время доводить отца до смерти никто не хотел: его оставили в живых, количество новых опытов со временем сокращали. Его, казалось, кто-то сохранял в назидание другим ученым, чтобы они знали, что случается с теми, кто их предает. Эти люди за десять лет работы над проектом стали очень жестокими – они не останавливались ни перед чем. Когда от неудачного эксперимента умирала очередная жертва, на смену ей приходили все новые и новые люди. Каждый умерший подопытный наполнял их сердца ненавистью – я замечал это, будучи еще ребенком. Я развивался очень быстро, намного быстрее обычного ребенка, причем ко мне модификации не применяли. Им бы благодарить за меня отца, а они...

В общем, «чистильщики» перестали быть учеными, стремившимися дать человечеству новое будущее. Если их эксперименты вырвутся наружу, они, наоборот, закопают его в землю.

Я рос, со временем становясь все сильнее, не только в физическом смысле. Мой мозг запоминал огромные массивы информации, причем не только зрительные образы, но и математические данные. Меня обучали навыкам работы с компьютером, давали мне доступ к различной информации, и я практически сразу запоминал ее. Но они четко следили за тем, чтобы моя деятельность не выходила за рамки дозволенного – доступа к сети станции у меня не было, равно, как и доступа к данным извне бункера: каждый байт информации фильтровался.

В первое время у меня не возникало никаких мыслей по поводу того, где я нахожусь – мне все там казалось родным; я думал, что там родился и проживу всю жизнь. О том, что это неправда, я даже не догадывался. Но позже мне в руки попались такие данные, которые на нормального человека бы не повлияли, а для меня стали шоком.

Я стал понимать, что живу не как обычный человек, а как птица в клетке – в закрытом помещении, общаясь с ограниченным кругом людей. До этого мне ничего подобного в голову и не приходило – я до сих пор не понимаю почему, но, скорее всего, мне это внушалось на подсознательном уровне. Потом же это воздействие сняли. Зачем – узнаете позже.

В какой-то момент я понял, что такая жизнь не может продолжаться вечно. В моей голове стали рождаться планы побега. Каждый день со мной общались одни и те же люди, у дверей стояли одни и те же охранники. И однажды мне подвернулся удобный случай. Ко мне зашел тот самый «чистильщик», который заходил каждый день, и принес поесть. Тут он неосторожно повернулся ко мне спиной, а дверь была еще открыта.

Моя реакция не заставила себя ждать. Я, повинувшись какому-то животному инстинкту, подскочил к нему и ударил его по голове. Он тут же свалился на пол без сознания, а я подскочил к двери, в которую тут же заглянули опе-

шившие охранники с автоматами, с явным намерением начинить меня свинцом. Я не растерялся и молниеносным движением столкнул их лбами. Однако, они отшатнулись друг от друга, не потеряв сознания. В итоге мне пришлось прибегнуть к крайним мерам – одному из них я свернул шею, а второй не успел опомниться, как лежал на земле, убитый ударом в висок прикладом своего же собственного автомата.

Расправившись со своими стражами, я обратился к потерявшему сознание надсмотрщику, забрал у него все, что было и, пожалев человека, который столько лет кормил и обихаживал меня, оставил его лежать на полу в моем изоляторе. Он находился в отдаленном углу бункера, но повсюду были камеры видеонаблюдения, и ко мне должны были послать отряд охранников.

Я осмотрел автоматы тех, кого я убил – первый раз в жизни я имел дело с оружием. Я взял один из автоматов в руки, а магазин второго положил в карман брюк – это был весь мой патронташ. Видимо, охранникам не доверяли слишком много боеприпасов, а то вдруг еще перестреляют друг друга?

Охранниками становились бывшие подопытные, которым усилили боевые рефлексy и сильно занизили болевой порог. Их практически лишили свободы – у «чистильщиков» существовала система контроля над разумом, о которой я расскажу попозже. Они отлично выполняли свои обязанности, охранникам нередко устраивали что-то вроде спаррингов, на которых выявляли лучших бойцов, что должны были служить для «Чистильщиков» «пушечным мясом». Покидая свою «клетку», я этого всего, естественно, не знал.

XII. «Объект 221»

Евгений продолжал свой рассказ, который Катя и Ирина слушали с явным волнением, прислушиваясь к каждому его слову. Может, их не так интересовали подробности его жизни, но рассказ в целом приводил женщин в ужас. Подождав, пока Ирина вытрет мокрые от слез глаза носовым платком, Евгений продолжил свой рассказ:

– Я аккуратно продвигался вдоль стен, прислушиваясь к окружающим звукам. Коридор был темный, недалеко от места моего заточения находился

поворот налево. Я прильнул к стене и выглянул за угол. Там, на одном месте, практически не двигаясь, стояли два стража. Именно тогда я обратил внимание на странности в их поведении – их лица не выражали никаких эмоций, а взгляд был направлен в одну точку. Изредка они посматривали по сторонам.

Мне первый раз в жизни стало страшно. Но поняв, что дороги назад нет, и надо заканчивать начатое дело, я еще раз выглянул за угол, потом внезапно выпрыгнул на середину коридора и выпустил длинную очередь в сторону охранников, практически не целясь. Это было большой ошибкой, поскольку я ранил их в туловища. Это всего лишь их разозлило, и они начали стрелять в мою сторону, а мне пришлось снова спрятаться за угол.

Я тяжело дышал и слышал, как один из них бежит в мою сторону. Я предпринял рискованную попытку и выстрелил ему в голову, отчего охранник сразу же погиб. Потом я снова спрятался за поворот, сменил опустевший магазин и, с трудом целясь, застрелил второго врага. Я огляделся по сторонам и осторожно подошел к трупам.

Все, что при них было, это оружие (Натовские карабины М4) и легкие бронежилеты американского производства. Мне бы и такая амуниция не помешала – я был в обычной футболке, и любая пуля могла стать для меня смертельной. Но я решил не кощунствовать, тем более, броня их размера на меня бы попросту не налезла. Поэтому, сняв магазины с винтовок – а они были почти полны – я вышел в другой коридор.

Осмысливать ситуацию было некогда. В любой момент могли прийти, чтобы загнать меня обратно в камеру или вовсе убить. Я стоял посреди коридора, не зная, в какую сторону пойти. Сделав случайный выбор, я направился влево. Впоследствии мне встречались охранники, и мне удавалось справляться с ними, выходя из боя невредимым. Но больших групп не было, словно кишевшая народом станция вдруг опустела.

Я прошел несколько десятков метров вдоль извивающегося коридора, и подошел к развилке. Слева было темно, справа же горел свет, и коридор поворачивал. Я решил свернуть налево – свет мог быть ловушкой. Я продвигал-

ся осторожно, но не чувствовал страха: мне было безразлично, ведь хуже все равно было уже некуда. То, что я мог погибнуть от рук охранников, меня сильно не тревожило – предыдущие победы придали мне храбрости, которой и так было хоть отбавляй. Завернув за очередной поворот узкого коридора, я увидел тусклый свет.

Стараясь не привлекать внимание, я пошел в его сторону. Там я увидел полуоткрытую дверь камеры, из которой слышались негромкие стоны. Я подошел к двери и заглянул в камеру. То, что я увидел, было ужасно, даже по меркам того кошмарного заведения.

На столе лежал пожилой мужчина, конечности которого были жестко прикреплены к столу так, что он не мог пошевелиться. Рядом с ним стоял другой человек, держа в руке шприц. Едва второй мужчина пощелкал пальцем по игле, как лежащий истошно завопил, прося о пощаде. В тот момент он выглядел очень жалко: он мотал головой, по морщинистому лицу из широко открытых глаз струились слезы. Безуспешно он пытался освободиться – железные оковы прочно держали мужчину на месте, не давая пошевелинуться ни рукам, ни ногам.

Я не мог долго наблюдать это зрелище. Детство и юность, проведенные в одиночестве, не сделали меня человеколюбивым, но в такой момент даже мое железное сердце екнуло, нервы сдали, и я буквально впрыгнул в маленькое помещение, где лежал несчастный.

Человек, стоявший рядом с ним, обернулся в мою сторону и тут же получил удар по лбу прикладом моей винтовки. Свалившись на пол, он выпустил из рук шприц, содержимое которого так и не успел ввести в вену подопытного. Мужчина на столе продолжал стонать и лишь через время устался на меня и спросил:

– Ты кто? – голос его был хриплый, но в нем было что-то знакомое. Я чувствовал это на подсознательном уровне. В качестве предосторожности я закрыл дверь камеры, а потом снова повернулся к лежащему мужчине и попытался освободить его.

Замки на его оковах были довольно сложной конструкции, поэтому я начал поиски ключа на оглушенном мной человеке. Пока я того обшаривал, мужчина на столе пытался шевелиться и постоянно просил меня освободить его. Я не обнаружил ключей в карманах мужчины, поэтому нашел в камере стул и посадил мужчину на него.

Я решил привести его в чувство и похлопал по щекам. Тот через несколько секунд пришел в себя, и было видно, что чувствовал он себя плохо – еще бы, после такого удара по лбу... Я медленно, с угрозой в голосе, спросил его:

– Где ключ?

– Какой ключ? – растерянно спросил в ответ он.

– Ключ от замков, крепящих этого подопытного.

– Этого? Подожди, ты... ты объект 221? ТЫ НА СВОБОДЕ? – глаза его выражали ужас.

– Я не знаю, что ты имеешь в виду! – меня приводило в бешенство то, что и на второй мой вопрос он отвечал вопросом. Я взял его за грудки одной правой рукой, поднял над полом и, глядя прямо в глаза, спросил:

– Как его освободить? Говори, или... – я недвусмысленно взял в левую руку автомат.

– Нет, нет, только не стреляй! Его нельзя освободить!

– В каком смысле? Перестань говорить загадками, иначе я тебя застрелю!

– Я пришел в ярость, опустил правую руку так, что он упал обратно на стул, и взвел затвор автомата. – Спрашиваю тебя последний раз...

– Да не знаю я! Так сказал Миронов!

– Так-с, уже что-то... – я немного охладил свой пыл. Лежащий на столе мужчина за это время прекратил свои стенания и внимательно слушал наш диалог.

– Миронов – руководитель проекта. Он командует всем, что происходит на этой станции.

– Ключи у Миронова? Говори!

– Ключи, даже если они существуют, не помогут! Система управляется компьютером. За тридцать лет его поднимали со стола всего лишь пять раз...

– мужчина тут же прикусил язык, поняв, что проболтался.

– Значит, надо его взломать. погоди, ТРИДЦАТЬ ЛЕТ??? – когда до меня дошел смысл его слов, я ужаснулся. Взглянув на мужчину на столе, я впервые в жизни почувствовал нечто, похожее на жалость. До этого я не видел ни боли, ни человеческого горя, а ведь мне самому был уже тридцать один год.

Я повернулся к опустившему голову «ученому», которому скорее подходило звание палача, и меня обуяла настоящая ярость. Я стал постепенно понимать, к чему сводились все испытания в этом бункере, я представлял себе глаза других подопытных, которые взывали к пощаде, но их неустанно начинали разными препаратами и имплантатами. Я подошел к сидевшему на стуле и охрипшим от злобы голосом спросил:

– Говори, кто он! Имя, номер, что угодно, – я указал на подопытного, по морщинистому лицу которого пробежал ужас, хотя он почти не понимал того, что происходило вокруг.

– Тебе лучше не знать этого, – после этого дерзкого ответа я толкнул мужчину с такой силой, что стул под ним перевернулся, а он полетел в угол комнаты, ударившись головой. Он сохранил сознание даже после такого удара и попытался встать. Я снова взял в руки автомат и приставил дуло ко лбу ученого. Он повиновался и сказал:

– Сам попросил, – ученый вздохнул и посмотрел мне в глаза, – он твой отец...

XIII. Свобода и рабство

Ирина чуть не вскрикнула от удивления. В рассказе Жени она слышала много поразительного, особенно удивило его поведение. Но теперь она узнала, что за судьба постигла ее мужа, бесследно исчезнувшего в тот роковой день. Все, что женщина знала о людях, их поступках и мотивах, меркло по сравнению с тем, что она слышала от собственного сына. То, что говорил Женя, выглядело неправдоподобно, но она верила ему. Ведь если она при-

знала его своим сыном, она должна ему верить, материнское сердце не ошибается. Но его рассказ поверг ее в шок: они с Катей и понятия не имели, что в мире могут происходить подобные вещи. Ирина не хотела верить Жене, но что-то убеждало ее в том, что тот не врет. «Такое придумать невозможно», – подумала она. Женя попросил воды и возобновил свой рассказ, с каждым словом становившийся все страшнее и страшнее...

– Новость об отце шокировала меня. В тот момент меня удивило то, что я ничего о нем не знал. То, что я жил без родителей воспринималось мной как естественный ход вещей. Вообще, в процессе освобождения от «чистильщиков», мне не давал покоя вопрос: почему я не знал совсем элементарных вещей? В своем заточении я не догадывался о том, что у меня есть родители и даже не понимал, что они вообще должны быть. Как будто из моего мозга вынули часть и держали где-то далеко, не давая мне к ней прикоснуться.

В отцовской камере осознание этого приходило ко мне постепенно. Еще кое-что удивляло меня – за мной никого не послали, как будто никто и не хотел ловить беглеца. Тут мне в голову пришла идея – а вдруг это все подстроено, и меня сейчас схватят? Может быть, мне готовят испытание, которое я должен пройти. Но сперва я хотел поговорить с отцом.

Я не чувствовал нежности, которую ощущают даже взрослые по отношению к своим родителям – годы в заточении не способствовали этому. Мной двигало любопытство: я хотел узнать историю своего рождения, причину появления здесь. А отец, однако, не был расположен к подобному разговору – он смотрел на меня пустыми глазами, из которых текли слезы. К тому, что он уже был довольно стар, добавились годы, проведенные под надзором в страшных условиях. Наверняка, вдобавок к модификациям, применялось разного рода насилие – на нем были синяки, ссадины, шрамы. Я невольно поглядывал на его палача, все еще лежавшего в углу и державшегося за раскалывающуюся от боли голову. Лед был сломан – я начинал чувствовать себя нормальным человеком.

Тут произошло то, чего я ожидал и боялся одновременно. Монитор, висевший над дверью камеры, засветился, и на нем появилось лицо человека. Я услышал голос:

– Объект 221, ты показал, на что способен! Ты смог пройти испытание, показав свою силу и доказав, что мы не зря вложили в тебя столько времени, сил и средств. Выходи из этой камеры и отправляйся туда, откуда пришел.

Я снова почувствовал, что не свободен. Кто-то внушал мне мысль о возвращении в свою камеру. Эта мысль становилась все сильнее, вытесняя мое сознание. Тогда я понял, почему вообще не думал об отце, о своей судьбе – мной манипулировали! Моим сознанием управляли достаточно долго, а потом решили «освободить» меня, проверить, на что я годен без их внушения.

В тот момент я был очень зол на «чистильщиков», но они секунду за секундой отнимали у меня свободное сознание. Прошло пять секунд, и я начал сдаваться. Мысль об освобождении уступала место внушению «чистильщиков», но продолжала существовать. Борьба начиналась. Мое сознание сопротивлялось, но внушение становилось все сильнее и сильнее. Я чувствовал, как моя голова раскалывается от давления, отказываясь подчиняться приказам свыше. Прошло еще двадцать секунд, показавшихся мне вечностью. На всем их протяжении на мое сознание давили с неизмеримой силой, но кульминация была близка.

В этот момент произошло нечто, что сотрясло весь бункер. Что это было, непонятно: что-то вроде взрыва, но без видимых разрушений. Этот взрыв заставил меня упасть на пол, схватившись за голову. Через секунду я потерял сознание.

Оно возвращалось ко мне медленно. Я открывал глаза, чувствуя себя очень дурно. Первая мысль, посетившая мой измученный мозг – я свободен! Внушение снова исчезло, на мой мозг никто не давил. Монитор давно не светился, и я не мог понять сколько секунд, минут или часов я пробыл без сознания. Еще минуту я лежал на полу, пытаюсь сосредоточиться и прийти в

себя. Потом я встал, и увидел, что «чистильщик», лежавший в углу, не подавал признаков жизни, как и отец.

Я подошел к отцу и смог нащупать едва заметный пульс. Лишь через пять минут я стал замечать его дыхание, но он был без сознания. Я подошел к «чистильщику», у которого на лбу торчал мой подарок – громадная шишка. Я улыбнулся, хотя и не понял, почему это доставляет мне удовольствие, попытался нащупать пульс ученого, но безуспешно – он был мертв. Так я оказался один на один с отцом в его камере.

Я стал обдумывать, что же произошло со мной и со всем бункером. Тогда я не имел представления о технологии управлении разумом. Тот, из которого я хотел вытрясти информацию о бункере и его обитателях, мертв. Отец без сознания и я никак не мог привести его в чувство. Я не понимал, почему остался жив. Мне захотелось поесть, и я понял, что пролежал в отключке довольно долго. В камере не было ни кусочка съестного, и я решил поискать еду где-то еще – возможно, когда я вернусь, отец придет в себя. К тому же, разведка бы не помешала.

Я снова вышел к развилке, но света в другом конце коридора уже не было. Я решил не идти в ту сторону, а стал возвращаться туда, где была моя камера. Никого вокруг не было – возможно, взрыв умертвил все живое в комплексе кроме меня и моего отца. В конце концов, по пустым коридорам я добрался до своей камеры.

Там ничего не изменилось, только крепко оглушенный мной надзиратель лежал на полу в другой позе. И он был мертв. Я взял пищу и воду, которую он мне принес, съел ровно половину, а оставшееся взял с собой. Когда я вернулся в камеру отца, его глаза были открыты и слегка прищурены. Он внимательно наблюдал за моими движениями. Отец по-прежнему был прикован к лабораторному столу, но его взор был уже более осмысленным. Слабым голосом он проговорил:

– Кто бы ты ни был, дай мне поесть. Накорми меня, умоляю...

Повторять по второму разу ему не пришлось. Я все еще был голоден, но отдал отцу всю провизию, что взял из своей камеры. Кормить его пришлось из ложки, а есть в лежачем положении очень неудобно.

– Пожалуйста, нажми вон тот рычаг у ножки моего стола, – отец поднял голову и указал вниз. Едва я нажал на рычаг, как ложе отца повернулось и встало в почти вертикальное положение. Вот как была решена проблема пролежней, которая, несомненно, возникла бы при такой полной неподвижности.

Я накормил отца тем, что у меня было, и ждал, пока он задаст вопрос. Я не знал, в своем он уме или нет. Отец внимательно приглядывался к моему лицу, то щурился, то снова широко открывал глаза. По его лицу снова потекли слезы, и я стер их своей рукой.

Я чувствовал жалость к отцу, которая сменила злобу к «чистильщикам». После этого взрыва я ощутил себя другим человеком. Не рабом «чистильщиков» на уровне мыслей и чувств, а свободным, хотя бы в том, что я волен делать то, что захочу.

Но слезы отца были вызваны не болью и отчаяньем, а радостью. Впервые он нашел человека, который не хотел причинить ему страдания – меня. И теперь он гадал, кто я на самом деле. Он вглядывался в мое лицо, пытался что-то вспомнить или понять. И вдруг он сказал:

– Женя... Это ты! ТЫ МОЙ СЫН!!! – отец произнес это со всей силой, на которую был способен его слабый голос. – Я знал это, знал, что ты придешь, рано или поздно, – его голос срывался, но он был рад – впервые за тридцать лет мой отец улыбался...

XIV. Побег

Сцена встречи Жени и Федора тронула его сестру и мать. Они уже долго сидели в сильнейшем волнении. Женя рассказывал все очень подробно, а некоторые детали их не интересовали или даже раздражали: например, избие-ние «чистильщика». Ирина снова была на грани обморока – она помнила сына маленьким полуторагодовалым мальчиком, а потом он бесследно исчез. И вот он появляется рядом с ней взрослым, сильным мужчиной, который рас-

сказывает ужасные истории. Возможно, Жене не стоило так быстро и подробно рассказывать о том, что происходило с ним. Надо было отложить это ненадолго, вводить Ирину и Катю в курс дела постепенно, не вызывая стрессов. Но ему это было невдомек – он провел в настоящем, «большом» обществе так мало времени, что едва ли знал, как надо обращаться с людьми, тем более близкими.

Словом можно убить, словом можно спасти... – так сказал когда-то Вадим Шефнер. Женя этого не знал, а Ирина была слишком растеряна и взволнована, чтобы воспринимать всерьез все слова сына. Стоило ей вдуматься в его слова, как перед женщиной вырисовывались разные картины из его невеселой жизни, которые она раз за разом отметала в сторону.

Катя же реагировала на рассказ брата по-иному. Ее было трудно взволновать, когда она этого не хотела. Она же, в конце концов, была дочерью своего отца, генетически модифицированного агента «чистильщиков». Катя позволяла себе откровенничать лишь в присутствии мужа, которому доверяла на все сто процентов. Больше таких людей в ее жизни не было. Девушка, несомненно, любила свою мать, но всегда знала, что та что-то не договаривает об исчезновении отца. И вот теперь, она узнала всю правду из уст другого человека.

Страшные истории ей было слушать не впервой: муж (которого, как вы догадались, зовут Александр Рыбкин), нередко рассказывал Кате истории о своей службе, которые не всегда были приятными. Но она сама его об этом просила, и тому приходилось, скрепя сердце, выкапывать из своей памяти осколки неприятного прошлого. Истории Рыбкина, конечно же, и рядом не стояли с историей Жени, но что-то общее у них было. Катя старалась не предаваться чувствам и неизбежному стрессу, а анализировать рассказ брата. Она приходила к неожиданным выводам, хотя и слышала об этом впервые.

Женя продолжил свой рассказ:

– Отец почти полностью пришел в себя. Именно он рассказал мне о бункере, его назначении и обитателях. Когда я рассказал ему о «взрыве», про-

изошедшем несколько часов назад, отец покачал головой. Вероятно, взрыв был спровоцирован перегрузкой главной установки станции, принцип работы которой мне еще предстояло узнать. Эта установка испускала какое-то излучение, которое по-разному воздействовало на сознание участников эксперимента. Сами ученые установили себе защиту от этого в виде шлема, одевавшегося на голову. Он мог блокировать излучение хотя бы частично. Подопытные же или носили такие же шлемы, или – имплантаты, которые позволяли их контролировать.

У поступивших к ним похищенных людей было два пути: умереть в ходе опасных модификаций или выжить, но от этого им легче бы не стало. Те, кто прошел достаточно опытов, продолжали служить «чистильщикам» в виде охраны, хотя она им и не требовалась – конспирация была достаточно глубокой в прямом смысле слова.

Скорее всего, эти бездумные машины убийства, смертельно ранить которые было очень трудно, стали венцом работы «чистильщиков». Их можно было заставить выполнить любой приказ, даже сопряженный с откровенным самоубийством. А ведь когда-то это были люди, которые имели цель, стремились чего-то добиться и умереть в старости в окружении родных людей, зная, что жизнь прожита не зря. А им приходилось заканчивать жизнь, будучи орудиями в руках сумасшедших исследователей, «стремившихся возвысить человечество». Какая ирония...

Я думаю, вам уже надоели все эти подробности, но я просто хочу рассказать, в какой ситуации оказались мы с отцом. Ему было очень трудно вспомнить события тридцатилетней давности, чтобы как-то повлиять на происходящее. О том, чтобы он вспомнил схему бункера, даже и речи не шло. Но, рассказав мне историю этого места, отец предложил исследовать бункер внимательнее.

В некоторых местах находились компьютерные консоли, позволявшие управлять сетью бункера. Возможно, мне удалось бы их взломать и хотя бы узнать, что произошло. Во время обучения меня снабдили информацией по

взлому компьютеров, но я не имел опыта. А отец был по-прежнему прикован к своему столу, и все, что я мог сделать – расположить его под самым комфортным углом. К несчастью, оковы отца все еще были заблокированы, хотя возможно был способ их снять.

Я снова вышел из отцовской камеры, прихватив трофейный автомат. Меня целиком захлестнуло желание взорвать этот комплекс к чертям и вытащить отсюда отца. Но пока что эта задача была неразрешима. Я принялся бродить по пустынным коридорам без видимой цели, стараясь подмечать все, что могло пригодиться.

Вскоре я наткнулся на лежащего в углу человека в форме охраны. У него прощупывался слабый пульс, но он ни на что не реагировал. «Главная установка не работает, все охранники «отключились» или пребывают в шоке. В конце концов, не всем так везет, как нам с отцом, ведь мы остались живы», – думал я.

Не понимая, как можно помочь лежащему человеку, я пошел дальше. Не думая, я свернул в первый попавшийся поворот и увидел полуоткрытую дверь. За ней был кабинет, не похожий ни на мою камеру, ни на камеру отца. Посреди него стоял стол и кресло, а под столом лежал... труп.

На покойном был лабораторный халат, на поясе которого висел пистолет и телефон. Я, недолго думая, подобрал и то, и другое и обратил свой взор на компьютер, стоявший на столе. Я включил его и получил доступ к данным ученого. Нашел схему бункера с обозначением ключевых мест – главной установки, кабинетов охраны и начальства, атомного реактора, снабжавшего бункер энергией.

Также на схеме красным цветом были выделены две камеры. Одна из них была с отметкой «Объект 221», другая – «Агент 035». Видимо, агент с номером 35 – мой отец. И, наконец, я смог найти раздел, отвечавший за камеру отца, и смог отключить то, что блокировало его.

Вынув запасы еды и питья из холодильника, я пошел к отцу. По пути я понял, что причиной взрыва стала перегрузка главной установки, которая

высвободила всю свою энергию и убила большую часть людей на станции, преодолев их защиту. Но охранники оставались живы, так как их трупы мне найти не удалось, кроме того парализованного человека в углу.

Бункер практически не открыл мне своих тайн. Когда я вернулся к отцу, он уже пытался встать. Ему это давалось очень нелегко, так как суставы за много лет неподвижности забыли элементарные движения. Я помог ему, но все же он еще долго не мог полноценно сидеть, а о том, чтобы встать и ходить, речь вообще не шла.

– Наша единственная надежда – ты, – сказал отец. Ты должен выйти наружу. Женя, Миронов не дурак. Если он допустил перегрузку установки, значит, пытался, во что бы то ни стало, сохранить контроль над тобой. Но ради этого он не стал бы жертвовать собой. Я его знаю: этот человек был трусом, и вряд ли за эти годы он изменился. Со временем Миронов возобновит контроль над станцией, активирует всех охранников и тогда тебе придется туго. Ты должен бежать.

– А ты? Он же убьет тебя!

– Не убьет. А если и убьет, то твое бегство – лучший выход. Я не хочу, чтобы ты пережил то, что пережил я. Чтобы ты стал прототипом сверхчеловека, а на самом деле – лабораторной крысой! Я этого не допущу. У тебя снаружи есть мать, я дам тебе ее адрес, найдешь ее, расскажешь ей все. И не возвращайся назад. Тебе снаружи вряд ли кто-то поверит, а послать в такую глушь разведку тем более никто не решится.

– Но я же никогда не жил там, снаружи. Никогда не общался с нормальными людьми, не получил образования.

– Я расскажу тебе то, что ты должен знать о жизни. Этого тебе хватит, чтобы найти свою мать.

В камере отца была небольшая тумба, в которой лежали какие-то вещи. Кроме прочего хлама, в ней было две фотографии. Это те фото, которые я привез сюда. Отец рассказал мне, как найти тебя, как жить в этом мире. Так

же из тумбы я взял немного денег в современных российских рублях, которые оказались там неведь как.

По совету отца, я направился в тот же кабинет, где был компьютер с данными, обыскал его и нашел еще денег. Кроме того, я взял из компьютера жесткий диск с информацией о бункере. Также там оказалось устройство, которое могло печатать документы любого государства любой степени сложности. Неизвестно, как «чистильщикам» удалось его заполучить, но я сделал себе поддельный паспорт гражданина РФ. Напоследок я снова повидел отца, который снабдил меня последними наставлениями.

Вопреки совету, я не собирался уходить навсегда. Я сказал себе, что вернусь, чтобы спасти отца. Как он мог подумать, что я брошу его тут, а так же не отомщу «чистильщикам» за их богомерзкие опыты, за изуродованные судьбы сотен людей?

Когда я направлялся к одному из выходов, возле него засветился монитор, и из динамика под ним послышался голос, знакомый мне по сеансу в камере отца:

– Уходи. Если ты останешься, тебя убьют. Не пытайся привести помощь – мы все равно обречены. Беги быстрее, если хочешь жить!!!

Голос был довольно убедительным, чтобы ему поверить. Я быстрее кинулся к двери, поняв, что это мой единственный шанс. Изнутри дверь не требовала кода, поэтому я открыл ее без труда. Оставив у дверей автомат, который снаружи бы мне только повредил, я вышел на открытый воздух, закрыв за собой дверь.

Я находился в гроте, который сужался к выходу и вел в ущелье. Согласно карте из компьютера, которую я тоже постарался запомнить, оно находилось недалеко от населенного пункта – всего пять километров ходьбы. Я шагал под открытым ночным небом, оно казалось мне прекрасным. Мне приходилось изучать астрономию, но я не знал, что звезды – это так красиво.

Не буду рассказывать, как я добрался до города. Для людей я притворялся иностранцем, и лишь для сотрудников полиции, в связи со своим «паспортом», я был русским. Я купил билет сюда и вернулся на родину. Дальше вы знаете...

Женя закончил рассказ о своих приключениях и замолчал, глядя на родных. Для него сейчас не было ничего важнее обретенной матери и сестры. А женщины смотрели на него с волнением. Оно было вполне объяснимо – для них вещи, происходившие в комплексе «чистильщиков», были страшными: эксперименты на людях, тридцать лет, проведенные в заключении без права освободиться, зловещая тайна, скрытая в недрах загадочного бункера. Все это так любопытно, но им было не до этого: лишь они знали об этих событиях, и неизвестность пугала их.

Ирина не на шутку испугалась: она думала, что история Жени закончится хорошо, а оказалось, что Федор в опасности, и о его судьбе ничего не известно. Катя же думала по-другому. Ее, конечно, волновала судьба отца, и у нее родилась мысль отправиться с братом в путешествие. Девушка осознавала, что оно будет опасным, но стала просить Женю взять ее с собой, так как была уверена, что тот не станет сидеть, сложа руки.

Он не предполагал такого энтузиазма, к тому же боялся за сестру: там надо уметь выживать, быть сильным. Но когда он понял, что Катя может никогда не увидеть отца, ему стало жаль их обоих. Как бы Федор обрадовался, узнав, что у него есть дочь! Женя принял непростое решение, позволив Кате поехать с собой.

– А где располагается бункер? – спросила девушка.

– В глубине Алтайских гор, – Женя рассказал о примерном местоположении бункера, и Катя вскрикнула:

– Саша! Там же Саша с Мишей! Он писал мне, где они. Значит они в опасности.

– Кто такой Саша? – Женя заинтересовался.

– Это мой муж, он отправился на операцию по поиску разбившихся вертолетов и научной экспедиции! С ним его друг и сослуживец. Они агенты ФСБ.

– Значит у них с нами общая цель. Это хорошо – иметь союзников. Нужно выезжать немедленно. Они, наверняка, уже подверглись излучению, так как не имеют должной защиты. Последствия могут быть разными – от легкого недомогания до полной потери рассудка. Надо спешить.

– А может быть, сообщить в органы?

– Вот этого делать не нужно, – сказала Ирина. – Они ни слову твоему не поверят. А операция Саши засекречена, и мы можем только оказать им медвежью услугу. – Тут она слегка задумалась. – Катя, ты отдаешь себе в этом отчет? Там наверняка очень опасно, нужно быть осторожнее!

– Я знаю, мама. Но я должна найти отца, остановить тех, кто уничтожил мою семью или отомстить им. Мы справимся.

Приняв такое решение, Катя взяла отпуск за свой счет, и через два дня они с Женей выехали навстречу судьбе...

ЧАСТЬ 3.

ПЕРВЫЙ ШАГ

XV. Незваные гости

Маркус Прайс проснулся ранним утром. Солнце еще не взошло. В соседней палатке спали Рыбкин и Михон, его новые знакомые. Неподалеку от палатки стоял Джексон с винтовкой наперевес, куря сигарету. Остальные мирно спали по своим местам, полагаясь на чутье зоркого и внимательного снайпера.

Джексон был отличным снайпером. Когда-то он принимал участие в операции на опасную и хорошо вооруженную банду. Тогда он, прикрывая своих товарищей с крыши многоэтажки в Лос-Анжелесе, убил пятерых бандитов, которые, отказавшись сдаться, достали свое оружие. За это его повысили, и он с тех пор предпочитал точные виды оружия. Джексон был отличным бойцом и всегда выполнял приказ, но мог и подшутить над командиром, хотя благодаря его меткости и безупречной исполнительности на острый язык снайпера никто не обращал внимания. Особенно Маркус, в команду которого попадали профессионалы высшего класса.

Маркус встал и прошелся по небольшому лагерю. Он был разбит возле почти отвесного склона горы. Это место являлось расширенным участком дороги, если в той местности вообще было нечто, похожее на дорогу. Мужчинам с трудом удалось расчистить площадку от камней, больших и малых. Удобство местности для лагеря было в том, что стоящий в одной точке человек мог видеть происходящее с обоих концов лагеря, и к нему невозможно было подобраться незамеченным.

Джексон, увидев командира, сказал ему тихо:

– Все спокойно. Ни единого шороха не слышно. Даже скучно как-то. – снайпер докурил и продолжил уже шепотом. – Может, рассказать русским о нашей задаче? А то неудобно. Что они о нас подумают, когда все выяснится?

– Не нужно этого делать, Брайс. Мы обещали Сириусу, что не расскажем ничего. Как он сказал, это пойдет лишь на пользу делу. Нам нельзя расширять наш круг без его ведома. Так что, самовольничать не надо.

Маркус являлся неординарным человеком, которому свойственны разные качества – он мог и прикрикнуть на своих подчиненных, и проявить милосердие к врагу. Прайс прошел через многое, был отличным бойцом и привык командовать людьми, предпочитал проводить быстрые операции, руководя небольшой группой. «Я бы ни за что не стал генералом – армия в моих неумелых руках потерпит поражение даже от дикарей – я никакой стратег», – думал он про себя.

– Есть! – ответил Джексон, а потом приставил палец к губам и прислушался. За поворотом тропы со стороны, противоположной той, с которой они пришли, слышались шаги. – Два человека, – заключил Джексон. – Какого черта им тут нужно в предрассветный час? Это наверняка враги. Что будем делать?

– Как что? Будить всех!

– А может по-тихому? – спросил Джексон и указал глазами на винтовку.

– Поздно. Ты забыл, что глушитель на твоей M21¹ загнулся еще три дня назад?

– Маркус, встань по ту сторону дороги, мы уложим их одновременно!

Прайс согласился и прижался к уступу по другую сторону от Джексона. Звуки шагов приближались, снайпер осторожно высунул из укрытия сначала голову, а потом и руки с винтовкой. Он посмотрел на Маркуса, кивнул и прильнул к прицелу. Но, как только те двое вышли из-за поворота, Джексон удержался от выстрела.

Это были не те, о ком он думал, не враги. Выглядели они, как обычные люди с вполне нормальной внешностью: мужчина и женщина. Джексон и Маркус, как по команде, снова прижались к уступам, недоуменно глядя друг на друга. Решив подпустить пару поближе, они выжидали благополучный момент. Когда дистанция сократилась до пяти метров, они кивнули друг другу и, неожиданно для гостей, выпрыгнули на дорогу, наставив на пришельцев винтовки.

– Ни с места! – громко сказал Маркус по-английски и направил винтовку на женщину, Джексон же взял на прицел мужчину. Те от неожиданности остановились и, увидев двух вооруженных людей, опустили свой багаж на землю и подняли руки вверх. Внезапно раздавшийся громкий выкрик Маркуса вызвал в лагере переполох. Первыми из палатки, как по команде «подъем», выскочили Сара и Хэкетт. Они, видимо, не спали, а наблюдали за действиями товарищей. Харрисон высунул голову из другой палатки – он же явно не бодрствовал. В один момент с ним из своей палатки выпрыгнул Михон, а вслед за ним и Рыбкин.

¹ M21 – снайперская винтовка, разработанная на основе винтовки M14 National Match. Действует на основе газоотводной автоматики с коротким ходом газового поршня. Запирание ствола осуществляется поворотом затвора. Винтовка имеет регулируемые диоптрический целик и мушку, а также оптический прицел. Эксплуатируется армией и спецслужбами США с 1975 года по сей день.

Майор ринулся в сторону Маркуса, чтобы узнать, кто эти предрассветные гости, но остановился, как вкопанный. В его голове промелькнула мысль о том, что он сошел с ума и у него опять ночные галлюцинации. Но, отбросив сомнения, Рыбкин кинулся к пришельцам и, раздвинув локтями Маркуса и Джексона, отчего последний чуть не нажал на спуск, подбежал к женщине. Она же, в отличие от Александра, не казалась удивленной, а только кинулась ему на шею и тихо сказала:

– Саша, как же я рада видеть, что ты цел...

Это, без сомнения, была Катя. Рыбкин скучал по ней, в отлучке ему так не хватало ее мудрых советов и просто присутствия жены. Иногда Александр мысленно отсылался к ней, думал о том, как Катя оценит его действия. И вот, он как будто призвал ее в своих мыслях!

Появление любимой жены стало для Рыбкина такой неожиданностью, что он даже не задал вопросов, очевидных в той ситуации. Вместе с ней был неизвестный мужчина. Перед отъездом он строго настрого запретил ей выдавать его местонахождение, ведь это могло поставить миссию под угрозу. Рыбкин отпрянул от Кати и, словно извиняясь за свою сентиментальность, подошел к Катиному спутнику и спросил:

– Кто вы? И почему вы оказались здесь вдвоем?

– Меня зовут Евгений. Евгений Мухин, я брат Кати.

Воцарилось неловкое молчание. Естественно, Женя произнес эти слова по-русски, а поэтому из американцев их поняла одна лишь Сара. Она подошла к Маркусу и передала их смысл, тот в знак удивления слегка пошевелил бровями, но не проронил ни слова. Катя же посмотрела на брата, а потом на мужа и пояснила:

– Это правда, Саша. Он мой брат, который потерялся еще в раннем детстве вместе с моим отцом.

Рыбкин глянул на гостей, а потом обратил свой взгляд на Маркуса. Они встретились глазами, а им в голову пришла одна и та же мысль. Американцы и русские за день прошли немалый путь вглубь предполагаемой аномальной

зоны, и ее влияние к центру заметно усиливалось. Попытка снять защитный шлем через пять минут приводила к галлюцинациям, а потом начинала кружиться голова. Дальнейшие эффекты они испытать не решались, но и это воздействие вполне могло стать фатальным.

А теперь Маркус и Рыбкин видят перед собой двух человек без средств защиты, которые свободно перемещаются и чувствуют себя вполне неплохо. Майор шлепнул себя по лбу. «Ничего не понимаю. Сначала Михон, потом свалившиеся, как снег на голову, Катя и ее брат. Почему на них это не действует? Здесь что-то неладно...».

Маркус понимал намного больше Рыбкина, но события все равно не укладывались в стройную картину. Эти гости могли как существенно упростить миссию, так и совсем угробить ее. Поэтому необходимо было выяснить немало деталей, прежде чем продолжать двигаться дальше. Вопрос о доверии незнакомцам он решит по ходу выяснения этих самых деталей. Эти люди могли оказаться кем угодно, но они явно были близки Рыбкину и поэтому не являлись врагами. По крайней мере, так думал Маркус, на котором лежала ответственность за свою операцию. И он понимал, что с имеющимися данными шансы пробраться в бункер ничтожно малы.

XVI. ВЫХОДЕЦ

Катя, в свою очередь, тоже находилась в недоумении. Первый раз в жизни в ее сторону было направлено оружие, и сердце женщины все еще билось учащенно. В отличие от мужа, для нее эта встреча не была неожиданностью. Но Катя рассчитывала встретить только Саню и Михона, а здесь, помимо них, оказались еще и эти американцы.

Женя же, как всегда, был невозмутим. Единственное, что его смущало – то, что придется рассказывать историю своей жизни (а ему, так или иначе пришлось бы это делать) не двоим, которым он, со слов Кати, мог доверять, а семерым незнакомцам. Врать он не хотел, ибо искренне желал покончить с той мрачной историей, в которую попал с раннего детства. Но и раскрывать столько важной информации чужим людям было нерационально. Они могли

оказаться как союзниками, так и замаскированными врагами. Хотя у сошедших с ума боссов «чистильщиков», казалось, союзников не могло быть по определению.

Он знал проход к одной из дверей бункера и до этого вел Катю по нему. Они приближались к бункеру намного быстрее Рыбкина и Маркуса, и Женя почувствовал, что главная установка снова заработала. Он мог уловить довольно слабый сигнал. Женя с облегчением заметил, что Катя, так же как и он, не ощущала никаких негативных последствий воздействия. При продвижении вглубь гор сигнал, естественно, становился сильнее. Но на них он по-прежнему не воздействовал.

«Либо Миронов не смог запустить установку на полную мощность, либо... а что еще может быть? Он может специально держать излучение в норме, чтобы не вызывать новых перегрузок. Возможно, он еще контролировал выживших в бункере. Вариантов масса», – думал Женя во время похода. И вот он обнаруживает здесь людей, никак не пострадавших от излучения, носивших средства защиты, похожие на те, что были у сотрудников бункера.

Это удивило его, ведь он считал конспирацию «чистильщиков» непревзойденной. Кто эти пятеро, откуда они взялись? Все эти мысли пронеслись в его голове за несколько секунд, прошедших с момента встречи Рыбкина с Катей. «Если наши предполагаемые союзники защищены от излучения, тем лучше, – заключил он – Выясним позже, откуда это у них».

Михон же стоял в стороне и не вмешивался. Он тоже заметил, что Катя и Женя были без защиты, и пришел к выводу, что они как-то связаны с этой аномалией. Женя был незнакомым пришельцем, о нём можно было думать, что угодно. Но Катю Михон знал достаточно долго. «Они наверняка найдут, что нам сказать. Посмотрим...», – подумал он.

Рыбкин, находясь в смятении, пробормотал себе под нос:

– Чертовщина какая-то, – а вслух добавил:

– Проходите в лагерь, располагайтесь. Думаю, вам есть, что нам рассказать.

Женя вздохнул. Ему придется второй раз в подробностях рассказывать о своем побеге. Они вместе с Катей сели возле палатки и немного перекусили, после чего Женя приступил к рассказу. Говорил он по-английски, так как знание этого языка в него «вложили» практически наравне с русским. Отсутствие практики было заметно в каждом предложении, но говорил он чисто, употребляя нужные слова, хотя и практически лишенные идиом и принятых сокращений. Его владение английским удивило всех, включая Катю, хотя она совершенно не разбиралась в этом вопросе, так как знала английский на скромном школьном уровне.

Солнце вставало и выходило из-за гор, освещая лагерь наших героев. На страже теперь стоял Хэкетт, которому было трудно следить за происходящим и одновременно слушать Женю – и то, и другое было необходимостью. Хэкетт являлся отличным экспертом в области техники, но не признавал никакого оружия, кроме своего любимого пистолета-пулемета MP5².

Автоматы он считал слишком неудобными, снайперские винтовки – чрезмерно тяжелыми и длинными, а пистолеты он вообще принимал за игрушки – ну это что за оружие, которое делает максимум два выстрела в секунду? Хэкетт хорошо разбирался во взрывчатке и ее обезвреживании, в компьютерах же уступал позиции Саре.

Но вернемся к Жене, который в своем рассказе дошел до плана бункера. Он попросил листок бумаги побольше и начал изображать схему верхнего этажа бункера. Женя запомнил все до мелочей, и это уже никого не удивляло: он точно не был нормальным человеком. Его речь с феноменальной точностью на языке, носителей которого встречал впервые, говорила о высоко-

² MP5 – семейство пистолетов-пулемётов (автоматов, приспособленных для стрельбы пистолетными патронами), разработанных немецким производителем стрелкового оружия, фирмой Heckler & Koch (HK) в 1960-х годах на основе автоматической винтовки HK G3. Зарекомендовало себя как очень надежное, легкое и высокоточное (для своего класса) оружие. Используется в спецподразделениях армии и полиции во многих странах, в том числе ФРГ и США.

развитой памяти, и не только. Закончив схему, он обратил внимание бойцов на три выхода из бункера. Потом на карте Маркуса Женя изобразил местоположение замаскированных дверей, ведущих к лестницам вглубь бункера. Тут Рыбкин задал волновавший его вопрос:

– А на какой глубине находится бункер?

– Длина лестницы, по которой я поднимался на поверхность, была примерно двести ступенек. Значит, ее высота в районе двадцати метров. Но тут гористая местность, и говорить о глубине можно лишь относительно, – ответ был исчерпывающим, и Рыбкин, взглянув на ландшафт по карте, недоуменно покачал головой и сказал:

– Очень странно. Построить бункер с явно замкнутой системой на такой глубине в такой местности нереально.

Все посмотрели на него и не могли понять, как им раньше не пришел в голову этот резонный вопрос.

– Не знаю, – ответил Женя, не разделяя общего удивления. Он задавался этим вопросом ранее, но не мог придумать ничего, объясняющего этот факт.

– Выясним на месте.

Он рассказал о тех, кого встретил внутри, и они по описанию совпали с теми, о ком рассказывал Маркус Рыбкину при их встрече. Женя удивился, узнав, что они выбрались на свободу:

– Странно. Вообще-то главный принцип «чистильщиков» – конспирация и неразглашение их тайны. Либо системы вышли из-под контроля, либо сам Миронов сошел с ума. Второе более вероятно, иначе зачем ему открывать двери и выпускать «заразу» наружу, еще при этом врубая главную установку? Возможно, он как-то обнаружил ваше присутствие и отправил охрану уничтожить опасность.

– Не на тех нарвался! – процедил сквозь зубы Михон.

– Я забыл сказать... Главная цель нашего пребывания здесь – найти причину крушения вертолетов и гибели экспедиции. Что ты думаешь по этому поводу? – спросил Рыбкин и вопрошающе уставился на Женю.

– Когда это произошло?

– Две недели назад перестала выходить на связь научная экспедиция, изучавшая электромагнитные аномалии. За ней послали два военных вертолета, которые должны были прочесать местность. В итоге и вертолеты пропали с экранов радаров.

– Все мне понятно! Видимо, экипажам вертолетов не повезло. Они оказались над бункером или поблизости (неважно, на какой высоте) в момент перегрузки главной установки. А члены экспедиции сошли с ума – зашли слишком далеко вглубь местности, когда установка еще работала нормально. Вот и все.

– А где они могут сейчас быть?

– Где угодно. Я никогда не был с этой стороны бункера...

Вдруг Хэкетт неожиданно встрепнулся и прокричал:

– Тревога!

XVII. «Путь Земли»

На лагерь надвигался враг, это было очевидно. Маркус и Рыбкин раздавали приказы, Кате и Жене порекомендовали отсидеться в палатке. Вскоре все заняли позиции, и из-за поворота дороги выглянули несколько человек. Они шли идеально ровной походкой, в руках у них были американские карабины, на головах – шлемы, закрывавшие лица почти целиком.

– Рассредоточиться! Стрелять на поражение! – крикнул Маркус.

«Не нравится мне эта идея, – подумал Михон, заворачивая за палатку, как в укрытие. – Не верю, что с ними нельзя попытаться установить контакт. Что, если американцы сами на них нападают без какой-либо провокации?»

Началась стрельба. Маркус умело высывался из-за своей палатки и стрелял короткими очередями, целясь в головы врагов, которые вели себя довольно глупо, подставляясь под выстрелы, не удосуживаясь прятаться. На полученные раны они не обращали внимания.

Когда враги прошли вглубь лагеря, из укрытий вынырнули Рыбкин и Михон. Десять несчастных подопытных оказались в окружении и были побеждены, несмотря на лихорадочную стрельбу наугад. Когда кто-то из них падал на землю с простреленной головой, он немного подпрыгивал, а из раны с силой хлестала кровь, обрызгивая все вокруг. К счастью, никто из бойцов не пострадал. После сражения из палатки Рыбкина вылезли Катя и Женя, которые наблюдали за боем, но не высывались.

– Интересно... – проговорил Женя. – В бункере они вели себя немного по-другому, несколько умнее. А тут глупо подставляются под огонь и атакуют напролом.

Для Рыбкина это был первый бой с новыми противниками. Он подошел к их трупам и вскрикнул от удивления – они были обрызганы кровью.

– Микровзрыв. Скорее всего, действовала система самоуничтожения, – сказал Маркус, подходя к Рыбкину.

– Внутри каждого из них есть кибернетические имплантаты. Наверное, они самоуничтожаются после смерти носителя, чтобы технология не попала в руки врагу. Но силы взрыва недостаточно, чтобы уничтожить их шлемы, а едва хватает, чтобы их расколоть, – констатировал Женя.

– Нам нужно как можно быстрее попасть в бункер и найти ответы на свои вопросы, – сказала Сара. Им уже ничем не помочь, – она посмотрела на трупы погибших подопытных.

Рыбкин подытожил:

– Надо выдвигаться в путь, мы уже обладаем достаточной информацией. Здесь никогда не поймешь, что будет завтра...

Все были согласны с Сарой, но многие все еще не успокоились после короткой битвы. Михон опустил голову и подумал, сколько несчастных им еще придется убить, чтобы достигнуть своей цели: десятки, сотни? «Возьми себя в руки!», – говорил он себе. Но никогда ему не приходилось убивать невинных, пусть и находящихся под контролем и лишенных разума. «Они уже не люди, и им ничем не помочь», – говорил ему голос в одно ухо. «Но они не

виноваты и, может быть, найдется способ вернуть им разум!» – вторил другой. Тут Михон почувствовал на плече чью-то руку: это оказалась рука Сары. Он обернулся, встретился с ней взглядом и понял, что девушка испытывает то же самое чувство.

– Сегодня я впервые убила человека, – шепнула Сара ему на ухо, догадываясь о причине его замешательства. Михон хотел ответить, но почему-то проглотил язык и продолжил слушать. – Думаю, у вас, Майкл, более впечатляющий послужной список. Но сразу видно, что вы ненавидите жестокость. – Она убрала руку с его плеча и отошла, оставив парня сбитым с толку и не дав вставить и слова.

«Что-то притягивает меня к ней. Соберись, не хватало тебе влюбиться, чтобы вся операция пошла кувырком», – говорил Михон сам себе. Он силой воли выгнал из своей головы мысли, которые считал нежелательными, наконец, поднял голову и обратился к Рыбкину:

– Ты прав. Надо идти.

Голову Рыбкина такие мысли не посещали. Он давно смирился с необходимостью не только стрелять, но и убивать. Иногда Михону казалось, что другу нравятся убийства, но Михон в это не верил. «Важен не процесс, а результат; не средства, а цель; не оружие, а тот, в чьих оно руках», – любил повторять Рыбкин. Слова эти были циничны, но правдивы, отражая все моральные трудности их работы, которые заставляли порой делать тяжелый выбор.

Рыбкин посмотрел на удалявшуюся от Михона Сару, улыбнулся из-под отросших усов и снова стал серьезным. Через полчаса активных сборов новая команда отправилась в путь. Рыбкин и Женя шли впереди, зорко высматривая, нет ли вокруг опасности. За целый день им не встретился никто, что немного удивило: они никак не могли понять, откуда берутся эти враги?

Под вечер они сделали второй привал, и Женя, вспомнив карту местности, сказал, что где-то неподалеку должен быть вход в бункер.

На привале было решено идти в бункер с утра. На первую половину ночи часовым остался Маркус, и он с М4³ в руках сел у крайней палатки, в которой спала Сара. Нехорошие мысли лезли ему в голову. Читатель наверняка понял, что Маркус и его команда не состоят в ФБР, а работают на какую-то тайную неправительственную организацию. Нередко в их разговорах упоминалось имя Сириус.

Организация, на которую они работали, была окутана туманом. Контактывали они только с посредниками, но знали, что за всем этим стоит некий человек по имени или прозвищу Сириус. Обстоятельства, при которых все пятеро героев попали к нему, были похожи – они находились в сложной жизненной ситуации, оказавшись без поддержки, и были готовы на самоубийство, чтобы прервать порочный круг.

И тут к ним домой приходил человек от Сириуса, предлагавший сделать хоть что-то полезное для мира. У них все было предусмотрено: даже если человек вздумает их предать, он сможет выдать лишь ограниченный круг лиц, с которыми работал, ни в коем случае не подвергая опасности босса. Но, как ни странно, Маркус не слышал ни об одном случае предательства за все время работы на людей Сириуса. В основном, они очень тщательно подбирали людей с совершенно разным прошлым, давая им цель в жизни.

Именно такая ситуация была у Маркуса. Его бросила жена – казалось бы, обыкновенная история, но в его случае она была особенно драматичной. Маркус служил в полиции Нью-Йорка в отряде специального назначения, у его родителей был загородный дом, а у него – квартира в довольно престижном районе.

³ М4 – американский карабин (автомат с укороченным стволом), разработанный на основе автоматической винтовки М16А2. Первоначально он предназначался для экипировки моторизованных частей пехоты, но затем был принят на вооружение сил специальных операций армии Соединенных Штатов. Используется в США с 1992 года, а также принят на вооружение многими странами на всех континентах мира.

И вот в нее вламывается пара мужчин в масках и с дробовиками наперевес, которые сообщают о том, что убьют его родителей и его самого, если он не подпишет дарственную на дом и квартиру. Он не знал, в чем дело, и под дулом оружия подписал нужный документ, беспокоясь за жизнь родителей. Когда вымогатели уходили, они сообщили две новости: во-первых, что они работают на его жену и ее любовника, во-вторых, что у него есть сутки на выезд из квартиры.

И вдруг оба неприятеля друг за другом падают замертво, а ничего не понимающий Маркус видит за дверью человека с пистолетом, из дула которого еще шел дымок. Таинственный незнакомец предложил оставить все, как есть, и присоединиться к его организации – дескать, они за Маркусом наблюдают очень давно и просто не могли допустить его гибели. Прайс понимал, что с прошлой жизнью его связывают лишь родители, но когда он приехал к ним домой – обнаружил отца и мать мертвыми.

Маркус пытался настоять на том, чтобы расследовать это дело, учитывая свои возможности полицейского. Но человек Сириуса сказал ему, что те, кто это сделали, уже мертвы, а до заказчиков добраться будет очень трудно. Скрепя сердце, Маркус покинул дом родителей, предварительно сделав анонимный звонок в полицию. Он исчез из Нью-Йорка, чтобы исключить встречи с людьми из «прошлой жизни».

В дальнейшем ему выдали поддельные документы, но для новых знакомых он стал Маркусом Прайсом. Собирались они все время в разных местах: в основном, на квартирах членов организации в Чикаго, куда он и перебрался.

Задания, которые им давали, носили схожий характер: в основном, похищение информации, разведка или слежка, реже – промышленный саботаж. И в очень редких случаях их миссии были сопряжены с насилием. Даже когда самым очевидным способом выполнить задание было уничтожение цели, им не давали этого сделать. В голове Маркуса такая политика никак не укладывалась – обычно тайные общества идут на все, чтобы достичь своей цели.

Они называли себя «Путь Земли». Постепенно Маркус получал все больший уровень доступа, и все чаще он слышал имя Сириус. Ему было известно, что так называется самая яркая звезда на небосводе, но Прайс не знал, кого или что называют ее именем. Якобы, от Сириуса исходят все планы заданий, приказы и указания. Иногда Маркусу казалось, что это даже не человек, а группа людей. Его (или их) дислокация была неизвестна и наверняка непостоянна; по крайней мере, так рассуждал Маркус.

Незадолго до последнего задания Прайса познакомили с четырьмя будущими напарниками, которых читатель уже знает. К этому времени Маркус работал в «Пути» уже более пяти лет, сменив шесть разных ячеек. Он успел за это время испытать намного больше, нежели на службе в полиции.

Агенты «Пути» проходили как боевую, так и техническую подготовку. Свои боевые навыки они применяли крайне редко, лишь при необходимости. Но, с самого начала существования, отряд Маркуса готовили, как боевой. самого Маркуса это немало удивило и порадовало — они получили вооружение, о котором могли только мечтать. Все, кроме Сары, уже имели боевое прошлое, и им не приходилось проходить специальную подготовку. Место проведения и значение предстоящей экспедиции они узнали лишь за три дня до нее.

Информация, которой снабдили Маркуса и его команду, была достаточной: они знали, что в горах находился секретный бункер, информацию о котором смогли узнать агенты «Пути» в России. Маркусу и его людям придумали легенду, дали фальшивые звания и форму — так они стали группой спецназа ФБР.

Утром того дня, когда группа Маркуса должна была отправляться, они получили еще одно указание: нужно было обеспечить безопасность российских агентов, направленных в то же место с немного другой целью и, к тому же, требовалось склонить их к соучастию в исследовании бункера.

Ему передали, что один из русских был особенным человеком, кто именно — неизвестно. Нужно было проследить за ними, и подробности сообщить

вышестоящему руководству. Маркус не понимал, почему это указание поступило так поздно, но пришло оно непосредственно от Сириуса, так что он не стал сомневаться в его целесообразности. Естественно, это усложняло задачу Прайса. Завоевать доверие российских агентов, и в то же время скрывать свою истинную сущность – задача не из легких, но и ее предстояло решить Маркусу и его команде.

И вот они оказались здесь, в горах Х. Осведомленность «Пути» о том, что происходило в мире, всегда привлекала внимание Маркуса. Перед каждым заданием он получал предельно ясную информацию, которая всегда оказывалась правдой. Также было и теперь. Прайс не знал, откуда у «Пути» были защитные шлемы, но они ему и его команде весьмагодились – подобного ранее с группой не случалось, а встреча с подопытными стала для отряда полной неожиданностью. С тех пор Маркус любую новость воспринимал с опаской.

Когда они нашли российских агентов, он вздохнул с облегчением – Рыбкин и Михон почти не пострадали, и часть задания была выполнена. Но когда через день им встретились новые спутники... Маркус не был уверен в их лояльности. Информация, найденная Женей, впечатляла, но Прайс предпочитал не доверять выходцу из лаборатории по понятным причинам, так же, как и его сестре. И проникновение в сам бункер являлось для Маркуса самым простым способом выяснить, что же все-таки происходит.

XVIII. Проникновение

На следующее утро ничего особенного не произошло. Заканчивал дежурство Рыбкин, а вокруг не было слышно ни шороха. После быстрого завтрака устроили совет.

Практически все были согласны начать вторжение в бункер чем быстрее, тем лучше. Согласно словам Жени, один из входов находился недалеко – в полукилометре от их местоположения. Вскоре совет был окончен, и команда двинулась в путь. Дорога была извилистой и водила путников по кругу. Но впервые за последнее время это была действительно протоптанная кем-то

дорога, в отличие от опасных перевалов над пропастями, встречавшихся им ранее. Временами попадались развилки, и Женя указывал куда идти. На преодоление такого небольшого расстояния ушло сравнительно много времени – целых три часа. В итоге, наши герои добрались до широкой щели в горе, в которую первым вошел Женя. За ней открылся небольшой грот, постепенно уходивший вниз.

– Здесь должен быть тайный вход, – сказал Женя, ощупывая стены. Потом он надавил на одну из них – участок стены ушел вглубь. – Отойдите, – скомандовал он. И довольно вовремя, поскольку в метре от того места, где он стоял, от стены грота отвалился огромный камень и рухнул на пол, сильно удивив остальных.

За отвалившимся камнем оказалась дверь желтовато-серого цвета, рядом с которой находился пульт с кнопками, очевидно, предназначавшийся для ввода кода допуска к бункеру.

– Рекомендую всем приготовить оружие, а также дать что-нибудь нам с Катей для самообороны, – попросил Женя.

– Катя, ты точно хочешь войти туда? Там может быть очень опасно, – сказал Рыбкин.

– Понимаю, что ты за меня беспокоишься, но я не могу бросить вас и остаться здесь одна. Я решила однозначно и уже давно, что пойду с вами.

– Хорошо, – Рыбкин нехотя согласился, понимая, на какой риск идет его жена. Из своего рюкзака он достал пистолет Стечкина⁴ и два магазина к нему. – Держи, но пользуйся им аккуратно, а лучше – не пользуйся совсем и, если вдруг станет туго, беги. Понятно?

Катя кивнула головой, вопрос был исчерпан.

⁴Автоматический пистолет Стечкина (АПС) – разработанный в конце 40-х – начале 50-х годов пистолет для самообороны некоторых категорий военнослужащих и офицеров. Позже он был снят с вооружения, но в 90-х годах снова стал использоваться спецподразделениями как средство личной самообороны. Имеет полуавтоматический и полностью автоматический режимы огня.

– Нам нужно определиться с руководителем операции. Наибольший боевой опыт имеете вы, Алекс. Думаю, вам нужно принять командование. Я продолжу руководить своей группой, но наши решения я буду согласовывать с вами. Договорились? – сказал Прайс.

Рыбкин понимал, что без четкой координации с чьей бы то ни было стороны, добиться успеха будет трудно. Поэтому он согласился с предложением Маркуса, подошел к американцу и пожал ему руку.

Евгению американцы дали лишний карабин, находившийся у Маркуса в рюкзаке, и проблема с вооружением была решена. Также у всех были портативные радиостанции для связи на коротких дистанциях, они настроились на одну и ту же частоту и наладили связь. Теперь надо было придумать, как открыть дверь, но эта проблема была решена легко – Женя подошел и ввел нужный код. Это удивило всех, а Маркуса даже насторожило – неужели у «чистильщиков» настолько простая система защиты? Он попросил объяснений. На что Женя фыркнул и ответил:

– Система защиты у них хорошая. Код меняется день ото дня, и никто не знает его в точности. После пяти попыток взлома, открыть дверь будет возможно лишь на следующий день, но тогда код, естественно, изменится. Но есть правило, по которому меняется код – это математическая функция, аргументом которой является текущая дата. Даже если бы вы ее знали, то без помощи компьютера не смогли бы вычислить код. Но я смог это сделать – думаю, не нужно объяснять, почему.

Вопросов ни у кого не возникло, потому что ответ был, как всегда, точен. После того, как Женя нажал на нужную кнопку, дверь подалась внутрь и отодвинулась в сторону, открыв проход в маленькое помещение, сразу за которым находилась очень длинная лестница вниз. Все тут же привели оружие в полную боевую готовность. Рыбкин еще предыдущим вечером сообщил в центр, чтобы они выслали вертолет для возможной эвакуации, но с этой стороны не было места для его посадки, поэтому они должны были выйти из другого выхода.

– А наш багаж? Придется его оставить и взять все самое необходимое, – объявил Рыбкин и начались сборы. В итоге, американцы взяли с собой компьютер, оружие, боеприпасы, пару запасных пластин для бронежилета, два комплекта взрывчатки, пять ручных гранат, а также еду на один день, хоть Женя и убеждал всех, что еды в бункере хватит. Российские агенты положили в рюкзак к американцам и свой компьютер, а также взяли с собой патроны для своих автоматов и несколько гранат – другого снаряжения у них не было.

Рыбкин приказал всем проверить оружие, а Харрисону взять багаж. Так наши герои вошли в дверь. Первым пошел Маркус, за ним вся его группа, затем – Рыбкин, Михон и Катя, а замыкал группу Женя, закрывший за собой дверь нажатием кнопки на панели. Лестница была витой и шла глубоко вниз, и спуск по ней занял чуть более минуты. У основания лестницы находилась дверь, открыв которую, герои попали в узкий коридор.

Стояла зловещая тишина, идеально подходившая тому месту. Освещение было тусклым и исходило от галогеновых ламп, висевших под потолком. Направив вдоль коридора автомат, Маркус вошел в него. Все передвигались незаметно, потому что подозревали, что за ними наблюдают скрытые камеры. Коридор был коротким, а следующая дверь вела в помещение с четырьмя дверями, ведущими в разные стороны. Маркус вопросительно посмотрел на Женю.

– Это сектор 3-С-Н. Третий, верхний уровень бункера. На нем находятся в основном камеры для подопытных. На втором уровне – помещения для ученых-исследователей и руководителей, а также камеры для особых опытов – например, там была моя и отцовская камеры. Первый, нижний уровень – это уровень технического обеспечения, на котором находится реакторная комната и система жизнеобеспечения, – ответил он на немой вопрос. Говорил он, практически не понижая голос, на что Рыбкин возмутился:

– Говори тише! Нас могут услышать!

– Это бесполезно. В каждом углу есть, как минимум, одна камера и микрофон – если нас захотят услышать, то все равно услышат, даже если мы будем обмениваться мыслями на расстоянии.

– Такое возможно? Ах, да, я и забыл, где нахожусь...

– За то время, что я здесь жил, я понял, что тут возможно все...

XIX. Проверка

Нумерация помещений в бункере шла по порядку – первая цифра означала этаж, две буквы – координаты. По словам Жени, им требовалось миновать третий этаж как можно скорее, чтобы пересекаться с обитателями бункера как можно реже, а лестница на второй уровень находилась в блоке 3-А-С. Поэтому команда направилась прямо, внимательно посматривая на другие двери, сохраняя очередность.

Следующий коридор, в который они попали, имел несколько дверей. Женя сообщил, что за ними камеры, а в них может быть полезная информация. Оставив остальных в коридоре, Маркус, Рыбкин и Женя заходили в каждую из них, но не находили ничего, кроме прозрачных устройств цилиндрической формы, сделанных по росту человека. К ним подходили многочисленные трубки и провода, уходившие в стену. Во всех камерах был выключен свет.

– Никого, – констатировал Рыбкин. Возможно, они устроили засаду?

– Может быть, остальные просто находятся в других комнатах? Не все в состоянии носить оружие и обучены боевым навыкам, – ответил Женя.

– А можно узнать, сколько их здесь всего?

– Сложно сказать. «Чистильщики» похищали людей десятки лет со всей Земли. Самих ученых перед началом эксперимента было несколько десятков, некоторые из них, как мой отец, стали агентами. Позже агентами становились те, кто проходил мутации. Так что, число подопытных росло в геометрической прогрессии.

– Плохо. Этот бункер – потрясающее место для засады. Откроешь дверь – и получишь пулю в лоб, – когда Рыбкин сказал это, ему стало не по себе.

Маркус вставил:

– Если бы «чистильщики» хотели нас убить, то они давно уже бы это сделали. Еще в первой комнате – кинь в нашу сторону пару гранат перед тем, как мы откроем дверь – и нам конец.

– А ты оптимист, – прервал его Рыбкин. – Хотя... это единственное объяснение неожиданному затишью. Или же все-таки засада где-нибудь в более удобном месте.

– Согласен с тобой. Вряд ли Миронов отступится от своего и оставит нас в живых, – заключил Женья.

– Пошли, чем быстрее встретимся со своей судьбой, тем лучше.

После осмотра всех близлежащих камер Маркус, Рыбкин и Женья присоединились к остальным и стали двигаться дальше в сторону лестницы, постоянно оглядываясь по сторонам. Вокруг по-прежнему было тихо – стены были звуконепроницаемые.

На следующей развилке группа повернула налево, и по пути все время встречались пустые комнаты, в которых ранее находились подопытные. Через пять минут команда достигла сектора, в котором находилась искомая лестница вниз.

– Глядите в оба, – сказал Рыбкин, подходя к комнате с лестницей. Открыв, согласно совету Жени, нужную дверь, он первым стал спускаться. За ним шли Маркус и его люди, замыкающим был Рыбкин, который шел задом. Комната была очень тесная.

Тут гробовую тишину пререзали звуки шагов.

– Чшшш! – прошипел Рыбкин, все тут же застыли. Он инстинктивно прижался к стене около двери, на другую сторону показал взглядом Михону. В помещении, из которого они вышли, открылась дверь, и из нее вынырнули несколько вооруженных бойцов, уже знакомых всем по экипировке. – Все вниз! Мы их задержим! – Рыбкин высунул автомат и стал стрелять вслепую.

Нападавшие поняли, что потеряли фактор неожиданности и тоже нашли укрытия – бой мог затянуться. Рыбкин понял, что надо рискнуть, выглянул из-за стены и попытался вести прицельный огонь. Врагов было всего четве-

ро, и одного из них он успел нейтрализовать. То же самое сделал Михон. Настала очередь оставшихся врагов – они простреливали дверной проем, не давая Рыбкину и Михону высунуться.

– У нас невыгодное положение! Надо спускаться вниз, – сказал Михон. – Закрывай дверь!

Рыбкин счел совет полезным, быстрым броском выпрыгнул, когда огонь прекратился, и захлопнул дверь.

– Держи ее под прицелом, спускаемся! – прокричал он и пошел по лестнице вниз. – Маркус, Женя, у вас все в порядке?

– Здесь чисто, – ответил Маркус.

Пока вниз спускались Рыбкин и Михон, дверь наверху так и не открылась, их не преследовали.

– Странно, к чему бы это? Это точно не для того, чтобы с нами разобраться – послать на отряд из семерых спецназовцев четверых косых автоматчиков. Пффф... – фыркнул Рыбкин.

– Возможно, это проверка – кто мы в действительности такие, и какие меры нужно предпринять для нашего дальнейшего уничтожения, – сказал Маркус.

– Теперь ты пессимист. Они наверняка уже знают, на что мы способны, и не будут подставляться так глупо, – продолжил его мысль Михон.

– Надо продолжать путь. Нам бы попасть к их главному и задать ему парочку вопросов, – Рыбкин сказал это, вопросительно глядя на Женю.

– Дайте вспомнить дорогу к командному центру. Сейчас мы находимся в секторе 2-B-C. Если местоположение Миронова не изменилось, то он в секторе 2-D-K.

– А где находится папа? – спросила Катя, которая уже давно не говорила ни слова.

– 2-A-H. Сравнительно недалеко, можем пойти через его камеру.

– Постой, а что, если «чистильщики» знают, что мы пойдем именно этим путем и устроят там засаду? И еще, придется ведь делать крюк? – спросил Михон.

– Тогда вообще не надо было сюда спускаться, сидели бы у входа, надеясь на чудо – авось Миронов и его ребята сами придут к нам. Нет, раз уж залезли в пасть ко льву, надо делать дело. Пошли! – скомандовал Рыбкин, и ни у кого не возникло сомнений в правоте его слов. Тем более, выбор у них на самом деле был невелик: возможность сейчас уйти оттуда, куда глаза глядят, ими даже не рассматривалась.

XX. Арена

Дверь, ведущая из комнаты с лестницей, на втором этаже была другой: рядом находилась знакомая панель (как на внешней двери в бункер), но без кодового замка, а с единственной красной кнопкой, которая после открытия загоралась зеленым. И второй уровень вообще выглядел более технологически совершенным – материал стен темно-синего цвета и идеально гладкий, в противовес обычной серой стали на третьем этаже. Освещение было немного ярче, а также снизу доносился едва заметный гул работавшего ядерного реактора. Коридоры стали более извилистыми, и складывалось впечатление, что разные уровни бункера были построены в разное время.

Когда был пройден один блок, Женя сообщил:

– Мы направляемся в сторону блока 2-B-F. Судя по карте, это была арена для испытаний боевых качеств новых бойцов. Я уже упоминал о спаррингах в полную силу? Они проводились именно там.

По пути встречались повороты, и перед каждым из них тщательно проверялось, нет ли засады или «хвоста». С очень беспокойными сердцами экспедиция приближалась к той самой арене. Судя по словам Жени, через нее вели практически все пути, и она была превосходным местом для засады. В итоге команда добралась до этого блока, и как всегда, шедший впереди Маркус нажал кнопку. Все осторожно зашли в довольно просторное помещение. Первое, что бросилось в глаза – сама арена уходила вглубь, а пришельцы

оказались на одной из «трибун», которая представляла собой пять кресел с небольшими столиками рядом с каждым. Над ареной сбоку находилось помещение, чем-то напоминавшее рубку комментатора.

– Мы с Маркусом и Женей поднимемся туда, – сказал Рыбкин. В «рубку» вела короткая лестница с арены, но там также имелся и отдельный выход. «Рубка» была довольно тесной, но в ней размещалось кресло, стол и монитор на нем. Едва Рыбкин притронулся к монитору, как он засветился. Появился какой-то незнакомый экран загрузки, а затем окно для ввода пароля. Под монитором находилась стандартная клавиатура, но вот только системного блока у компьютера не было.

– Возможно, это всего лишь сетевой терминал. Вообще, интерфейс какой-то незнакомый, – проговорил Рыбкин. – Надо найти пароль или взломать эту штуковину. Там может быть что-нибудь полезное. – Эти мысли можно было и не произносить вслух, но Александр так привык.

Вдруг экран снова погас, и ввод пароля не потребовался. Рыбкин недоуменно поглядел на остальных и пожал плечами. На экране появился набор значков, за каждым из которых скрывался какой-то документ. В одном из них, с названием «Арена, бой 334», который находился левее всех, был отчет произошедшего боя: номера участников, применяемое ими оружие, исход, а также видеозапись боя. Таких боевых отчетов было более сотни, каждый комментировался более чем подробно: в какой момент нанесены раны, какие получены увечья. Список последних впечатлял.

– Странно, в одном из боев этот подопытный получил перелом, а вот он же, через неделю, жив и здоров. Регенерация, подавление болевого синдрома? Интересно... – сказал Маркус. – Алекс, а откройте вот этот каталог. – На экране появился список видеозаписей и ссылка на камеры видеонаблюдения.

– Ого, это записи с видеокамер бункера. А здесь, похоже, трансляция с камер, – Рыбкин просматривал ссылки одну за другой.

– Большая часть записей заблокирована, но... – Женя подался вперед и посмотрел на коды в левом верхнем углу каждого видео. – Стоп, разблокиро-

ваны записи из блоков вокруг арены. Вот 2-B-E, из которого мы пришли, есть 2-A-F – пусто; 2-D-E, 2-D-F – а вот там кто-то есть...

– Враги стоят около двери, видимо, пытаются ее открыть или просто чего-то ждут, – проговорил Рыбкин, и от удивления у него словно ком застрял в горле. – Скоро они могут прорваться. Всем занять оборону, ищите укрытия! Враг надвигается справа. Маркус, Женя – вниз. Джексон, поднимись наверх, мы прикроем остальных прицельным огнем. Рассредоточиться! – он отдавал команды, и все понимали, что времени на подготовку немного, если камеры не врут.

Джексон с винтовкой занял позицию около Рыбкина, который прикрепил к своему «Абакану»⁵ оптический прицел невысокой кратности. Он с тревогой посмотрел на терминал. Там появилась еще одна группа противников, которые приближались к арене с другого входа.

– Приготовьтесь, там их свыше двух десятков, вот-вот смогут открыть дверь, – Рыбкин уже переговаривался вполголоса через радиосвязь. Диспозиция союзников внизу была такова: все спрятались за столы на «трибунах», на расстоянии полтора-два метра друг от друга. Ближе к «рубке» были Катя и Женя, примерно посередине расположились Хэкетт, Харрисон и Сара, ближе всего к врагу находились Михон и Маркус – именно они должны были принять первый удар. – Катя, не высовывайся лишний раз. Женя, прикрой ее при случае, она стрелять-то толком не умеет. Всем напоминаю – стрелять прицельным огнем, короткими очередями, целиться в голову.

Не прошло и секунды, как на одном из экранов засветилась кнопка открытой двери. Одновременно с этим открылась одна из дверей, и на арену высыпали вооруженные подопытные. Тактика была ясна: они пытались про-

⁵ Автомат Никонова обр. 1994 г. (АН-94), также известный, как «Абакан» – это автомат, пришедший на замену морально устаревшему АК-74. Имеет более высокую кучность и точность стрельбы, а также режим прицельного огня с отсечкой по два патрона. Пока что используется лишь специальными подразделениями в России, так как конструкция автомата слишком сложна для массового обучения новобранцев.

рваться как можно дальше, непрерывно ведя огонь по не очень-то надежным укрытиям наших героев. Но первые пули Джексона и Рыбкина охладили их пыл. Сразу же упали замертво двое нападавших, потом – еще двое. Они слегка замедлились и стали искать укрытия. На арене располагались бетонные блоки, видимо, использовавшиеся для тренировки. Те вражеские солдаты, что сумели до них добежать, сразу к ним прижались и стреляли уже почти вслепую.

Внешний вид неведомых врагов не изменился с первой встречи с ними группы Маркуса. Действовали они так, как будто ими кто-то управлял на уровне движений отдельных частей тела. Видимо, так оно и было, так как установка где-то в глубине бункера работала в полную мощность. У Жени не было сомнений в том, что ими управляет Миронов, но он не мог объяснить, почему определенные данные с терминала стали вдруг доступны без защиты. Возможно, в бункере был кто-то, кто помогал группе вторжения, может быть этот кто-то – его отец. Эта догадка прибавила Жене сил, он дождался, пока из укрытия высунется очередной подопытный, и метким выстрелом его уложил.

Тем временем Рыбкин и Джексон пытались вести огонь по врагам внизу. Частично они скрывались за блоками, но для метких стрелков это была не помеха. Рыбкин, отстреляв обойму, пригнулся для перезарядки и мельком взглянул на монитор. Вторая группа врагов, шедшая из другого блока, также готовилась к атаке. Александр предупредил об этом Михона и Маркуса, так как эта группа должна была подойти с их стороны.

После нового нападения на арене стало действительно жарко. Вторая группа нападавших посчитала своей целью уничтожить снайперов, засевших в «рубке». Это, конечно, сделало их уязвимыми к огню остальных, но практически обезвредило пригнувшихся Рыбкина и Джексона, над головами которых свистели пули. Майор снова посмотрел на монитор, но ничего подозрительного не заметил.

– Ну, поехали, – Рыбкин отцепил от пояса гранату Ф-1⁶ и выдернул чеку. – Берегись! – прокричал он и, немного задержав гранату в руках, бросил ее вниз. «Лимонка», попав в самую гущу врагов, разорвалась, обдав осколками большинство противников.

Многие из них упали, кто-то подскочил в воздух и ударился об стену, но это было лишь действием ударной волны. Все защищавшиеся немедленно открыли огонь. Почти сразу же неподвижно лежавшие враги стали медленно вставать. Рыбкин через оптику видел, как у подопытных из видневшихся в прорехах бронежилетов ран обильно сочилась кровь. Противники были разорваны осколками в нескольких местах, но, тем не менее, уже стояли на ногах. По спине Рыбкина побежали мурашки, когда он увидел, как один из врагов поднимал лежавший в углу автомат, тогда как руки его были переломаны в нескольких местах. Александр решил не тянуть и застрелил беднягу.

Маркус высунулся из своего укрытия и выстрелил в стоявшего в метре от него врага. Тот к этому оказался готов и дал очередь по самому Маркусу – две пули не минули его и попали в грудь. Михон дернулся от неожиданности, но оказалось, что Маркуса спасла броня, задержавшая обе пули, не дав им попасть в легкие. Это поразило Михона еще сильнее: ни один из известных ему бронежилетов не был способен остановить автоматную пулю с расстояния одного метра, это было невозможно из-за высокой скорости пули.

Ситуация накалялась. Каждые несколько минут Рыбкин видел, как на мониторах появлялись новые и новые противники. Защищавшиеся на арене не могли вести шквальный огонь, а гранаты кончались. Раненных пока что не было, но рано или поздно усталость бойцов дала бы о себе знать досадными промахами и потерей осторожности.

⁶ Ф-1 – ручная оборонительная осколочная граната советского и российского производства. Предназначается для уничтожения крупных скоплений врагов на большом расстоянии при положении бросающего за надежным укрытием, так как радиус поражения осколками довольно велик – до 30 метров.

– Сейчас еще нагрянут, – сообщил Рыбкин по радиосвязи после небольшой передышки. – Приготовиться!

Как будто по его команде двери снова распахнулись, и в зал вбежала настоящая толпа врагов. Они выстраивались в шеренгу, так как вести огонь из-за спины «товарищей» было неудобно и чревато дружественным огнем. Все защитники тут же оценили серьезность угрозы. Рыбкин давно заметил, что неведомый враг не щадит бойцов, смело отправляя «пушечное мясо» на смерть, и все только для того, чтобы подавить сопротивление его команды, к которой он уже привык. Даже жизнь каждого американца он ценил, как свою собственную. Несмотря на циничность и расчетливость, Рыбкин был неплохим командиром и берег силы других, он отвечал за их жизни не перед кем-то, а перед самим собой. И то, как враги нещадно бросали все новые силы в атаку, он воспринимал не только, как глупость, но и как крайне бесчеловечный поступок. Теперь в его голове крутилась мысль об отступлении, которое было возможно только в одном направлении – через дверь за его спиной.

XXI. Не по правилам

Вечно оборона продолжаться не могла. Во-первых, патроны не бесконечны, и если у отряда закончатся обоймы для автоматов, им придется переходить на пистолеты. А пистолетная пуля врагам была не страшнее комариного укуса и могла быть опасна лишь при стрельбе в упор. Бой длился уже примерно пять минут, но количество появившихся за это время на арене трупов поражало воображение даже повидавшего виды Рыбкина. Он потерял им счет, но их было точно не меньше тридцати.

Если бы на месте майора оказался обычный человек, его бы стошнило. Катя была медиком и умела держать себя в руках, а Женя на такие вещи почему-то не реагировал. А вот Сара чувствовала явное отвращение к происшедшему на арене. Иногда во время передышек девушка встречалась взглядом с Михоном, который, даже будучи поглощен боем, не забывал о ней. Он уже не пытался отбросить надоедливые мысли, потому что поддался искушению и думал впервые за несколько лет завести отношения с женщиной,

которая ему нравилась. Но между ними был этот треклятый бой и беспощадные пули, свистевшие над головой. Он почему-то захотел забыть об этом, хотя знал, что через несколько секунд снова высунется за укрытие и кого-нибудь застрелит. Он посмотрел на Сару, закрыл глаза и...

Михон погрузился в размышления. Перед его глазами все еще была неподвижная Сара, смотревшая ему в глаза. Он знал, что глаза его закрыты, но видел «фотографию» Сары. Внезапно Михон перестал слышать звуки боя, он сильно удивился этому. У него возникло странное ощущение, что физически на арене он отсутствует. Ему хотелось еще побыть в этом странном сне, но мысли о бое снова вернулись к нему. Михон подумал, что за это время должен был выстрелить уже несколько раз. Усилием воли он открыл глаза, и произошло то, что поразило Михона еще сильнее: перед ним снова была Сара, но теперь она уже поворачивала голову в сторону арены и снова высунулась для стрельбы. Михон снова отчетливо слышал звуки стрельбы и команды Рыбкина в наушниках и был готов вести бой; а о произошедшем с собой он решил подумать в более мирной обстановке. Оставалось надеяться, что они победят.

Надежда, как известно, умирает последней, но никто из защитников умирать не собирался. Все они израсходовали примерно половину боезапаса и не знали, когда напиравшей армаде врагов настанет конец. Рыбкин между выстрелами размышлял о побеге через дверь, к тому же там было безопасно, если верить камерам. Но в этом чудовищном месте, казалось, нельзя было верить ничему. Кроме того, трудно было организовать отход, не подставив отступавших под шквал пуль, ведь им надо было подниматься по лестнице в «рубку». За это время их всех запросто могли убить.

Маркуса занимал другой вопрос. В отличие от Михона, он знал секрет своего бронежилета. Броня была создана инженерами «Пути» из особо прочного материала и могла сдержать две автоматные пули, даже попавшие в одну точку. Секрета технологии Прайс не знал, но она все равно не была совершенной. Подобной броней были снаряжены все его бойцы, и Маркус по-

думывал, когда пустить ее в ход. Эта волна могла быть не последней, но выиграть время было нужно. Все равно, рано или поздно, арену пришлось бы покинуть. Поэтому Маркус решил рискнуть. Он передал короткую команду своим людям:

– Переходим к плану «С»!

Поначалу эти слова насторожили Рыбкина, но тут он увидел, как Маркус, Харрисон, Хэкетт и даже Сара выпрямились в полный рост. Они тут же привлекли внимание врагов, и Рыбкин уже подумал, что отчаянным смельчакам скоро придет конец. Как бы в ответ на его мысль Джексон кивнул головой и улыбнулся. По его мнению, «веселье» началось.

– Открыть огонь! – прозвучал голос Маркуса, и на врагов посыпался град пуль. Команда Прайса целилась в головы врагов, в то время как они, в основном, попадали в отлично защищенные корпуса бойцов. «Чистильщики» теряли одного бойца за другим, пока пистолеты-пулеметы Сары и Хэкетта, дробовик Харрисона и карабин Маркуса делали свое дело. Когда же патроны в обоймах закончились, бойцы быстро спрятались за укрытиями, а на арене осталось всего три живых врага, и те сразу же скрылись за бетонные блоки. Отчаянная вылазка оказалась не такой отчаянной и закончилась несомненным успехом, повергнув в шок остальных присутствовавших на арене людей.

То, что сделали на американцы, потрясло Рыбкина. Он хотел спросить об этом у Джексона, но решил дожидаться более мирной обстановки. Если, конечно, они победят... Рыбкин застрелил еще одного неосторожного противника, выглянувшего из-за блока, и посмотрел на монитор. «Черт, когда же это закончится», – чертыхнулся Рыбкин, в очередной раз увидев на экране группу вооруженных врагов. «Сколько там их еще? Десятки, сотни, а может тысячи? Сначала оставят нас без патронов, а потом раздавят, как тараканов». И все время Рыбкин поглядывал на дверь сзади. «Вот еще волну отобьем, и будем прорываться в ту сторону, авось повезет».

После следующей атаки ситуация начинала выходить из-под контроля. Двадцать вражеских автоматчиков теснили обороняющихся. Маркус уже не

решался снова перейти к плану «С»: его бронежилет был поврежден, как минимум, в десяти местах. После каждой неосторожной вылазки за пределы укрытия он получал пулю. Сидевший рядом Михон и вовсе не знал, что делать – до сих пор он избегал ранений, но в любой момент можно было схлопотать пулю.

Враги снова взялись за «рубку», и союзники внизу лишились снайперской поддержки. Атаки врагов становились всё яростнее – они продвигались вперед, даже не пытаясь воспользоваться укрытиями, о чем сразу же подумал бы мало-мальски опытный солдат, продолжая наступать в полный рост под шквальным огнем. А обороняющимся это отнюдь не было на руку: как ни странно, целиться в голову с расстояния было не так уж и сложно. Но при приближении высунуться из-за укрытия, когда в метре спереди враг, при этом попасть в цель и избежать ранения – было нелегкой задачей.

Со временем «клин» врагов приблизился к укрытию Хэкетта, Харрисона и Сары. Харрисон тут же высунул руку с дробовиком и, выстрелив наугад, попал в голову ближайшему врагу. К счастью, остальным стало удобнее вести огонь с флангов, и погибло еще пятеро врагов. Но оставшиеся десять представляли реальную угрозу. Михон снова посмотрел на Сару, которая боялась выглянуть из-за стола, чтобы не получить пулю в уязвимую голову: с такого расстояния шлем ее не спасет. Потом Михон взглянул в сторону врагов. Снова с ним произошел примерно тот же случай: он сконцентрировался на происходящем, и картина вокруг застыла. В его мыслях родился безумный план: выскочить на арену и вступить в рукопашную схватку. Силы были не равны, но предчувствие давало знать, что появившаяся в нем способность останавливать время поможет ему и в бою.

Он решил сделать это. Одним прыжком он перемахнул через столик, причем это было настолько неожиданно, что Маркус не успел схватить его за руку и предостеречь от необдуманного поступка. За доли секунды Михон оказался около ближайшего врага и с хрустом сломал ему шею. Следующий развернулся к Михону лицом, но он не растерялся, схватил его автомат и с

силой пихнул его вперед. Михон снова смог усилием воли «заморозить» происходившее вокруг, спланировал дальнейшие действия, а потом поднял сбитого с ног в воздух и швырнул в остальную кучу врагов. Эффект был ошеломляющим. Отбросив ненужный автомат, Михон вынул из-за пояса пистолет, и пока враги не смогли подняться, застрелил четверых, целясь точно в головы. Это стало словно сигналом для остальных: защитники смогли покинуть укрытия и смело вести огонь по врагам.

На самом деле, Михон не был способен ни остановить, ни замедлить время. Никакая сила не в состоянии разорвать ткань пространства-времени. Он лишь приостанавливал ход событий для своего разума, позволяя концентрироваться на каждой мысли и следовавшем за ней действии. Поначалу это давалось ему с огромным трудом, а после таких «сеансов» ему было тяжело восстановить умственные силы.

Для остальных же весь процесс занял всего пять секунд. Михон двигался с поразительной точностью, наносил и отражал удары: он превратился просто в пятно, движения которого невозможно было уловить невооруженным глазом. Еще несколько секунд – и бой был завершен. Все были ошеломлены произошедшим. Особенно Рыбкин: его сердце бешено колотилось. Столько потрясений за один день он не испытывал никогда: сначала беспощадность врагов к самим себе, потом контратака американцев, а потом неожиданная атака Михона. Рыбкин не знал, что человек вообще на такое способен: у него самого реакция была очень неплохой, но чтобы так? Нечто подобное могли продемонстрировать разве что японские ниндзя-убийцы, но и те вели бой с ограниченным числом врагов, используя изящные маневры атаки и уклонения. Он снова с тревогой посмотрел на монитор и с радостью заметил, что там было чисто. Совсем обессилив, командир группы выдавил из себя, даже немного застонав:

– Думаю, вам всем будет, что мне объяснить. Уххх, – Рыбкин скатился на пол и схватился за голову.

Джексон опустил винтовку и посмотрел на Рыбкина: его лицо было бледным, но на нем застыла улыбка. «От такого можно и с ума сойти», – подумал Джексон.

– Всем отбой. Прервемся ненадолго и пойдем дальше через дверь в рубке, – слабым голосом проговорил Александр, когда встал.

XXII. БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Неделю назад...

Федор Мухин был далеко не в лучшем расположении духа после того, как помог сыну бежать из бункера. Он прекрасно понимал, что Женя не сможет долго оставаться снаружи; ему захочется вернуться в сюда, так как все воспоминания его жизни были связаны лишь с этим местом. Поэтому Федор решил действовать и, пока бункер спал мертвым сном, попробовать найти выживших, чего бы это ему не стоило.

К несчастью, Федору было намного тяжелее восстановиться после проводимых над ним экспериментов, чем сыну. Полностью раздевшись, он заметил, что его тело совсем не похоже на то, каким он видел себя в последний раз, и дело не только в возрасте. В молодости Федор был плотного телосложения, а теперь стал похож на узника концлагеря. Он нашел в одном из ящиков небольшое расколотое зеркало и, посмотрев в него, с ужасом обнаружил глубокий шрам на правой щеке. Федор просто не узнавал себя.

С головой все было намного хуже. Его разум был свободен, но из памяти как будто вырезали огромный кусок: Федор практически не помнил последние тридцать лет, однако воспоминания понемногу возвращались. Незадолго до этого он рассказал все, что знал об этом бункере и о «чистильщиках» своему сыну, и это было абсолютной правдой. Федор отвлекся от своих мыслей и посмотрел на труп человека, лежавший в углу. Он пролежал там как минимум половину суток, прошедших с момента взрыва. Преодолев отвращение, Федор поднял голову умершего и вспомнил его имя.

«Костя. Костя Сомов. Ты же был моим помощником, когда мы работали в московском университете! Подавал надежды, мог занять мое место. Какой

был хороший парень...» – Федор заплакал, опустившись на колени перед телом. «Костя точно не владел собой, когда участвовал в эксперименте. Он же всегда уважал меня и считал лучшим другом. Неужели это место и вправду лишает людей самого дорогого – души?» – думал Федор.

Совесть Федора далеко не была чиста. Он вспомнил то время, когда они, группа молодых советских ученых – физиков и биологов, проводили исследования о влиянии электромагнитного излучения на человеческий мозг. Тогда феномен психотропного излучения был изучен слабо, но они смогли далеко продвинуться в своих исследованиях. К несчастью, им очень не хватало подопытного материала: опыты на животных в этом случае вряд ли бы дали серьезный результат, так как нервная система человека была организована намного сложнее. Теоретическая база их знаний все расширялась, но они не могли проверить данные на практике – работа над проектом зашла в тупик.

У будущих «чистильщиков» не было руководителя, как такового. «У руля» были обычно двое: доктор медицинских наук Семен Миронов и кандидат физико-математических наук Федор Мухин. Их исследования не были официальными, и финансировалась лишь самими учеными. Поэтому, когда появились трудности, Федор обратился к руководству университета, но оно отказало в поддержке, так как не было заинтересовано в развитии исследований – их посчитали бесперспективными и даже опасными, особенно когда Федор упомянул нехватку подопытного материала. Он и сам понимал всю возможную безнравственность будущих опытов, но такая практика встречалась нередко, и она приводила к потрясающим результатам, совершая переворот в медицине. Добровольцы, заключенные... вариантов была масса.

Когда они с Мироновым отчаялись продолжать работу, на домашний телефон Мухину позвонили. Незнакомый голос назначил им встречу в укромном месте, обещал помочь. Оказалось, что это был некто Пирсман, независимый американский инвестор, якобы давно занимающийся финансированием нелегальных научных исследований. Федору дали неделю на размышления, и он посоветовался с коллегами. Их мнения оказались разными: Миронов и

еще пятеро не хотели работать неизвестно на кого. Именно тогда ученых впервые посетила мысль, что их исследования легко повернуть в военное русло; с самого начала это не было очевидно – проект носил мирный характер. Вот по какой причине Миронов и другие высказались против союза с американцами.

Позже Федор стал понимать, почему американцы связались именно с ним: он был физиком, рациональным человеком, способным взвесить все «за» и «против» их сотрудничества. И не ошиблись: Федор действительно поверил, что лишь сотрудничая с новыми «друзьями» его команда сможет достичь успеха. Федор решил, что у него есть только один шанс – убедить коллег в необходимости работать с американцами, которые обещали конфиденциальность и безопасность экспериментов. После долгих дебатов Миронов сдался.

После принятия этого решения ученые исчезли. Семей у них не было, они были полностью поглощены работой, поэтому спокойно отнеслись к тому, что их перевезли в богом забытое место, где ученые могли продолжать исследования.

По прибытию в бункер ученые были поражены его техническим совершенством. Американцы объяснили им, что это передовая исследовательская база. Многим в это не верилось, но заокеанские коллеги пояснили это периодом холодной войны, из-за которого многие технологии были засекречены. С этим объяснением Миронов согласился – действительно, мало ли секретов было у участников противостояния?

Поначалу все шло, как по маслу: оборудования достаточно, начали поступать первые подопытные. Пирсман говорил, что это были заключенные и маргиналы. А ученые уже верили всему, что им говорят – внушение началось. Оно плавно сводило на нет их волю. Ученые оставались умными и дееспособными, но через пару месяцев полностью подчинились хозяевам. С тех пор Федор ничего не помнил.

Снова он себя вспомнил, только когда оказался по ту сторону бункера, являясь «запрограммированным» агентом, работающим в простой школе и вербующим людей. Федор заметил, что изменился: стал быстрее мыслить, обострились чувства, и он с трудом вспоминал последние годы. Остальную историю читатель знает. Но как же было тяжело вспоминать ее, когда надо было рассказать о своей жизни сыну! Федора преследовало ощущение, что все это давно забытый кошмар, воспоминание о котором нужно просто пережить...

XXIII. Старый друг

Федор шел по пустым темным коридорам бункера, пережившего два дня назад неведомую катастрофу. Ученый приблизительно помнил его схему и шел к предполагаемому местонахождению Миронова. Федор, конечно, мог объединиться с сыном и вместе попытаться что-то изменить. Но жизнью сына он дорожил, а вот своей собственной – нет. Он заварил всю эту кашу, втянул в нее семью, теперь ему ее и расхлебывать.

Мухин подошел к двери, сбоку которой тускло горел зеленый светодиод. Федор нажал на кнопку, двери тихо раздвинулись и он вошел в знакомый кабинет. На столах у противоположной от входа стены находились мониторы и компьютерные клавиатуры. Слева была еще одна дверь, а справа – два шкафа. За одним из столов Федор увидел человека, обернувшегося к нему через плечо.

«Семен, – подумал Федор, – а ты изменился...»

Они смотрели друг на друга, как два человека, не встречавшиеся много лет. Миронов тоже выглядел плачевно – он был одет в свой белый лабораторный халат, а Мухин – в серую робу, которую нашел за шкафом в своей камере.

– Ну, здравствуй, старый друг, – произнес, наконец, Миронов. Он встал и протянул Федору руку.

Тот проигнорировал этот жест и сдвинул брови:

– Скажи мне, черт возьми, что здесь происходило все эти годы?! Почему моего сына похитили, а меня пытали? И сколько вы еще загубили народу? Не твоих ли это рук дело?– Федор чувствовал, что вот-вот взорвется от негодования.

– Моих и не моих одновременно, – флегматично ответил Миронов, опустив руку. – За последние два дня я много что узнал. Прошу, сначала выслушай меня, а потом уже предъявляй претензии. Твоей вины тут не меньше, чем моей.

Миронов предложил Федору стул, сам сел напротив и начал рассказ:

– Скажу вкратце. Этот бункер – бывшая научно-исследовательская лаборатория. Теперь это комплекс по выращиванию идеальных солдат, не боящихся ранений и не отступающих ни под каким предлогом, выполняющих приказы хозяев четко и быстро. Вот во что, благодаря тебе, вылились наши первые эксперименты. Принцип технологии (в отличие от реализации) прост: разрываются связи между нейронами в мозгу и передаваемые по синапсам сигналы заменяются на те, которые принимаются мозгом через специальный имплантат. Их вживили всем участникам эксперимента, кроме тех (вроде тебя), кого потом предполагалось выпустить в окружающий мир для похищения других подопытных.

Потом мы сами оказались под их влиянием. Постепенно мы теряли контроль над собой, своими действиями, памятью. Последнее, что я помню – как я пытался изучать здешнюю базу данных, цепляясь за малейшие детали. К счастью, у меня есть такая возможность теперь.

– Что насчет меня и Жени? Какова была наша роль в этом? – Федор пытался оставаться хладнокровным, но ком подкатывался к его горлу...

– Понимаешь, – ответил Миронов. – Все дело в том, что подопытные, хоть и оказались эффективны в виду своей невероятной живучести и полной послушности, были трудно обучаемы. Я даже скажу больше – практически полная замена рефлексов на искусственные сигналы лишила их возможности мыслить. Но для того, чтобы армия была эффективной, нужен полководец –

именно им должен был стать твой сын. Сначала его снабжали данными по практически всем отраслям науки, техники, военного дела, все это время держа его в узде.

Видишь ли, у вас с ним много общего – ты смог воспротивиться воздействию программы и поднять бунт. Эту способность сопротивляться воздействию ты передал своему сыну, не подозревая, что его рождение сыграло нашим хозяевам только на руку. После обработки его решили ненадолго освободить – для проверки – и что из этого вышло? Он перестрелял кучу специально расставленных по бункеру солдат, в то время, как остальные сотрудники попрятались по камерам. Когда Евгений показал, на что способен, его решили вернуть под контроль. Вот тут-то сын и продемонстрировал, что по упрямству он достоин своего отца... – говоря эти слова, Миронов усмехнулся, а потом вздохнул. – Жаль только, что ты не проявил свои качества тогда, в случае с Пирсманом. Этому гаду, похоже, немало положили «на лапу»: сразу после того, как бросить нас тут, он испарился, как камфара!

Миронов приостановил свой рассказ не несколько секунд, вытерев пот со лба, а потом продолжил:

– Они перегрузили главную установку, пытаясь сломить сопротивление Жени, который, узнав, что ты его отец, пришел просто в какое-то бешенство. Такие действия нужно было пресечь любой ценой. Они наращивали мощность излучения до тех пор, пока она не оказалась критической и выжгла мозг большинству персонала. Мы с тобой и Женей с трудом смогли выжить – это еще раз подтверждает, что наш состав модификаций уникален. Остальным так не повезло – судя по всему, они мертвы. Большинство подопытных в тот момент находились на третьем этаже, в практически отключенном состоянии, так что они, скорее всего, без сознания и живы.

– Стоп. Давно задавался вопросом – генная инженерия возможна только при зачатии ребенка. Но как можно изменить состав генов взрослого человека? Ведь в его теле миллионы молекул ДНК!! – спросил Федор.

– Вот теперь мы подходим к самому интересному. Массовая генная инженерия – это не человеческое изобретение. У нас попросту нет для этого даже теоретических данных, не говоря уже о практическом опыте. Здесь вообще, куда ни плюнь, кругом высокие технологии, до которых человечеству еще расти и расти. Установленный здесь мейнфрейм⁷ – произведение кибернетического искусства: его производительность составляет сотни петафлопс – это выше, чем мощность всех суперкомпьютеров на земле, вместе взятых! Мало того: судя по записям в базе данных этого самого мейнфрейма, бункер был построен более трехсот лет назад.

От такого объема шокирующей информации у Федора буквально отвисла челюсть.

– Взяли чертоты американцы, что это их изобретение. Они тут вообще не при чем, а Пирсмана использовали. За этим всем стоит кто-то гораздо могущественнее, чем любая человеческая сверхдержава... – задумчиво проговорил Миронов. – Кстати, тут еще есть информация о том, что у тебя снаружи есть здоровая дочь, о которой ты не знаешь. Она под наблюдением. Среди хозяев бункера, видимо, были разногласия – устранять их с матерью или нет. Решили не трогать и проверить адаптацию дочери агента в обычном обществе. Судя по данным, адаптация прошла успешно, она нормальный человек – как в физическом, так и в психическом смысле...

Последний монолог Миронова оставил Федора в состоянии легкого шока. «Дочь?! Ну, хотя бы Ирина не осталась одна!» – думал он. Втайне Федор желал встретиться с ними обеими, обнять и прижать их к груди. Но это было невозможно, он знал это...

⁷ Мейнфрейм – это высокопроизводительный компьютер со значительным объемом оперативной и внешней памяти, предназначенный для организации централизованных хранилищ данных большой ёмкости и выполнения интенсивных вычислительных работ; петафлопс – производительность вычислительной системы, способной выполнять 1 тысячу триллионов (10^{15} операций в секунду).

– Так кто же эти «они», которых ты все время упорно отказывался называть? – спросил Федор после десятиминутного молчания и «переваривания» всех фактов в его и без того беспокойном мозгу.

– Понятия не имею. Я не видел их ни разу. Компьютер хранит лишь информацию касательно деятельности бункера, хотя я и не смог перешерстить всю его базу данных. Меня интересует лишь один вопрос: зачем им понадобились мы, если они и без того способны в любой момент сделать с Землей все, что угодно... Есть еще одна немаловажная деталь – всем этим технологиям уже много лет, они ровесники бункера, но последние 70 лет он совершенствовался уже силами земных технологий.

– Что ты имеешь в виду?

– Раньше источником энергии для бункера служила геотермальная электростанция. Потом она вышла из строя. Я предполагаю, что хозяева бункера не смогли найти способ ее починить, и пошли простым путем – установили на ее место обычный ядерный реактор, построенный по типу первой советской АЭС в Обнинске.

– Это же было черт-те когда!

– Вот именно. Также, третий этаж бункера был построен уже не так качественно, как первые два – для постройки стен использовалась легированная сталь высокого качества, но не такой диковинный материал, из которого сделаны нижние два этажа. Такое ощущение, что они утратили свои технологии и не были способны их воспроизвести из уже имеющихся деталей.

– Опять тупик. Но мы как-то можем расстроить их планы?

Внезапно на одном из мониторов, стоявших в кабинете Миронова, вспыхнула надпись: «Попытка удаленного доступа. Доступ разрешен».

– Что это значит? – спросил недоумевающий Федор.

– Они снова в деле. Видимо, восстановили сеть после поражения системы. Теперь пытаются получить контроль над бункером.

– Что будем делать?

– Этот компьютер устроен не так, как вычислительная техника землян. Контроль над системой получает тот, кто сможет «захватить» как можно больше вычислительных ресурсов. Садись за консоль, я объясню по пути, что надо делать. Весь процесс работы с мейнфреймом – это борьба. Чем больше путей к взлому ты сможешь перехватить, тем лучше. То, что мы работаем вместе, существенно повышает наши шансы. Сначала надо закрыть дверь в наш кабинет – это первоочередная задача...

– Еще не помешало бы не дать им возможность запустить установку...

Вся «борьба» заключалась в отмене доступа противника к какой-то ячейке памяти и внесении в нее своих данных, тем самым устанавливая контроль. После часа интенсивной работы Федору и Миронову удалось взять под контроль управление дверьми второго этажа, но они упустили возможность отключить главную установку – она начала работу.

– Противник пытается открыть дверь наружу! Он активировал большинство подопытных-солдат, они направляются к выходу! – сообщил Федор перед тем, как потерять контроль над лестницей с третьего на второй этаж.

– Попытки изолировать бункер ни к чему не привели! Они пытаются вырваться!

Прошло два часа. Несколько «солдат» смогли попасть наружу, но ни Федор, ни Миронов не понимали, зачем.

– На большом расстоянии и после прохождения через тяжелые горные породы сигнал установки сильно ослабевает! Солдаты потеряют свою эффективность, – сообщил Миронов, надеясь, что говорит правду.

Прошел еще день. Федор с Мироновым работали уже не так интенсивно, попеременно дежуря около консолей. Противник, видимо, сделал все, что хотел и прекратил попытки захватить контроль над бункером. После получаса бездействия Миронов объявил:

– Федор, думаю, тебе надо на это посмотреть. Солдаты за пределами бункера оживились, от них поступает слабый сигнал... Сейчас выведу на экран трансляцию с камер на их шлемах. Вот!

- Там какие-то люди, пятеро в бронежилетах и с оружием...
- Спецназ?
- Возможно...
- Началась перестрелка...

Это была первая встреча солдат из бункера с отрядом Маркуса. После окончания перестрелки Миронов с Федором переглянулись, потом Миронов сказал:

– Мы можем сделать два вывода: один хороший, другой плохой. Хороший – технология несовершенна, и солдаты за пределами бункера совсем неэффективны. Плохой – скоро у нас будут гости. Кто бы они ни были, им тут не поздоровится...

XXIV. Первая потеря

Не только Рыбкин был поражен произошедшим пять минут назад на арене: «на взводе» были все. Кате, например, все еще не верилось, что бой закончился. Таких ужасов она не видела за всю свою жизнь ни разу; стрекотание автоматов и свист пуль все еще стояли у нее в ушах. Но больше всего она была рада, что никто практически не пострадал. Люди Маркуса внимательно рассматривали свои бронежилеты, и все с сожалением заметили, что те уже не так надежны – прострелены практически насквозь сразу в нескольких местах. Одно неудачное попадание, и пуля может угодить в грудь. Поэтому Маркус решил воздержаться от риска, по мере возможности.

Михон находился посреди арены и все никак не мог прийти в себя. Он тяжело дышал, созерцая потрясающую картину – шестьдесят трупов, разбросанных полу. Остальные пытались вообще не смотреть на пол арены: зрелище вызывало лишь отвращение. Из оцепенения его смог вывести лишь голос Сары:

– Майкл!

Михон обернулся через плечо и увидел улыбающуюся ему женщину. К нему тут же повернулись все остальные – на мгновение он почувствовал себя героем и улыбнулся в ответ. Сара сказала за всех:

– Спасибо тебе за наше спасение. Без тебя мы вряд ли бы справились.

– Да уж, точно! Сегодня ты показал высший пилотаж, – крикнул сверху Рыбкин. – Ты у ниндзя учился, да? – пошутил он. – Ни разу не видел, чтобы ты показывал такие фокусы.

– Спасибо, Майкл. Ты сегодня был неотразим, – ответил как всегда строгим голосом Маркус. Он краем глаза посмотрел на Сару, и по ее глазам понял, что они не ошибались. «Особенный человек», которого упоминал Сириус – это именно Михон.

– Вы сегодня тоже приятно нас всех удивили. Да в тебе не меньше десяти дырок, а ты до сих пор на ногах, – ответил ему Михон, дружелюбно улыбнувшись. – Как вам это удалось?

– Ничего сверхъестественного, просто укрепленный бронежилет, одна из разработок нашего секретного оборонного НИИ, – ответил Маркус. – Мы сожалеем, что не сумели достать парочку таких же для вас. Но, думаю, после этой операции отношения между нашими спецслужбами укрепятся.

– Если мы выберемся отсюда, – на этот раз скептический голос принадлежал Рыбкину.

– У вас, должно быть, патронов в обрез? Возьмите себе по трофейному карабину и паре магазинов, пригодятся, – посоветовал Хэкетт.

– Хорошая идея, но я предпочту своего старика, – Рыбкин показал глазами на свой автомат. – Михон, подбери два автомата с убитых и патроны – сколько найдешь.

– Есть, – ответил Михон и поднял два автомата. Его слегка удивило то, что почти ни у кого из убитых не было лишнего магазина. Это еще раз подтверждало, что нападавшие были посланы «на убой». Подобрал один целый магазин, и отсоединив два неполных от еще двух винтовок, Михон направился в сторону «рубки». Все уже собрались там, стоя у монитора.

– Женя, тут есть еще дополнительная информация, которая могла бы нам помочь? – спросил Рыбкин.

– Скорее всего, нет. У этого терминала ограниченный доступ к сети. Одно могу сказать точно: отец, если он жив и никуда не ушел, в блоке 2-А-Н. Туда мы можем попасть через эту дверь.

«Опять что-то не так, – думал Рыбкин. – Возможно ли, что враги испугались и решили ретироваться? Вот только куда? И если камеры находились на третьем уровне, то почему они идут со второго, а не перехватили нас на третьем? И что им нужно от нас? Желание уничтожить нарушителей спокойствия вполне понятно, но таким диковинным способом? Значит, они хотят привести нас куда-то, но тогда зачем устраивать нападение, зачем предоставлять нам шанс увидеть, откуда пойдут враги, открыть доступ к камерам наблюдения?». Огромная куча вопросов крутилась в его голове, не давая ему покоя.

Все передвигались аккуратно, поворачивая оружие в сторону дверей. Но эта мера была скорее для очистки совести: судя по поведению неведомого врага с самого начала операции, засаду на них устраивать не собирались. Команда довольно быстро добралась до блока 2-А-Н.

Женя подошел к давно знакомой двери в камеру отца и открыл ее нажатием кнопки на панели справа. Дверь открылась и перед ним возникла знакомая картина: два кресла, стол для опытов, на котором когда-то лежал отец; вот только никого в этой камере не было – ни отца, ни трупа ученого, который раньше лежал в углу.

– Где же он? – спросил Женя сам у себя. – Главное, чтобы не случилось с ним чего-нибудь.

Внезапно загорелся уже знакомый Жене монитор над дверью, и на нем появилось лицо Федора.

– Отец? – спросил Женя. – Где ты?

– Сын, я же говорил тебе не возвращаться. А ты еще и привел с собой вооруженных людей. Сейчас хозяева бункера пытаются увести оставшихся солдат через туннель, находящийся в блоке 2-F-G. Поспешите, возможно, вам удастся их перехватить, – ответил Федор.

– Где ты находишься? Ты в безопасности?

– Я вместе с Мироновым в его кабинете, вы должны поспешить. Блок 2-D-K!

Федору с Мироновым удалось ненадолго открыть дверь своего кабинета, чтобы впустить гостей. И те, и другие были удивлены. Федор и Миронов никогда не предполагали, что кто-то сможет добраться до самого центра бункера живым. Гости же не рассчитывали, что Миронов может оказаться на их стороне. Объяснять детали было бы долго, а у них оставалось слишком мало времени, чтобы успеть изменить ход событий в свою пользу.

У гостей вполне хватало сил на то, чтобы перехватить врага, пытающегося убежать. Они поверили словам Миронова, поскольку это был их единственный шанс. Ни о чём не подозревая, они собирались уходить. Маркус решил оставить в кабинете Миронова Сару, а Рыбкин – Катю. Федору оставили радиостанцию для связи и настроили канал. Перед тем, как уйти, Женя сообщил отцу, показав взглядом на сестру:

– Папа! Это твоя родная дочь. Познакомьтесь, пока нас не будет, – и закрыл за собой дверь...

Герои дошли до указанного блока без приключений. Перед ними была дверь, справа на панели горел красный светодиод. Тут послышался голос Федора по рации:

– Ждите, сейчас откроем дверь. Приготовьтесь, там вооруженные враги.

Повторно просить об этом было не нужно. Дверь открылась, первыми внутрь пошли Маркус и Джексон, которому пришлось взять в руки непривычный карабин: у них бронежилеты были в сносном состоянии. Помещение оказалось очень просторным, с потолком примерно пятиметровой высоты. За ними были какие-то рельсы, ведущие далеко вглубь, а на них транспортное средство, чем-то напоминавшее огромный трамвай, к которому сзади был присоединен прицеп с открытым верхом.

На прицепе стояло нечто двух с половиной метров ростом. Нечто выглядело довольно внушительно – как и человек, оно стояло на двух ногах, но вместо правой руки у него был пулемет, а вместо левой – какое-то подобие гранатомета. Незвестный робот был одет в броню темно-серого цвета и от этого казался еще страшнее. На голове располагались два электронных глаза, но все остальное было скрыто. Когда все гости ворвались в помещение, робот развернулся и выстрелил из гранатомета, к счастью, промахнувшись. Вбежавшие внутрь прильнули к нескольким колоннам, благо их на всех хватило.

Находившиеся вокруг таинственного робота несколько солдат-подопытных резко обернулись в сторону гостей. Тут произошло то, что потрясло наших друзей – все солдаты упали на землю даже не будучи ранеными. «Отключили главную установку! Молодцы... – подумал Женя. – Теперь мы семеро против этой адской штуковины...»

«Штуковина» нисколько не замедлила движения в сторону наших героев. Время от времени они высывались и открывали огонь, но автоматные пули отскакивали от корпуса робота, а его пулемет не давал находиться на открытом пространстве слишком долго. Перезарядив к этому времени гранатомет, вражеский робот приближался к тому месту, где стоял Михон, не обращая внимания на ударяющиеся об обшивку пули.

Михон понял, что цель робота – он. Возможно, тот, кто управлял роботом, видел видеозапись боя с участием Михона и решил нейтрализовать его первым? Михон быстро глянул в сторону двери – красный светодиод явно свидетельствовал о том, что дверь закрыта.

Рыбкину по рации сообщили, что Федор не может разблокировать дверь, что ее контролируют, так что придется обороняться. Тем временем робот подошел вплотную к Михону и тот уже ждал залпа из оружия, поскольку бежать возможности не было – пулеметная очередь его просто бы изрешетила. Михон решил снова рискнуть и сконцентрировался на одной мысли: робот. Тот уже стоял слева от колонны Михона и недвусмысленно направил на него

оружие, требуя сдаться – выстрел из гранатомета вплотную смертелен для кого угодно. Все застыли, глядя на товарища, ожидая, что же он предпримет.

Михон резко развернулся вправо, и выстрел последовал немедленно. Но робот, целясь туда, где только что находился Михон, промахнулся и попал в стену. Михон снова сконцентрировался на роботе и понял: самая уязвимая часть противника – голова. Гранатомет уже был разряжен и Михон внезапно, как он думал, прыгнул прямо на голову робота. Но тот ждал именно этого. Робот был слишком массивен, чтобы его мог свалить с ног даже такой здоровяк, как Михон. Из головы робота высунулся небольшой металлический штырь и больно ударил Михона электрошоком. Тот свалился под ноги роботу, получив шоковый заряд.

Все это произошло за считанные секунды. Остальные бойцы почти ничего не успели заметить. Из тела робота вылезли два захвата, прочно закрепившие обмякшего Михона, робот развернулся и пошел в сторону рельсового транспорта.

Рыбкин не имел понятия, что делать. Единственное, что пришло ему в голову, это отдать приказ:

– Огонь!! Не дать ему уйти!

Он неосторожно высунулся из укрытия, но не имел и понятия о том, что оружие робота могло вращаться вокруг своей оси. Из уже зарядившегося гранатомета робот выстрелил и попал в пол двух метрах от Рыбкина.

Прогредел взрыв и пока остальные соображали, что же произошло, не решаясь подойти к отлетевшему в сторону двери Рыбкину, робот поднялся на платформу, и «трамвай» начал набирать скорость. Сердце Маркуса бешено колотилось – только теперь он понял, что провалил задание и не спас того, кого должен был оберегать. То же самое почувствовали и остальные члены его группы. Что же он скажет своему боссу?!

Выбежав из укрытия, Маркус открыл беспорядочный огонь по отъезжающему «трамваю», но это было уже бесполезно – тот ускорялся все сильнее и сильнее, удалившись уже метров на сто.

Тем временем Рыбкин пытался прийти в себя – осколочные ранения обеих ног причиняли ему жуткую боль и вызывали сильнейшую потерю крови.

– Харрисон, к Алексу! – скомандовал Маркус, хотя к Рыбкину уже ринулись все. Харрисон достал перевязочные средства, чтобы хоть как-то помочь раненому. Транспорт с роботом уже не был виден, и все слышали раскатистый грохот, донесшийся издалека.

– Ответьте, как слышно, ответьте! – сказал Федор по радио. – Они спровоцировали направленный взрыв, подорвав тоннель. Все заходите внутрь, иначе погибнете под камнями, дверь открыта! Быстро!

Женя открыл дверь, и все вошли через нее, кое-как втащив раненого. После того, как дверь за ними захлопнулась, они снова слышали страшный грохот – это обломки горной породы, составлявшей стены туннеля, ударились о дверь.

Герои поняли, что спаслись чудом, но им до сих пор не верилось, что Михон потерян. Возможно, навсегда...

XXV. Жертва

Рыбкин очнулся и обнаружил, что лежит на операционном столе. Боли в ногах он не чувствовал и понял, что все предыдущее время находился под общим наркозом. Глаза его смотрели на знакомый серо-голубоватый потолок бункера. Рыбкин покрутил головой и увидел слева от себя Катю, которая сразу же встала, подошла к нему и поцеловала.

– Все будет хорошо. Мы с Харрисоном заштопали тебе ногу. Ходить полноценно ты пока не сможешь, но через недельку-другую будешь как новенький. Взрывом тебя существенно потрепало, сломало три берцовые кости из четырех, но здешние медицинские средства просто удивительны. Нам удалось не только извлечь осколки из ног, но и срастить кости. Но пока тебе лучше не опираться на ноги, тут мы нашли костыли, придется ходить на них. Сядь, – предложила Катя. Она была в своей стихии и вела себя, как настоящий медик с пациентом.

– А где остальные? – спросил Рыбкин, оглянувшись.

– Они в кабинете Миронова, копаются в базе данных местного компьютера, – ответила Катя.

– А как вы с отцом хотя бы перемолвились словами? – говоря эти слова, Рыбкин медленно перемещался по койке и смотрел на свои загипсованные и перебинтованные голени.

– Да. Если честно, он не в том состоянии, чтобы бросаться в объятия, отец какой-то задумчиво-усталый. К тому же, все это время я присматривала за тобой.

– Сколько времени прошло с момента похищения Михона? – на последней фразе Рыбкин запнулся, осознавая, что совсем недавно потерял лучшего друга и чуть об этом не забыл...

– Три часа, – ответила Катя, понимая, как мужу нелегко. Они все пребывали в шоке – даже американцы, успевшие подружиться с русскими разведчиками. – Пошли со мной, все ждут, когда же ты встанешь на ноги.

Кабинет Миронова находился в двух блоках ходьбы от медицинского кабинета. По прибытию туда Рыбкина поприветствовали все, кто были внутри. Настроение у них было неважным – после того, как Михона забрали, а Рыбкина серьезно ранили. Американцы успели привязаться к русским разведчикам, и не только потому, что обязаны были их защищать.

– Как самочувствие, Алекс? – спросил Маркус, подходя к Рыбкину. – Мы и не надеялись, что сможем оказать своевременную медицинскую помощь.

– Если бы не их чудо-препараты, заживляющие раны буквально на глазах, то по возвращению домой, вам бы ампутировали обе ноги, – сообщил Харрисон. – Уж поверьте, за свою практику военврача во время службы в Афганистане, я столько ног отрезал, что...

– Джон, не начинай, – прервала его Сара. – Алекс достаточно провалялся на койке, чтобы проголодаться и захотеть пить, а ты такие гадости рассказываешь.

Харрисон заработал себе в отряде репутацию зануды, но медиком он был превосходным, так что им приходилось его терпеть.

– Я принесу еды и воды, а ты пока присаживайся. Мы тут много интересного нашли, – с этими словами Маркус удалился из кабинета.

– На самом деле не так уж и много, – сказал Миронов. – Перед тем, как подорвать туннель, они успели запустить какую-то программу очистки, в итоге нам остались лишь крупницы информации. До этого мейнфрейм знал намного больше. Но и эти крупницы впечатляют. Судя по данным, по тому туннелю отсюда регулярно вывозили новые и новые партии подопытных – до ста человек в полгода. Это намного больше, чем мы могли представить – верхний этаж как раз рассчитан на сто человек.

– Вот это размах, – проговорила Катя.

– Да, размах был велик, – вторил ей Федор. – Насколько мы знаем, они похитили свыше десяти тысяч человек.

– Черт возьми, это же армия целая! А кто они такие? – спросил Рыбкин.

– Об этом нет данных. Но тут есть информация, что туннели, подобные взорванному, расположены по всей литосфере Земли, на глубине от 200 метров до 100 километров.

– Как такое возможно?

– Все очень просто: они не люди, – ответил Федор.

– Ты хочешь сказать, они... – начал Женя.

– Да. Либо неизвестная нам форма жизни на Земле, либо... инопланетяне, – немного замешкавшись, прервал его Миронов.

– Значит, этот цирк на их совести? – спросил Рыбкин, недоумевая.

– Бункеру больше трех столетий, местные технологии превосходят все современные земные. У нас нет других вариантов... – аргументировал Миронов.

Пока Рыбкин ел принесенную Маркусом еду, которую тот нашел в столовой, Федор с Мироновым рассказывали свою историю, стараясь быть честными. Катя переглянулась с братом: она явно не ожидала услышать такое об отце. Он все время в чем-то раскаивался и считал себя виноватым в том, что пожертвовал своей жизнью и жизнями друзей, толкнув их на это сомнитель-

ное мероприятие. В итоге одни погибли, другие до сих пор находятся за пределами бункера. И он не имел понятия, где их искать. Вопросов явно было больше, чем ответов. Но одно Федор знал точно: ответственность придется нести ему. Он виновник, а не потерпевший.

Миронов сообщил гостям, что в одном из кабинетов есть два работающих «человеческих» компьютера с исправными носителями информации.

– Вы сможете передать вашему начальству эти данные. Запишите на жесткий диск все, что на него поместится. Но будьте осторожны с этой информацией, – предупредил Миронов. – Согласно переписке хозяев бункера, во многих странах мира, в том числе в России и США, у них есть свои преданные люди. Если эта информация попадет не в те руки, то при расследовании вы рискуете стать жертвами, а не охотниками.

– Еще здесь я заметил, что их главными врагами была некая организация под названием «Путь Земли», – сказал Федор.

– Никогда о такой не слышал. Скорее всего, это какое-то тайное общество, – задумчиво ответил Рыбкин.

Маркус промолчал, краем глаза «зацепив» лицо Сары. Они снова встретились глазами, и в них на сей раз отражалось удивление. Кем бы ни были их враги, у них имелись информаторы среди братьев Маркуса. О местонахождении их штаб-квартиры и лидера не было известно даже ему, никогда не было прецедентов сдачи агентов в плен и утечки информации. Конечно, Маркус знал не все, и теперь он понимал, что они уязвимы.

– Присоедините диски к вот этому разъему, – Миронов показал на небольшое гнездо под столом. – Управление вы освоите сами, тут не сложно. А я пока отойду. – Миронов, скользнув взглядом по лицу Федора, удалился через боковую дверь.

Прошло примерно полминуты. Сара ушла в соседний кабинет за компьютером, а на одном из экранов появилось изображение Миронова, стоящего

около какой-то панели в темном помещении. Потом он повернулся к камере и сказал:

– Теперь слушайте мои условия. Я планирую взорвать это место к черту – вот почему я предложил вам всего лишь скопировать данные. Я все равно погибну здесь, но от вашего выбора зависит ваша жизнь, – по Миронову было видно, что он давно готовил эту речь. – Сдаваться на милость властей я не собираюсь. Я же вижу, как вы на меня посматриваете, майор! Вы видите во мне преступника, утащившего в подземелье тысячи человек и угробившего ту чертову экспедицию! – выпалил Миронов. – Я не хочу доказывать, что это не так. Одна попытка войти вслед за мной, взломать эту дверь – и через минуту это место полетит в тартарары. Здесь – панель ручного управления ядерным реактором. Я могу прямо сейчас вынуть стержни-ингибиторы, и реактор пойдет в разнос. Либо я сделаю это только тогда, когда вы будете уже далеко от этого места.

Такого поворота событий никто не ожидал. У Рыбкина побагровело лицо, когда Миронов говорил о нем, как о «тупом солдафоне», посланном в бункер, чтобы арестовать ученого.

– Да плевал я на тебя! Если хочешь тут сдохнуть – скатертью дорога в ад! – выпалил Рыбкин громко и по-русски, так что смысл не сразу дошел до американцев. Он не понимал, что Миронов не в себе.

– Позвольте объяснить, Александр. Это место влияет на людей поразному. Он снова сходит с ума. Но не он виноват во всем, а я, и только я! – сказал Федор.

– Это неправда, отец! Тут нет вины кого-либо из людей! Вам обоим нужна помощь, а не геройская смерть, – сказал Женя.

– Нет, – Федор отступил к двери, видя, что сын пытается его остановить.

– Отец! Не делай этого!

Панель около двери загорелась зеленым, створки раздвинулись и Федор шмыгнул внутрь, Женя не успел его догнать и лишь ударился лбом о дверь, которая захлопнулась прямо перед ним.

Всех потрясло происшедшее: двое с виду нормальных мужчин решили покончить жизнь самоубийством и не дать остальным им помешать.

– Что за чертовщина тут происходит, в конце концов? – спросил Рыбкин, выходя из себя.

– Вы ничего не сможете изменить, – послышался голос Федора, и на экране появилось его лицо. – Собирайте данные и уходите, нам вы уже ничего не сделаете.

– Папа, но... – по лицу Кати текли слезы. – Подумай, что будет с мамой, когда она узнает, что случилось. Она не переживет твоей смерти!

– Переживет. Скажи, что я погиб с честью. Копируйте данные! – его призыв прозвучал еще настойчивее.

Сара вернулась с дисками и поразилась случившемуся. Не задавая лишние вопросы, она подключила устройства к компьютеру бункера. Остальные стояли или сидели молча, ожидая окончания процесса, каждый думал о своем...

Рыбкин посмотрел на Катю и понял, как сильно она волновалась. Не зная с детства родного отца, она, наконец, его нашла, а он почти с ней не разговаривал.

– Миронов! Я обещаю вам, что вы будете реабилитированы, мы найдем вам врачей! Прошу, не делайте того, о чем пожалеют все! – попробовал Рыбкин исправить ситуацию.

– Мы должны взорвать это место любой ценой! – настаивал Миронов.

– Но это же экологический терроризм! Не вешайте на себя ответственность за жизни наших потомков, если вы устроите тут второй Чернобыль!

Миронов, конечно, не мог знать о величайшей техногенной катастрофе в истории человечества, хотя прекрасно знал, чем опасна радиация. И он ответил:

– Здесь в основном плотные породы из тяжелых металлов. Радиация не распространится дальше этого места. К тому же, лучшая расплата за то, что мы натворили – это наша смерть, – продолжил он совсем упавшим голосом.

– Большинство наших друзей погибло. Мы не имеем права жить, – заключил Федор, – их смерти на нашей совести.

Шансов уговорить обезумевшего от чувства вины Федора было невозможно. Миронов сказал последние слова, после чего выключил камеру:

– Жить среди нормальных людей с нашими психическими нарушениями будет невозможно. У вас пять часов, чтобы покинуть зону поражения в пять километров радиусом. Простите, у нас нет другого выхода...

Прошел час. Гости бункера оставили бесплодные попытки докричаться до разума обезумевших ученых и покинули кабинет Миронова, держа в руках диски с данными.

– Мы должны идти в разных направлениях, Алекс, – сказал Маркус на одной из развилок в бункере. – У нас разные точки эвакуации. Удачи.

Обе группы людей пожали друг другу руки. Во время этой сумасшедшей операции все они что-то потеряли, а что-то приобрели. Расходясь по разным дверям, они не знали, встретятся ли снова.

Через два часа Рыбкин, его жена и ее брат шли по одному из перевалов. Слева шел Женя, неся рюкзак с вещами, справа – Катя, поддерживающая мужа.

Было уже довольно поздно и темно – на горы надвигалась холодная ночь. Остановившись, Рыбкин оперся о Женю и достал из кармана радиостанцию. Настроив ее на нужную волну, он сообщил:

– «Валькирия», ответьте. «Валькирия», прием, это «Сапсан».

Через несколько секунд последовал ответ:

– «Сапсан», мы слышим вас. Вы в порядке?

– Все расскажу на месте. Где искать вертолет эвакуации?

– Секунду, сейчас мы определим ваше местонахождение. Есть. «Сапсан», мы в километре к северу от вас, сейчас поверните налево, а потом направо.

– Отбой...

Через час они увидели вдалеке вертолет, на котором, едва заметив их, завели двигатель. Вышедший из него штурман обратился к Рыбкину, когда тот дошел до вертолета и, отдав честь, спросил:

– Кто это? Нам сказали подобрать вас и капитана.

Штурман, видя, что майор ранен, помог Жене усадить его в кресло вертолета.

– Капитана не будет. Эти люди со мной, – ответил Рыбкин, посмотрев на часы. До взрыва, обещанного Мироновым, оставалось десять минут. – Взлетаем.

– Но у нас приказ подобрать вас двоих. Мы не будем взлетать с неизвестными людьми на борту.

– А тебя я спрашивать не буду! – Рыбкин уже выходил из себя. – Я вам докладывать детали не собираюсь, а отчитываюсь лично Громову.

– Но, товарищ майор...

Рыбкин, повернувшись в сторону пилота прокричал, потеряв терпение:

– Взлетай, мать твою!!! – и вертолет взлетел, быстро набрав высоту.

Через десять минут, как и было обещано, прозвучал сильно приглушенный рокот, с ближайшей к бункеру горы сошла лавина. Катя невольно закрыла глаза, стараясь не думать о том, что случилось с ее отцом. Когда рокот прекратился, штурман позволил себе снова заговорить, пытаясь сгладить первое впечатление:

– Кстати, у нас есть важная находка. На дне одного из ущелий мы нашли обломки Ми-8. Выживших нет.

Рыбкин не ответил. Он не имел понятия, чем все это закончится. Что стало с Михоном и есть ли шанс его спасти? Александр чувствовал, что бессилен против неведомой стихии, способной сделать такое с этим миром...

ЧАСТЬ 4.

ЧТО СКРЫТО ОТ ГЛАЗ

XXVI. Прибытие

Вечером в ничем не примечательный коттедж в пригороде Сан-Франциско вошел мужчина тридцати пяти лет. Его лицо украшали аккуратно подстриженные бородка и усы, а также мужчина носил очки в черной оправе. Одет он был в серую рубашку с галстуком и черные брюки. Поставив портфель в угол, он вытирал ботинки о коврик: на улице вторые сутки не прекращался ливень. По всему было заметно, что Гордон Либерман – так звали человека – сильно устал после продолжительного рабочего дня.

В прихожей появилась его жена, Мишель. Улыбнувшись мужу, она закрыла за ним дверь и поцеловала его.

– Ну и погода сегодня. Вполне соответствует моему настроению, – сказал Гордон, вешая зонт на вешалку. – От Сэма нет новостей?

– С ним все в порядке, у них во Флориде сейчас отличные деньки. Я рада, что наш сын может отвлечься от того, чем мы занимаемся, – ответила ему Мишель, когда они прошли в зал.

– Да... Ему всего шестнадцать, он самый молодой агент, но уже подает надежды. Как думаешь, за что Сириус оказал такую честь именно нам? Я слышал, что он никогда не вербует семейных людей, сильно привязанных к кому-то, – произносил мысли вслух Гордон.

Они прошли на кухню, где Мишель готовила ужин.

– Извини, но тебе еще придется сегодня поработать. Из Чикаго прислали сообщение – к нам летят агенты после задания, – сообщила новость Мишель. Я ретранслировала данные Сириусу, и мне ответили, что необходимо сопровождать их на базу.

– Боже мой. Я сегодня так устал! Ты бы знала, сколько народу побывало сегодня у меня в банке. Это ужас какой-то! Когда они прилетают? – спросил Гордон голосом человека, который вот-вот закроет глаза и уснет: он и так сидел за столом, подперев голову руками.

– В час ночи. Можешь поужинать и подремать часа четыре, – ответила Мишель.

– Как их зовут и сколько их?

– Их главный – Джейсон Уайт, но это, скорее всего, псевдоним. Всего их пятеро: четверо мужчин и одна женщина. Уайт будет одет в черный пиджак с синим галстуком, в руке черный чемодан. Прислали так же и фотографии, посмотришь на компьютере. Ждать их будешь на стоянке. Возьми машину у Питера, а то в нашу они все не поместятся.

В углу на холодильнике у них стоял радиоприемник, по которому передавали последние новости. Гордон, поглощая только что приготовленную пиццу, невольно прислушался, когда диктор сообщила:

– Напомним, что вчера в 4 часа дня в Сибири, что в России, были зарегистрированы сейсмические толчки магнитудой в 4 балла по шкале Рихтера. Эпицентром предполагаемого землетрясения являются Алтайские горы. Следы сейсмической волны были зарегистрированы также в Монголии и Китае. Комментариев со стороны официальных источников до сих пор не поступало. К слову, Сибирь – одно из самых сейсмически безопасных мест в мире...

Гордон уже пятнадцать минут сидел внутри небольшого микроавтобуса «Форд», взятого у соседа напрокат. Ливень превратился в легкую неприятную морось, а многие прибывшие все равно спешили сесть в машину или в такси: ни у кого не было желания стоять под дождем на верхнем этаже стоянки аэропорта. Три минуты назад объявили о прибытии «Боинга» из Чикаго, и Гордон, которому все еще хотелось спать, уже не находил себе места от волнения. В этот самый момент на противоположном конце стоянки появился, судя по описанию, тот самый Уайт.

Гордон сделал над собой усилие, чтобы раскрыть зонт и выйти наружу, после чего он поднял руку и помахал в сторону Уайта. Тот и его люди заметили, что сигналият им и, прикрывшись пакетами, выданными в аэропорту, направились к Гордону.

– Мистер Уайт, добро пожаловать в Сан-Франциско! Вас подвезти в гостиницу? Или поедem ко мне, у меня дома много свободного места, – Гордон произнес кодовую фразу, про себя спрашивая: «Какой идиот это придумал?»

– Спасибо. Пожалуй, да. Мы с женой не любим гостиницы, – ответил Уайт. – Там все какое-то чужое и неприветливое.

Условное приветствие закончилось. Оно изрядно надоело всем четверым, учитывая, что проходило под дождем. Все направились в автобус: Уайт и его «жена» сели спереди, справа от Гордона, а остальные – назад. «Форд» завелся, сделал разворот и через минуту они были уже на пути к дому Либермана.

Несколько минут Гордон молчал, а гости первыми заговорить не решались. Когда же «Форд» свернул на мост, его хозяин зевнул и все-таки проговорил:

– Нам передали, мистер Уайт, что у вас там какое-то ЧП произошло... Что-то настолько из ряда вон выходящее, что Сириус решил вызвать вас к себе лично.

– Да, произошло. Говоря коротко, мы провалили задание. Тот, кого мы должны были спасти, был... похищен. У вас найдется закурить, у меня зажи-

галка сломалась? – спросил «Уайт». – Кстати, зовите меня Маркусом, не люблю, когда называют по оперативному псевдониму, да еще и по фамилии.

Маркус достал сигарету из полупустой пачки, лежавшей в бардачке автомобиля, закурил и продолжил:

– А что, Сириус живет где-то здесь?

– Нет, живет он довольно далеко отсюда. Не знаю точно, но это место примерно в тысяче миль отсюда на запад, – ответил Гордон.

– В океане что ли? На острове каком-то? – удивленно спросил Маркус.

– Нет, под водой на глубине почти в десяток километров находится центральная база «Пути».

Эта новость гостей удивила. Прошедшие двое суток точно были самыми захватывающими в их жизни.

– Завтра с утра мы отправимся туда. Насколько я понимаю, ваше дело не терпит отлагательств, – сообщил Гордон.

Проснувшись первой в общей с Маркусом комнате на втором этаже, Сара села на кровати. За окном едва светало, и первые лучи солнца заглядывали в окно, падая на лицо Маркуса, который спал на соседней кровати, слегка посапывая. Саре только что ей снился какой-то ужасный сон, который моментально забылся, но «осадок» остался: Сара понимала, что ей приснился Майкл. За прошедший день она прокрутила в своей голове события, произошедшие за ту злополучную неделю. Она почти не разговаривала со своими друзьями, а они старались ее не трогать: перемены в её поведении заметили все. И причину этих перемен также знали все.

Сара встала с кровати и скользнула взглядом по лицу Маркуса. Зная привычку друга спать, пока его не разбудят, она слезла с кровати и вышла из комнаты, аккуратно закрыв за собой дверь. Сняв с крючка халат хозяйки дома, Сара вышла из комнаты, прошла по второму этажу и вышла на балкон.

На улице было свежо, легкий ветер принес с собой запах сырой земли, оставшийся после долгого дождя. Сонливость полностью покинула Сару, хо-

тя спала она всего каких-то три часа. Ужасные события прошедшего дня сильно утомили ее, и только сейчас Сара полностью выспалась и отдохнула. Но на ее сердце было беспокойно.

Она старалась не думать о Михоне. Едва Сара вспоминала, что он исчез в неизвестном направлении, на глаза тут же наворачивались слезы. Жив он или нет? Сара думала, что готова пройти через ад, чтобы найти его, в последние двое суток Михон стал значить для нее очень много. А ведь до этого они всего несколько раз перекинулись словами и взглядами, но после его исчезновения все это приобрело какое-то особое значение...

Ее покой нарушила открывшаяся за спиной дверь. К Саре подошла Мишель и сказала:

– С добрым утром.

– Не очень-то оно доброе. Сначала мы провалили задание, теперь нам предстоит отправиться черт-те куда... – ответила Сара, развернувшись.

– Я искренне верю, что Сириус вам поможет. Провал его, конечно, разочарует, но я не знаю ни одного случая, чтобы он кого-то наказал за неудачу. Разбудите и соберите своих товарищей, я же приведу в сознание своего мужа. Скоро вам надо будет отправляться, впереди трудный день.

Через час, после бодрящего и плотного завтрака, компания во главе с Гордоном спустилась в подвал дома. Там он открыл потайной люк в полу, и все спустились по лестнице, оказавшись в небольшом помещении с невысоким потолком. Люк захлопнулся, когда все, кроме Мишель спустились вниз.

Помещение было освещено тусклой галогеновой лампой, висевшей под потолком. На противоположном от лестницы конце комнаты находилась дверь, а рядом с ней висел телефон. Гордон направился к нему, нажал две кнопки подряд и ждал вызова. После небольшой паузы ему ответили:

– Пост номер два вас слушает.

– Бернс? Доброго утра тебе, – приветливо ответил Гордон.

– Здравствуй, Либерман. Полагаю, у нас гости? – спросил мужчина на том конце провода.

– Да. Нужно подготовить монорельс. Код 1768, агент Прайс.

– Есть такая запись в моем журнале. Мы вас ждем, – ответили Гордону после некоторой заминки.

Гордон надавил на ручку двери, и она открылась. Он жестом пригласил остальных пройти за дверь. Там оказалась кабинка примерно четыре на пять метров, с расположенными вдоль сторон креслами, приваренными к полу. У потолка висела неоновая лампа, и внутри было намного ярче, чем в «тамбуре», откуда пришли наши герои.

Гордон закрыл за собой дверь, повернул ручку, а потом нажал на кнопку слева от двери, когда все расселись по креслам. Находившиеся внутри люди почувствовали легкий толчок, как при старте лифта. По ощущениям стало понятно, что этот лифт начал движение вниз.

Никого почему-то не удивляло, что все молчали. Действительно, каждый думал о своем, а пищи для размышлений хватало у всех. Но после двух минут поездки Хэкетту надоело держать язык за зубами, и он спросил:

– А никто еще не обнаружил эту шахту?

– А вы думаете, она единственная? – ответил Гордон вопросом на вопрос. – Этот ход был построен самым последним, всего 20 лет назад. Он – ровесник моего дома. Кроме него по всему городу и агломерации разбросано более десятка таких шахт и туннелей. Если обнаружат и закроют один, а это сделать непросто, то все равно это ничего не даст.

Кабинка ускорялась и отклонялась в горизонтальном положении. Находившийся рядом с дверью индикатор глубины показывал 400 метров и увеличивал свои показания уже не так быстро. В какой-то момент он остановился на значении 850 метров: с этого момента лифт ехал горизонтально.

Посмотрев на индикатор, Гордон сказал:

– Еще три минуты до станции.

– Какой станции? – спросил Маркус.

– На базу Сириуса ведет монорельс. Он стартует с подземной станции, на которую и ведут эти туннели. Туннель для монорельса проходит глубоко под

океаническим дном. Скоро вы все увидите, – многозначительно сообщил Гордон.

XXVII. Лидер

Монорельс, на который сели герои, состоял из двух вагонов – переднего пассажирского и заднего грузового. Оба были высотой примерно в пять метров и примерно такой же ширины. Пассажирский был длиной десять метров, а грузовой – два раза длиннее. Это исполинское транспортное средство постепенно ускорялось в идеально прямом туннеле. Он был непрозрачный, но в вагоне были стекла, и пассажиры могли видеть, как переборки и бесконечные провода внутри туннеля мелькали со все большей скоростью.

Все сидели молча, изредка посматривая друг на друга. Гордон не понимал, как они могут в таком круговороте событий не замечать ничего вокруг, или, по крайней мере, делать вид. Когда он сам впервые попал на базу Сириуса, у него сердце замирало от монументальности всех этих конструкций. Ведь в грузовой вагон вполне можно было вместить несколько самосвалов груза, и в этот раз он тоже вез какой-то груз – иначе Бернс, начальник станции, оставил бы его в тупике, так как гонять такой тяжелый состав было накладно в плане затрат электроэнергии.

Поездка в общей сложности занимала полтора часа. Когда Гордон сказал об этом остальным пассажирам, Маркус поинтересовался:

– Почему так быстро? Ведь вы говорили, что расстояние от станции до базы более тысячи миль!

– Ближе к центру монорельс разгоняется до скорости, вдвое большей скорости звука в воздухе. Так что, это вполне реально, – ответил Гордон.

Через пять минут шум вокруг заметно стих, и Гордон прокомментировал:

– Преодолели звуковой барьер. На прямой линии эта штукавина может разогнаться до невероятной скорости.

Когда через час монорельс стал заметно замедляться, они вздохнули с облегчением – вся эта дорога казалась чересчур долгой для них. Под конец дороги пассажиры увидели через окна яркий свет и поняли, что это – конеч-

ная станция. Снаружи их уже встречали несколько человек. Когда новоприбывшие вышли из вагона, к ним подошла молодая девушка и спросила:

– Приветствую вас. Мистер Либерман? – получив утвердительный ответ, она продолжила. – А это те, кого вы должны были сопроводить, группа агента Прайса? Пройдемте, Сириус ждет вас.

То, что для героев показалось непривычным – так это высота потолков. У рослого Хэкетта возникало ощущение, что при каждом шаге он рискует удариться головой. Но оно было обманчивым: высота помещений на базе была невелика, но не настолько – просто после монорельсовой станции и самого монорельса гостям все казалось слишком тесным.

Коридоры там были довольно запутаны, а навстречу гостям практически никто не попадался. В итоге они дошли до двери, отличавшейся от остальных цветом – она была пурпурной, тогда как остальные были серыми, и отсутствием какой бы то ни было вывески. Герои заволновались, поскольку подумали, что именно сейчас настанет момент истины. Девушка нажала на кнопку рядом с дверью, и раздался тихий щелчок, свидетельствовавший о том, что электронный замок разблокирован. Еще одно нажатие девушкой на кнопку, и створки двери раздвинулись в стороны.

Маркус и его команда зашли в дверь, оставив Гордона снаружи. Дверь за ними так же тихо закрылась и перед их взором предстала небольшая, но плотно заставленная комната. Прямо напротив двери стоял стол, у стены около стола в кресле, спиной к вошедшим, сидел мужчина. Когда Маркус сделал шаг вперед, мужчина повернулся в кресле и встал.

Он был среднего роста с черными волосами и глазами, усатый и с коротко постриженной бородой. На вид мужчине шел шестой десяток; его взгляд был серьезный, но не холодный, а наоборот – отечески теплый. Одет он был в чистый и как будто только что выглаженный смокинг. Сириус изучал лица новоприбывших пару секунд, а затем вышел из-за стола и направился прямо к ним.

– Приветствую вас, друзья, – сказал мужчина. – Меня зовут Сириус. Прошу в вашей речи избегать обращений типа «сэр» или «босс», они для меня в какой-то степени даже оскорбительны. У нас не армия, а скорее благотворительная организация. Хотя вы и боевая группа, но здесь – у меня дома – попрошу обойтись без армейской и полицейской дисциплины. Я понятно выразился?

Последнюю фразу Сириус произнес не так, как обычно произносят выражения подобного рода. Он вообще казался абсолютно спокойным и уравновешенным. Его речь была продуманной, но довольно выразительной. Каждое слово он как будто читал по бумаге, вне зависимости от ситуации. После того, как Сириус окинул всех взглядом, они почти синхронно поздоровались с ним, он пожал всем руки и направился к своему столу, жестом указав гостям на кресла, располагавшиеся у боковых стен.

Когда Сириус сел, он продолжил:

– Итак, на последнем задании в Алтайских горах вы столкнулись с трудностями, как я понял из рапорта. Вы упустили объект, который должны были охранять, я правильно понял?

Маркус опустил голову и сказал:

– Да.

– Я не собираюсь вас в этом винить – вы сделали, все от вас зависящее, иначе и быть не могло. Хотя, всех подробностей дела я не знаю, но думаю, вы мне все расскажете. Кстати, вы смогли похитить оттуда какие-то данные, прошу передать носители мне для расшифровки. Мы должны незамедлительно среагировать на его похищение и попытаться отбить русского.

Сидевшая до этого понуро Сара наконец-то подняла голову и повернулась в сторону Сириуса. Нельзя было сказать, что она ликовала, но выражение радости или уверенности в будущем появилось на ее лице впервые за несколько дней. Естественно, от Сириуса эта перемена в ней ускользнуть не могла.

XXVIII. Надежда

Полковник разведки Громов не в настроении сидел у себя в кабинете и перебирал какие-то бумаги. У него не было никакого желания разбираться с делами, особенно в дни, когда он чуть не потерял своих лучших людей. Вернее, потерял одного из них, а другой шел к нему кабинет с переломанными ногами. Наверняка, у него сразу появится масса вопросов, на главный из которых у Громова ответа не было. А звучал он, скорее всего, так: «Будут ли спасать капитана Кириллова?».

Тот момент, которого ждал и одновременно опасался Громов, все-таки настал. В дверь кабинета позвонили, и после разрешения полковника в него вошел Рыбкин.

Александр был уже без костылей: после чудодейственной операции в бункере они были нужны максимум сутки. В госпитале ему заново наложили гипс, но лишь для подстраховки, чтобы кости случайно не сломались снова. Главным было то, что ему можно было свободно и безболезненно ступать на обе ноги, лишь используя трость.

Рыбкин был одет в форму и гладко выбрит. Но его внешний лоск очень плохо сочетался с выражением лица, на котором можно было прочесть все негативные эмоции, какие только бывают у людей.

Майор прошел вперед, поприветствовал полковника и сел за стол напротив него. Громов решил сразу перейти к делу.

– Александр, не буду кривить душой – шансов найти, а тем более спасти капитана Кириллова не так много, – Громов как будто спохватился и нажал какую-то кнопку под столешницей. Все посторонние звуки из коридора мгновенно стихли, остался лишь едва уловимый шум кондиционера. Выключив его, Громов сделал кабинет абсолютно беззвучным. – Звукоизоляция необходима – сами понимаете, майор. К тому же есть информация, что в нашем ведомстве «крот» – значит, и у стен есть уши. Мда... но вернемся к нашему разговору о Кириллове. Из информации, добытой вами, я смог извлечь только то, что у них несколько замаскированных баз, расположенных

по всей планете. Их точное местоположение было удалено, но из переговоров участников проекта – а это менее всего поврежденная информация – можно узнать хотя бы материки и океаны, в которых дислоцируются базы.

– Океаны? – удивился Рыбкин.

– Да. Насколько ясно из переговоров, у них как минимум шесть баз. В Северной Атлантике, в северной части Тихого океана, в западной части Индийского океана (что-то вроде перевалочного пункта или центрального звена подземных коммуникаций), на Алтае (успешно уничтоженная), в Центральной Африке и в Антарктиде. Наибольший интерес для нас представляет последняя, так как все партии подопытных отправлялись именно туда через базу в Индийском океане.

– Подводные базы? Но ведь глубина океанического дна довольно велика.

– Тем не менее, это так – подводные базы «Чистильщиков» существуют. Хотя, называть их так, думаю, уже не имеет смысла. Организация эта существовала только на Алтае, и была вами уничтожена. За ними стоит кто-то более могущественный. Кстати, насколько мы смогли выяснить, база в Антарктиде подземная, но имеет выход в море, то есть на нее можно попасть либо с помощью подземного туннеля, либо по воде. И тот, и другой путь для нас показан.

– Так что, теперь нам сидеть, сложа руки, и ждать чуда? – спросил Рыбкин немного нетерпеливо.

– У нас одна надежда – американцы. Те, с которыми вы уже сталкивались в горах. Насколько я знаю, они что-то накопили по этому делу. Вроде бы, они нашли транспортное средство, подходящее для поиска и нападения на антарктическую базу.

– Да? Простите, товарищ полковник, но мы и так сильно рисковали, встретив в нашей стране спецгруппу ФБР. У меня есть подозрения, что...

– Не перебивайте меня, майор! – Громов впервые за свою речь повысил голос и встал. – Вся эта операция на моих плечах, и если пойдет что-то не так, расплачиваться придется мне.

– А капитан Кириллов уже расплатился за наши неудачи своей свободой, и, возможно, жизнью! – выпалил Рыбкин.

Диалог принимал совсем дикий оборот, которого надо было любой ценой избежать, но этого Громову сделать не удалось. Дело в том, что во многом полковник лгал, потому что на самом деле являлся агентом «Пути» и получал задания лично от Сириуса. Конечно, об этом Рыбкин не должен был даже догадываться. Информацию о Рыбкине и Михоне Громов послал Сириусу, а тот незамедлительно принял решение послать им подмогу – видимо, «Путь» уже располагал какими-то сведениями о базе «Чистильщиков», а также о средствах противодействия излучению. Самым простым решением было придумать американцам легенду, но она уже трещала по швам. И вот теперь перед Громовым стояла задача – объяснить, почему американцы так хорошо осведомлены об операциях ГРУ в России. Это было сделать нелегко, но он решил попытаться. К тому же, Громов считал, что отмалчиваться по поводу планируемой спасательной операции, было бы не лучшей идеей.

– Майор, успокойтесь, мы принимаем все возможные меры. В этом деле американцы – наши союзники, разве команда Прайса не помогла вам в процессе задания? – Громов сел и предпринял очередную попытку урезонить Рыбкина.

– Я прошу прощения за вспыльчивость, но именно американские агенты помогли когда-то организовать все те опыты, именно они профинансировали работу Федора Мухина, – парировал Рыбкин.

– Но ведь вы наверняка знаете, что не могли американцы построить 200 лет назад разветвленную систему подземных баз. И тот инвестор, скорее всего, к американскому правительству не имеет никакого отношения – просто подставное лицо. К тому же, он вполне мог оказаться не тем, за кого себя выдает – уж вам-то надо подозревать такие элементарные вещи в первую очередь. Нечего винить их во всех смертных грехах, – произнес такую речь, Громов решил вернуться к старой теме обсуждения. – Так что, американцы

нам союзники, а никак не враги. И пожалуйста, соблюдайте субординацию. К тому же, я знаю, что говорю.

Рыбкин вздохнул и спросил:

– Так чем же они могут нам помочь? Я так понял, их помощь – наша последняя надежда.

– Да. Сейчас у них идет подготовка к операции, – ответил Громов. Он уже задумывался, правильно ли поступил, вводя Рыбкина в заблуждение. Полковник давно предлагал Сириусу принять майора в ряды агентов «Пути», но Сириус отказывался – слишком велик был риск, Рыбкин был не из тех, кого обычно вербовал Сириус и его помощники – одна его семья чего стоила. Но Громов знал, что рано или поздно правда станет известна Рыбкину: это был лишь вопрос времени, как бы полковник ни выкручивался.

XXIX. «Эхо»

Сириус, Маркус и его команда шли по узким коридорам базы. Они прошли уже достаточно далеко, и постепенно спускались все ниже и ниже. Сириус, шедший впереди, долго молчал, но в какой-то момент все-таки заговорил:

– Думаю, кто-то из вас слышал, что у нас на планете есть аномальные зоны, в которых происходят странные явления. Кто-то верит в это, кто-то нет, большая же часть этих данных засекречена и хранится в бездонных архивах правительств сверхдержав, куда нет доступа никому. Некоторые утверждают, что видели НЛО, некоторые – даже самих инопланетян, кто-то с ними разговаривал, кто-то был ими похищен. Много разных слухов ходит по планете, и лишь некоторые из них находят отражение в фактах. Уфологи и специалисты по паранормальным явлениям цепляются за них, как за соломинку, пытаются донести до народа правду. К сожалению, все-таки львиная доля рассказов очевидцев – фантазии, причем не только их личные. А те немногие факты, что проникают в СМИ, чуть ли не наполовину – фикция.

Остальные были заинтригованы началом монолога Сириуса и слушали внимательно.

– Со стороны я могу показаться скептиком, но поверьте – все, чем занимались мои агенты и вы в том числе – это очистка зерен от плевел. Неспроста мы занимались проникновением в хранилища данных, перехватывали переговоры и искали свидетелей. Иногда в наши руки попадалась очень интересная информация или объекты. Как, например, этот, – Сириус подвел всех к закрытой двери, набрал нужный код на панели слева, дверь открылась, и все вошедшие ахнули от удивления.

Они оказались в очень просторном помещении, высотой, видимо, не меньше четырех стандартных этажей бункера. Но самой главной неожиданностью было содержимое помещения. Посреди него находился объект, сильно напоминавший классическую «летающую тарелку». Состоял он из двух цилиндров разного диаметра, «насаженных» на общую ось и плавно перетекавших друг в друга. Сама «тарелка» была внушительных размеров: самый широкий центральный цилиндр – не менее двадцати метров в диаметре, высота же составляла не меньше пяти метров. Кверху объект сужался в «кабину», на которой кольцом были расположены окна, с помощью которых изнутри можно было видеть все вокруг на 360 градусов. Вся «тарелка», кроме кольцевого иллюминатора, была темно-серого матового цвета. Тарелка висела в воздухе на шести тросах, свисавших с потолка, а к полу была прикреплена еще тремя.

Правая от входа стена помещения была на самом деле исполинскими двустворчатými воротами, за которыми, скорее всего, находился шлюз в открытое море. «Интересно, как давно здесь эта штука и выходила ли она когда-либо в... плавание? Или в полет?» – задавал себе вопросы Маркус, пока вошедший вслед за ним Сириус шел в сторону «тарелки», а затем увлек за собой остальных.

– Прошу, пройдите за мной, – с этими словами Сириус направил вытянутую левую руку в сторону «тарелки». После чего снизу показалось свечение и спустился короткий металлический трап. – Знакомьтесь, «Эхо». Это я дал ей такое название, и не спрашивайте почему. Было это довольно давно, лет

двадцать назад. Это образец технологии тех, с кем нам предстоит бороться, если мы хотим спасти Кириллова.

Сириус первым взобрался на трап, а за ним внутрь попал Маркус. Открывшийся перед ним интерьер был, мягко говоря, необычным. Находившиеся под потолком лампы ярко освещали салон «Эха». Освещенные голубоватым светом, стены были буквально заставлены разнообразной техникой, большую часть которой Маркус не узнавал. Приборные панели, кнопки, сенсорные экраны и какие-то голографические проекции... все выглядело высокотехнологично и как-то «чище», чем обычная современная техника. Маркусу «Эхо» показалось гостем из будущего, хотя, он и не был далек от правды.

– Эта машина сейчас в неактивном состоянии, – сообщил Сириус. – Но нашим техникам всего за сутки удастся наладить ее работу и заправить двигатель. А вот сбор команды для штурма займет побольше времени. Я уже отдал распоряжение Гордону, он будет переправлять наши лучшие боевые группы сюда.

– А можно узнать план поподробнее? Я так понимаю, мы будем играть в нем не последнюю роль? И на кого мы будем нападать? – поинтересовался Маркус.

Сириус подошел к панели прямо перед ним, провел рукой над ней и долго нажимал кнопки, сопровождая нажатия перемещениями пальцев по сенсорному экрану.

– Антарктида. Там находится главная база тех, кто стоит над «чистильщиками». Лучший способ попасть туда – это по воде, база имеет подводные доки. К счастью, доки те разработаны как раз для транспортных средств, подобных этому.

– Вы хотите нанести удар по их логову, уничтожив их быстро и неожиданно? – с ноткой нетерпения спросила Сара.

– Нет, на это у нас не хватит сил, средств и, скорее всего, времени. К тому же, на самой базе мы можем действовать лишь наугад. Как бы ни была хорошо спланирована спецоперация, если мы затянем с ее выполнением, нам

придется туго, – Сириус сделал паузу. – Вы в курсе, что именно там находятся все подопытные с алтайского бункера? А их там тысячи!

– То есть, едва мы ступим на порог базы, они навалятся на нас своей многотысячной толпой? – спросил Маркус.

– Нет, мои расчеты показывают, что они не могут содержать в полноценном состоянии, готовыми к бою, такое количество людей. Гарнизон, охранников – возможно, да. Но всю армию они на нас бросить не смогут, и это наш шанс быстро найти Михаила и исчезнуть оттуда как можно оперативнее.

– Так вы отправитесь с нами? Это для вас не опасно? – спросил Маркус.

– Поверьте, я могу за себя постоять. Более того, без меня вы не справитесь. К тому же, это личное дело, которому уже много лет, – с этими словами Сириус сжал обе руки в кулаки, и это не ускользнуло от внимания Сары.

– Он так важен для вас, Сириус? – спросила она, даже не надеясь на ответ.

– Да, он нужен нам всем, – немного уклончиво ответил тот.

XXX. Вторжение

«Эхо» неслышно бороздило глубины Тихого океана. Никто доподлинно не знал, по какому принципу работают его двигатели, но это точно были не обычные винты, используемые в подводных лодках. Находившиеся внутри лишь знали, что двигательная и оружейная системы корабля были спрятаны в нижней его части. Двигатель работал почти бесшумно, вода вокруг освещалась лишь самим «Эхом» на небольшое расстояние, за которым была крошечная тьма. Подводные рыбы встречались крайне редко, ведь «Эхо» находилось на глубине как минимум пять тысяч метров, чтобы быть незаметным для радаров и эхолотов.

Около главной панели стоял Сириус. На нем была одета внушающая уважение броня темно-серого цвета со шлемом. Броня напоминала средневековые латные доспехи, но, судя по движениям Сириуса, не стесняла свободу ее владельца и была легче, чем казалась. Полупрозрачное забрало шлема было

поднято вверх, а у рта располагался микрофон; на руках у него были одеты гибкие перчатки.

Сириус знал, куда надо держать курс, и занес программу плавания в бортовой компьютер аппарата. В салоне находились пятнадцать бойцов ударной группы, готовых начать штурм по прибытии на точку назначения. Лишь Сара была в обычной одежде и стояла около панели – ее Сириус обучил работать с техникой и дал особое задание.

Когда до цели оставался примерно час, Сириус созвал всех, и они выстроились перед ним, после чего он разъяснил план операции:

– Мы с Сарой взломаем систему, ответственную за причаливание кораблей. Это будет несложно, так как «Эхо» когда-то было ее частью, и сигналы с него она воспримет, как «родные». Затем, получив разрешение на соединение, мы пришвартуемся в их доках, и прежде чем они сообразят, в чем дело, высадим десант. Ваша задача в бою – держать удар. Броней и оружием пользуйтесь с умом, используйте все возможные укрытия, если на вас нападут. Я же постараюсь разведать обстановку, – видя удивленные лица штурмовиков, Сириус пояснил. – За меня можете не беспокоиться, у меня достаточно вооружения, хорошая броня и боевой опыт за спиной. Ваша задача – прикрыть мне спину, пока я ищу Кириллова. Затем помочь мне доставить его на «Эхо». После этого, чтобы обезвредить часть кораблей в доках, которые могут быть посланы в погоню за нами, мы заложим бомбу. Это задание я поручаю Хэкетту, который будет ждать нашего возвращения в помещении у дока. Джексон и Сара остаются на «Эхе»: Джексон, как ответственный за корабельные орудия, а Сара будет постоянно следить за компьютером, отражать их возможные хакерские атаки и помогать нам продвигаться по базе, а также держать связь со мной по радио. Если вопросы есть – задавайте сейчас.

– У нас есть хотя бы примерный план базы? – задал довольно резонный вопрос Маркус.

– Увы, пока нет. Но как только мы подключимся к компьютеру, то сможем скачать с него приблизительный план помещений, прилегающих к до-

кам: боюсь, увидеть больше нам не дадут. Их техника устроена так, что все данные имеют уровень доступа. «Эхо» замаскировано под грузовой транспортник, а тому, кто доставляет грузы, не нужно знать план всей базы, поэтому мы его и не увидим. То, находится за доком, придется разведывать самим. Я не спорю, во многом нужно будет положиться на интуицию и случай. Но хочу уверить вас: дело серьезное и того стоит.

Спорить с ним никто не стал, все ожидали прибытия молча, но не без волнения. Маркусу совсем не нравилось то, что им предстояла атака вслепую на неизвестный объект, наверняка находящийся под защитой. Конечно, он и его группа уже побывали в подобной передрыге, но на Алтае они хотя бы знали, что их ждет: Женя не врал. А здесь им предстояло полагаться на интуицию Сириуса. Он, конечно, производил впечатление разумного и мудрого человека, но и не был всезнающ. Из раздумий Маркуса вывело сообщение Сириуса о том, что до прибытия осталось пятнадцать минут.

– Сара, включай коммуникатор и начинай отправку данных, – скомандовал Сириус, и процесс пошел. Через минуту на компьютер «Эха» пришло письмо с разрешением стыковки. Через пять минут в иллюминаторе показались далекие мигающие огни, очерчивающие стыковочную зону. – Сара, нам туда.

– ОК, задаю курс, – ответила Сара.

– Всем приготовиться к высадке, проверить оружие, – сказал Сириус. – Сара, можешь получить необходимые схемы?

– В порту есть шлюз, который автоматическая система соединит с люком на «Эхе». За шлюзом имеется грузовой тамбур.

– Камеры наблюдения?

– Две. Я смогу держать их под контролем на время высадки десанта, но когда кто-то придет за мнимым грузом, придется применить силу.

– Так, это понятно. А если они атакуют нас снаружи имеющимися в наличии боевыми кораблями?

– Док запирается и герметизируется снаружи. Я попробую держать его под контролем, когда отпадет надобность в контроле над камерами.

На экране высветилась надпись «стыковка через 5...4...3...2...1». Металлический звук подключившихся к обшивке захватов дока и скрежет металла дали знать о том, что стыковка состоялась.

– Пошли, пошли! Маркус, идете первым. Открывайте люк! – скомандовал Сириус. После открытия люка послышалось шипение шлюза, после чего открылся и второй люк, через который быстро проникли тринадцать человек. Они оказались в помещении, заставленном металлическими ящиками и напоминавшем склад. Дизайн и материал, из которого были изготовлены стены, сильно напоминали героям второй этаж бункера «чистильщиков». Значит, предположение Сириуса было верным: база имела с ними что-то общее.

– Сара, как слышно, камеры под контролем? Откройте дверь напротив, – после этих слов Сириуса панель рядом с дверью засветилась зеленым, после чего он открыл дверь и первым вышел из пункта приема грузов, – Хэкетт, оставайтесь здесь.

Выйдя в темный коридор и шагая по нему вперед, Сириус получил новое сообщение от Сары:

– Внимание, я успешно отразила их атаку на нашу систему. Будьте готовы к сопротивлению, они знают о нашем вторжении.

– Есть новая информация? – спросил Сириус.

– Перед вами через двадцать метров будет перекресток коридоров. Известно лишь, что прямо по тому коридору, по которому вы сейчас идете, вчера переносили какие-то медикаменты, наркотики и анестетики.

– И что в этом особенного? У них здесь научно-исследовательская база.

– В том то и дело, что целых два последних месяца ничего подобного в протоколах передачи грузов не было. Больше у меня никаких данных нет. Это – ваша единственная зацепка.

– Да, зачем, по сути, боевой базе понадобилось медицинское оборудование? Спасибо, Сара, мы держим курс туда.

Вскоре Сириус и штурмовая группа обнаружили дверь, за которой было то самое пересечение коридоров. Он остановился и, сделав жест, призывающий к тишине, опустил забрало шлема. Стоило Сириусу сделать два шага вперед, как все увидели четверых солдат, в знакомой Маркусу броне, выглянувших из за угла и направивших на гостей стволы винтовок. Но не успели они сделать и выстрела, как Сириус взмахнул обеими вытянутыми руками перед собой. Маркус едва успел заметить, как головы солдат отделились от тел. Через секунду тела уже врезались в стену, движимые какой-то невидимой силой, исходившей, по-видимому, из рук Сириуса, которые при этом отскочили назад, как при отдаче. Все штурмовики были поражены произошедшим, они инстинктивно нацелили оружие в сторону перекрестка.

– Вам нужно будет удерживать это место, пока я не пройду достаточно далеко вперед. Кто-нибудь, притащите сюда как можно больше ящиков со склада и сделайте баррикаду. Я пойду первым, а вы ждите моего сигнала, – сказал Сириус и пошел прямо вперед. С обеих сторон снова появились солдаты, но Сириус не мешкал. Он поднял руки вверх, целясь в потолок над перекрестком, после чего Сириус поднялся в воздух, как будто зацепившись за потолок невидимыми крюками. Затем он спрыгнул и оказался уже по ту сторону от поперечного коридора. – Разберитесь с ними, – сказал Сириус по радиосвязи бойцам, показывая руками на врагов, после чего невозмутимо продолжил движение вперед.

XXXI. Кошмар наяву

Михон спал. Подсознательно он понимал, что уже третьи сутки спит подобным образом, и уже третьи сутки он видел один и тот же сон: над ним наклонялась женщина, лицо которой казалось ему знакомым, но он не понимал, где видел ее ранее. Все происходящее было застелено дымкой, и Михон был уверен, что это сон. Головой он пошевелить не мог, а глазами – мог, и для него это был еще один довод в пользу сновидения: в любом сне нельзя

сделать какое-то действие, которое в реальной жизни кажется нормальным, например, говорить. Михон пытался вспомнить, что же происходило перед сном, но безуспешно. Со временем он смирился с этим сном и продолжал наблюдать за обстановкой. Слева от него находилась белая тумбочка, само же помещение было темным. Над головой висела хирургическая лампа, то выключаемая, то снова загоравшаяся нестерпимо ярким светом, из-за чего Михону приходилось отводить глаза. Потолок и стены были светло-серого цвета, а напротив кровати находилась дверь. Подобные двери он, опять же, где-то уже видел, а где – неизвестно.

За три дня Михон уже успел потерять счет времени. Подозрительно знакомая женщина уже изрядно намозолила ему глаза, и он бросил попытки вспомнить, где ее видел. «В конце концов, какая разница? – думал он. – Это же все равно сон». Внезапно во сне начали происходить странные события. Панель слева от двери засветилась зеленым, что ранее происходило только в моменты, когда женщина выходила из помещения. Теперь же вошел неизвестный мужчина, одетый в темно-серый доспех. «Не иначе, как средневековый рыцарь. Я точно во сне. Сейчас он спасет меня от дракона и унесет с собой, чтобы на мне жениться... стоп, я же не принцесса, и драконов здесь нет. Черт возьми, что за бред?» – с такими странными мыслями Михон наблюдал за разворачивающимся процессом. Мужчина, направив правую руку в сторону женщины, пригвоздил ее к стене какой-то неведомой силой, не давая пошевелиться.

Дверь за Сириусом (а это был именно он) сразу же закрылась, и панель снова загорелась красным. Забрало его шлема само собой поднялось, и он повернул голову в сторону Михона. Мельком окинув его взглядом, Сириус снова развернулся к женщине, которая была в полном замешательстве. Не имея возможности сопротивляться давящей на грудь силе, она могла лишь двигать конечностями. После того, как, ошарашенная ударом, она взмахнула ногой и едва не попала Сириусу между ног, он направил левую руку в сторону ее ног, также надежно закрепив их у стены.

– С-синтия? Синтия, это ты? – произнес Сириус, после того как посмотрел ей в лицо, и сразу отпрянул назад, продолжая держать руки.

Женщина быстро пришла в себя и, поняв бессмысленность сопротивления, в свою очередь взгляделась в лицо Сириуса.

– Стивен? Как ты постарел... и что ты тут делаешь? – ответила она.

– Ты предала меня, – строго сказал Сириус. – Ты лишила меня самого дорогого – нашего с тобой ребенка! А теперь держишь его здесь.

«Сон или же не сон? Хоть бы это был сон», – думал про себя Михон. Но события вокруг понятнее не становились.

– Ты знаешь, что я лишила не только тебя возможности видеть его. Но и себя, – пролепетала Синтия.

– Это ничего не меняет. Я не ожидал встретить тебя здесь...

– Послушай меня, я была предана им. Когда они приказали мне похитить юного Джеймса, я не могла воспротивиться. Так или иначе, мне предстояло стать предательницей.

– Я не верю тебе, ты лжешь! Даже если ты права, я не намерен тебя щадить.

– А я этого и не прошу. Если ты оставишь меня в живых и выберешься отсюда с Джеймсом, сделав его недостижимым для них, меня убьют за ненужностью. Все время я находилась тут, потому что я его мать, а они постоянно предпринимали попытки его найти.

– Даже так... – пробормотал Сириус.

– Прошу, убей меня сейчас. Я виновата перед тобой, а такая мать, как я, ему не нужна...

«Мать, отец... Что за бред тут происходит?» – по-прежнему не мог понять Михон.

Сириус освободил Синтию, и она смогла свободно вздохнуть.

– Мне все равно, погибнешь ты или останешься жить. Но его я заберу.

Сириус развернулся к ней спиной, направившись к Михону, когда Синтия неожиданно для Михона вынула из-за спины пистолет и, направив его на Сириуса, сказала:

– У меня есть только один шанс остаться в живых, – после этих слов Сириус резко развернулся к ней, – убить те...

Она не договорила слово до конца. Сириус среагировал мгновенно, направив на нее руку, после чего женщина замертво упала на пол. Михон по-прежнему ничего не понимал в этом кошмаре и больше всего в тот момент хотел проснуться или оказаться где-то далеко отсюда.

– Мы спасем тебя, Джеймс, – с этими словами Сириус подошел к белой тумбе, которая на самом деле оказалась панелью управления, нажал несколько кнопок, и Михон провалился во тьму: его желание сбылось.

XXXII. Отступление

– Маркус, берите с собой четверых и направляйтесь за мной: я нашел капитана Кириллова. Ваш путь – сначала прямо, затем налево, затем направо до конца коридора, потом поворачивайте налево, и когда окажетесь перед дверью, сообщите Саре, чтобы ее разблокировала. Живо, у нас немного времени!

– Маркус услышал приказ, взял с собой Харрисона и еще троих штурмовиков, и они направились туда, куда им сказал Сириус.

На развилках встречались вражеские солдаты, а на перекрестке, оставленном Маркусом, была настоящая кровавая баня, напомнившая ему события на Алтае. К счастью, пока что никто из штурмовой группы не пострадал: укрытия были надежными, но и в ящиках, и в броне штурмовиков застряло несколько сотен пуль. Охрана на базе, судя по всему, была немногочисленной, но воевали они намного слаженнее и стреляли более метко. Пока что броня спасала бойцов, но она тоже не была вечной.

Когда Маркус добрался до места, он увидел следующую картину: в тесном, темном помещении напротив от входа находилась белая тумба с управляющей консолью в виде экрана, а внутри нее лежали еще какие-то устройства, опутанные проводами, назначение этих устройств Маркусу было со-

вершенно непонятно. Провода от них шли к кровати, на которой находился Михон в одном нижнем белье, весь опутанный проводами и датчиками. Особенно их было много на голове. У его ног на полу лежала женщина в медицинском халате, не подававшая признаков жизни.

Наклонившийся над Кирилловым Сириус быстро обернулся в сторону Маркуса и сказал:

– Его надо освободить от аппаратуры и донести до «Эха».

– А что с ним? Жить он будет? Ему нужна медицинская помощь? – поинтересовался Харрисон, стоявший у Маркуса за спиной.

– Он спит. Как выяснилось, уже трое суток ему не давали спать вообще. Трудно понять, в каком состоянии находился его организм, скорее всего он не будет помнить ничего из происшедшего за это время. Я потом объясню остальное, – с этими словами Сириус стал осторожно снимать датчики с головы Михона, а потом попросил, – сделайте то же самое с остальными. Только аккуратнее, ран на нем быть не должно.

Через пять минут Михона уже нес на плечах один их бойцов. Маркус шел впереди, а Сириус замыкал колонну, постоянно оглядываясь по сторонам и назад.

– Хэкетт! У вас все готово с взрывчаткой? – спросил Сириус по радиосвязи.

– Да, мы сможем активировать ее дистанционно сразу после того, как удалимся на безопасное расстояние, – таков был ответ.

Подходя к перекрестку с баррикадами, все услышали тяжелые шаги по обе стороны.

– Если это то, о чем я подумал, – начал Маркус.

– Что? – спросил Сириус.

– Тяжелые боевые роботы. Все отступаем к кораблю! – скомандовал Маркус, не дожидаясь подтверждения от Сириуса. Бойцы поняли, что надвигается опасность, и покинули свои позиции. Как только они успели скрыться

за дверь, с обеих сторон появилось по одному роботу. Они напоминали того, который покалечил Рыбкина в бункере на Алтае.

– Маркус, вы уходите и ждите меня около «Эха». Их нужно остановить любой ценой, а я прикрою ваше отступление. Быстро, у нас нет времени, они вас просто расстреляют, если их не задержать! – быстро сказал Сириус. Маркус не нашел другого выхода, кроме как подчиниться. Он ушел и закрыл за собой дверь, остальных отправил на «Эхо», а сам решил дожидаться Сириуса здесь, наставив карабин на дверь и прислушиваясь к приглушенным звукам за ней.

Рассуждая логически, Маркус уже прощался с Сириусом, после первой стычки роботы считались непобедимыми. Сириус обладал удивительной способностью вселять в сердца людей уверенность, но победить двух роботов... оставалось только ждать.

Через пять секунд Маркус услышал приглушенный взрыв. «Ракета», – подумал он. Еще сколько-то времени слышались пулеметные очереди, а через двадцать секунд он услышал грохот, от которого даже задрожала дверь. Маркусу очень хотелось увидеть, что же происходит там, но дверь была заблокирована. Еще через полминуты раздался звук падения чего-то тяжелого на пол, после чего в радиоэфире послышался голос Сириуса:

– Сара, разблокируйте дверь, все спокойно.

Панель рядом с дверью загорелась зеленым, после чего она открылась и перед взором Маркуса, все еще держащего палец на спуске карабина, предстала такая картина: в одном углу лежал один из роботов, разрубленный чем-то напополам, а из дыры в корпусе шел дым. Другой же робот и вовсе был разорван на несколько кусков: оружие валялось в одном углу, а голова – в другом. Посреди этого побоища стоял Сириус. На его броне было три неглубоких вмятины, а также несколько царапин, но он был полностью здоров и уже спешил покинуть опасное место, в котором снова могли появиться враги.

Через три минуты все уже были в сборе на «Эхе» и готовы отстыковаться. Сириус снова занял место около главного экрана панели управления, и через несколько секунд послышался звук отключившихся захватов. Потом Сириус нажатием кнопки закрыл иллюминаторы бронепластинами и объявил, что дальше придется действовать, только полагаясь на датчики и наружные видеокамеры «Эха».

– Есть информация, что вражеские перехватчики уже готовятся покидать доки, зная о нашем отбытии, – сообщила Сара.

– Благодаря усовершенствованным мной двигателям, нам удастся вырваться из зоны возможного поражения взрывчатки. Хэкетт, будьте готовы! – сказал Сириус. – Всем держаться за поручни, мы отправляемся!

Едва створки шлюза открылись достаточно широко, все почувствовали сильный реактивный импульс и «Эхо» быстро выскользнуло из дока, рассекая воду своим корпусом. Вокруг уже началось движение, три вражеских корабля выплывали из доков, и еще два, видимо, находились пока что внутри.

– Набираем скорость. Хэкетт, когда расстояние до доков составит 150 метров, активируйте детонатор.

– Да, Сириус.

Один из двух вражеских перехватчиков вырвался вперед, и на «Эхе» забеспокоились, что он под взрыв не попадет...

– Хэкетт, подрывайте!

Через секунду послышался дальний грохот, и на изображениях с камер все увидели пенящуюся воду позади «Эха». Когда они уплыли достаточно далеко, то смогли заметить, что за ними все-таки хвост.

– Кое-кто не хочет нас отпускать. Джексон, приготовьте орудия к бою. Стреляйте по моей команде. Помните тактику, которую я уже вам ранее объяснял?

Джексон из инструктажа двумя днями ранее запомнил следующие вещи. На «Эхе» было установлено два орудия: стрелявшее обычными ударными

металлическими снарядами и лазерное. Броня «тарелок» была устроена так, что пробить ее снарядом было довольно трудно, для этого потребовалась бы целая очередь выстрелов. Но в верхнем слое брони можно было сделать отверстие с помощью лазера, который из-за перегрева мог вести непрерывный огонь лишь доли секунды, но обладал высочайшей пробивной способностью. После этого, воспользовавшись системой интерактивного автонаведения, нужно было попасть металлическим снарядом точно в проделанное отверстие, тем самым вызвав раскол брони, и в дальнейшем работать именно по этой точке.

– Помните, ваша главная цель – разгерметизировать корабль врага, тем самым заставив его снизить скорость и отступить, – напомнил Сириус.

Во время боя Сириусу приходилось не раз выполнять обманные маневры, стремясь подставлять под удар наиболее защищенные броней участки поверхности «Эха». Через десять минут кропотливой работы Джексон смог достаточно повредить корпус вражеской тарелки, она начала замедляться и пошла ко дну, проявляя все признаки разгерметизации корпуса.

– Держитесь – мы ждем по газам. Надо покинуть это место, а то они вполне могут прислать подкрепления, – с этими словами Сириус выжал из двигателей максимум мощности.

XXXIII. Пробуждение

Михон медленно просыпался. Сон уходил решительно отказываясь, глаза слипались, но сам Михон уже полчаса убеждал себя, что спал слишком долго, и пора бы уже проснуться. Приподнять голову он мог, но шевелить телом было тяжело – его одолевала слабость. Повернув голову налево и открыв непослушные глаза, Михаил увидел стул и сидевшую на нем женщину. Рядом был стол, а вокруг светлые стены, освещаемые не очень яркой неоновой лампой, расположенной под потолком. Женщина была одета в голубое платье до колен и держала в руках ноутбук, не обращая на Михона внимания.

«Сара», – подумал Михон. Он попытался сесть, но мог только дернуть рукой вверх, ударив ей по стене. Сара вздрогнула от неожиданности, положила ноутбук на стол и посмотрела на Михона.

«Проснулся», – подумала она. Михон уже двадцать часов был во сне, и за это время ему три раза ставили капельницу, так как, по словам Сириуса, ему сильно не хватало питания в плену у врага. К тому же, там он практически не спал и теперь очень нуждался в здоровом сне. Чтобы за него не беспокоились в России, Сириус послал Громову письмо, сообщавшее о том, что с Кирилловым все в порядке. Это письмо, скорее всего, несказанно обрадует и Громова, и Рыбкина, и его семью.

Сара и Михон встретились взглядами, и он подумал, что в ее глазах отражались сожаление и печаль. И у этого была причина – прошлым вечером Сириус неожиданно вызвал Сару к себе в кабинет. Она не имела представления, зачем это ему понадобилось, но вряд ли не было серьезного повода. Предложив Саре место напротив себя, Сириус сказал:

– Нам с вами надо серьезно поговорить, мисс Паркер. И то, что я вам сейчас скажу, не должно покинуть стены этого кабинета, – Сара кивнула, и Сириус продолжил. – У нас идет война. Война, не признанная никем. А любая война требует жертв. Каждый из нас отдал на благо человечества что-то дорогое, – Сириус сделал недолгую паузу. – Не поймите меня неправильно, я не имею права ничего вам запрещать. Но если вы сблизитесь с Михаилом, это вряд ли хорошо закончится и, возможно, не будет даже иметь продолжения.

Сара поняла, к чему клонит Сириус, и у нее в голове проскользнула мысль: «Насколько же он проникательный человек. Я старалась изо всех сил скрывать свои чувства, а он так меня разоблачил». Тем временем Сириус продолжал:

– Он пробудет здесь недолго, и через три дня мы отправим его обратно в Россию. В любой день вы сможете его потерять...

Сара вполне резонно могла бы спросить о деталях, но ей этого почему-то не хотелось. Как будто какой-то внутренний голос говорил, что знать ей это необязательно.

– Может быть, когда-то вы с ним и встретитесь, но после расставания это случится нескоро. Обдумайте мои слова и примите решение. Это очень серьезно, Сара, мы не можем отвлекаться на личные чувства, пока не сделаем то, что должны.

Сара перевела взгляд с Михона на ноутбук, что-то набрала на клавиатуре и произнесла в микрофон:

– Он проснулся. Пожалуйста, принесите еды, воды, а затем позовите Сириуса.

– Кто такой Сириус? – слабым голосом спросил Михон.

– Я и сама не знаю, кто это такой. Но это человек, который тебя спас.

– Спас? Откуда?

– Разве ты не помнишь?

– Хм, у меня, наверное, память отшибло. Последнее, что я помню – это как меня оглушил тот робот. Дальше – сплошные сны и какой-то бред...

– Скоро ты все узнаешь.

После еды Михон продолжал лежать в кровати. Сара вышла, так ничего и не объяснив, а через пять минут после ее ухода двери открылись и в них вошел незнакомый Михону человек: это был Сириус.

– Приветствую, Михаил, – сказал он, расположившись на стуле возле кровати.

– Здравствуйте. Вы, как я понял, Сириус? – лицо Сириуса вызывало у Михона странное ощущение deja-vu. Но он решил на этом не заикливаться.

– Да, так меня зовут мои люди, в числе которых уже знакомые тебе Маркус Прайс и его команда, – эти слова, к удивлению Михона, Сириус произнес на чистом русском языке. – Разреши мне обращаться к тебе на «ты»?

– Конечно. Если слова Сары верны, вы спасли меня от беды, – в свою очередь, Михон также перешел на родной язык. Ему уже надоело говорить по-английски с момента первой встречи с Маркусом.

– На самом деле меня зовут Стивен Уоркман. Но меня давно уже не называли по настоящему имени, и последний человек, способный меня узнать, недавно простился с жизнью. Но я пришел к тебе не для того, чтобы ныть...

– Правильно, ведь вам надо было для чего-то меня спасать? И я до сих пор не знаю своей судьбы, – перебил его Михон.

– Я сначала введу тебя в курс дела, а уже затем поясню, что с тобой произошло. А ты слушай внимательно и не перебивай, все вопросы – потом.

– Начнем мы с таких понятий, с которыми ты никогда ранее вообще не встречался. Заранее предугадываю твой скептицизм, но со временем ты узнаешь, что врать мне незачем.

Начнем с того, что современная человеческая наука, оперируя лишь объективными фактами, обладает очень расплывчатыми данными об устройстве нашего мира. А причина этому проста: есть то, чего не должен знать никто. И никакие исследования не позволят простым людям открыть тайну бытия.

Существует как минимум два мира: физический, в котором все представлено физическими телами и полями, состоящими из микрочастиц, и мир тонкий, который назовем... к примеру, ноосферой. Законы физического мира ученые изучают много тысячелетий, и они уже подбираются к истине вплотную. Но законов существования ноосферы не знает никто. А без нее было бы невозможно то, что мы называем разумом.

Скорее всего, миры эти были созданы кем-то или чем-то высшим и абсолютным, способным созидать – точно сказать невозможно, но его мы зовем Творцом. Доподлинно известно следующее: ноосфера существовала еще до появления физического мира. И лишь потом появилась наша вселенная, состоявшая лишь из определенной массы элементарных частиц – материи и антиматерии. После Большого Взрыва (в том, что он произошел, физики не

ошибаются) началось расширение Вселенной, формирование галактик, звезд и планетных систем. В отличие от процессов в неживой природе, эволюция органической жизни на всех приспособленных для этого планетах была фактически запланирована, но не контролируема. Все соотношения между первичной материей, составлявшей Вселенную до Большого Взрыва, были с ювелирной точностью подобраны так, чтобы далее развитие жизни шло по определенному плану. Поэтому оказалось, что организмы большинства живых существ во вселенной функционируют по общим принципам.

Проходили миллиарды лет, мир развивался: появлялись новые планеты и звезды, взрывались и погибали старые. Жизнь на планетах проходила все новые и новые этапы, все сильнее разные планеты и системы становились непохожими друг на друга. Где-то эволюция шла быстрее, где-то медленнее: это можно заметить по уровню развития жизни на разных планетах. Но общие принципы построения жизни везде схожи: структура и физиология живых организмов, генетика и наследственность, даже внешность – все различается незначительно лишь в зависимости от условий на конкретной планете. И примерно 100000 лет назад в различных системах начало развиваться такое явление, как разум.

В современной биологии разум представляется, как высшая нервная деятельность, способность мыслить логически и абстрактно. Но на самом деле это явление намного сложнее. Разумных существ отличает от остальных способность соединяться с ноосферой. Только у разумных существ есть понятие информации, и процесс мышления и принятия решений – это передача и прием данных из ноосферы. Она выступает общим хранилищем данных, которое вмещает всю информацию, накапливаемую в процессе жизнедеятельности. Мозг выступает лишь как приемопередатчик этих данных, кроме того, он отвечает за рефлексy и инстинкты, доставшиеся обладателям разума от животных предков и без которых тело существовать не может. Ту область ноосферы, которая хранит в себе все воспоминания какой-то личности, назо-

вом душой. Каждая новая связь между клетками мозга выступает своеобразным каналом, передающим данные между душой и телом.

Умственные способности личности не имели бы предела, если бы не тот факт, что скорость передачи данных по этому каналу ограничена. Это приводит к тому, что часть данных временно собирается в мозгу. Хранящаяся там «локальная копия» синхронизируется с ноосферой лишь спустя определенное время, тем самым ограничивая способность личности быстро реагировать на события и принимать решения. Именно поэтому большинство людей не идеальны, они все ограничены в своих возможностях, что и дает нашему миру такое богатое разнообразие.

Душа, в отличие от тела, бессмертна. Через некоторое время после появления на свет, мозг любого существа развивается настолько, что образовавшиеся в нем связи становятся способны соединяться с ноосферой; тело и душа, недавно освободившаяся от другого тела, находят друг друга. Но из-за того, что нет в мире двух одинаковых мозгов, воспоминания из прошлой жизни становятся несовместимы с новыми. То, что может передаться при такой реинкарнации – это особенности характера, менталитет, темперамент. Известно лишь немного настоящих случаев возвращения воспоминаний после реинкарнации, но все они становятся как бы скомканными и неясными.

К тому же, в ноосфере периодически рождаются новые души, и у них история и воспоминания начинаются с нового листа. Это говорит о том, что население Вселенной постоянно растет.

Я понимаю, что у тебя есть еще масса вопросов, но потерпи до момента, когда сможешь их мне задать, я обязательно предоставлю тебе такую возможность.

XXXIV. Тайные знания

Михон слушал внимательно, но всю ту информацию, которой его бомбардировал Сириус, было нелегко переработать. Михон был неглуп, но отсутствие естественно-научного образования портило все дело. Поэтому он стремился не понимать, а запоминать. Он не мог понять, чему верить, чему

нет, поэтому просто «складировал» всю информацию у себя мозгу. «Придет время – разберусь», – думал он.

Сириус продолжил:

– На заре появления первых разумных существ во вселенной и появились первые из нас – эскинов. По смыслу ближайший аналог этого слова – ангел, так как ангелы из Библии чем-то напоминают нас как историей, так и предназначением. Мы были созданы Творцом для того чтобы следить за миром, направлять обладателей разума на путь, который Он для них определил. От всех остальных мы отличаемся тем, что наши разумы полностью находятся в ноосфере, что дает нам громадные преимущества.

Во-первых, потоки информации между телом и мозгом не ограничены в скорости передачи, мы можем обрабатывать информацию, полностью абстрагируясь от этой реальности, потому что обычные законы времени над ноосферой не властны. Это сильно помогает в бою, когда нужно сконцентрироваться и тщательно продумать каждый шаг. Во-вторых, наши души не ограничены в ноосфере никакими барьерами, и, однажды установив визуальный контакт с человеком, мы можем воздействовать на его разум, как бы подталкивая его совершить то или иное действие. В-третьих, наша память бессмертна, так как восприятие действительности не зависит от особенностей конкретной нервной системы, и вся наша информация всегда находится в ноосфере.

Можно сказать, что мы бессмертны. Но мы были бы слабы и не смогли бы исполнить свое предназначение, если бы не могли пополнять свои ряды. Чтобы ребенок родился эскином, ему достаточно иметь хотя бы одного эскина-родителя. Рождаясь с некоторыми особенностями мозга, унаследованными от родителя, ребенок может установить связь с другой душой эскина или же породить новую. Однако есть одно «но»: мы не имеем права бесконтрольно размножаться, а иногда у нас просто не возникает такого желания. Благодаря развитым способностям к чтению чужих мыслей, мы видим всю душу предполагаемого партнера или супруга, и знаем о его личности почти все. А

зная, что будущий супруг на самом деле любит другого, не способен к семейной жизни или просто обладает негативными качествами, не хочется связывать с ним жизнь.

Вскоре после появления эскинов произошло то, чего никто не ожидал. Дело в том, что хотя мы и обладаем силой, знаем все об устройстве этого мира, но не можем делать одного: творить новые миры, управлять ими. Также мы не можем силой заставлять разумное существо что-то делать. У нас есть масса ограничений, которые мы не можем преступить из принципа: для этого мы созданы. Но один из нас, Илозарат, усомнился в принципах, в нем родилось такое чувство, как зависть. Он стал противопоставлять себя Творцу, решил расширить рамки, в которых мы все находимся. Последнее, что мы помним о нем – то, что он сказал Маолису – одному из старейших эскинов:

– Вы все дураки, не способные действовать самостоятельно. У ваших ног целая вселенная, которую вы можете изменить. Тот, кто пойдет со мной, разделит власть над целым миром, который падет к вашим ногам!

В то время они вместе жили в телах двух существ, которые тогда существовали при первобытном строе. Маолис не поддался искушению, и тогда Илозарат убил себя и... больше мы его не видели ни в каком обличье. Пока не появился повод опасаться новой встречи...

Есть еще один очень важный момент: мы вынуждены держать все, что знаем, в тайне. Мы должны маскироваться под обычных людей, не проявлять свои сверхспособности, при этом всегда поступая справедливо и рассудительно. Не иметь возможность поделиться с другими всем громадным багажом знаний, который у нас есть – очень тяжело. И в истории был всего один экстренный случай, когда нам пришлось раскрыть свою тайну. Тех, кто получили наши знания, мы зовем ведающими. Первые из них появились более пятисот лет назад, и у нас действительно были серьезные причины подарить им наши знания. Разумеется, до тех пор, пока они были живы.

Их было двое. Один из них был представителем расы гадар – самой технологически развитой в нашей галактике. Другой был ни́осом – одним из тех,

кто является самыми воинственными жителями галактики, одинаково искусными как в нападении, так и защите. Эти две расы были первыми, кто изобрел способ перемещаться между звезд, а сейчас до сих пор идут споры, которая из них была самой первой. Но, так или иначе, их корабли встретились на орбите планеты Намару, которую собирались колонизировать гадары. Из-за взаимного недопонимания капитанов, корабли напали друг на друга и оказались оба повреждены настолько, что свидетелей не осталось: началась война, и правители каждой из сторон убеждали своих граждан в виновности противника.

Этот случай поразил нас очень сильно: ведь первый контакт двух разумных существ с разных планет закончился тысячами погибших, потому что через двое земных суток около Намару состоялось грандиозное сражение, в котором обе стороны понесли потери из-за отсутствия каких-либо знаний о тактике и способе ведения боя в космосе. Сражение закончилось ничьей: ниосы обладали большей численностью флота, а гадары – прогрессивными технологиями. Но оставаться в стороне и молчать – не выход, и мой отец Скетал стал действовать решительно: он смог отыскать двоих представителей обеих рас, внушил им необходимость перемирия, и через неделю был подписан мирный договор, приведший к появлению Альянса – военного союза разумных рас. Я не буду вдаваться в подробности того, как это произошло. Со временем ты узнаешь все...

Слушая Сириуса, Михон не понимал, почему он рассказывает все это ему. А когда Сириус дошел о том, что все эти знания на самом деле тайна, Михон не удержался от вопроса:

– Значит, я становлюсь ведающим?

– Нет, ты эскин. Кроме того, ты мой сын, – ответил Сириус.

В комнате воцарилась давящая тишина. Михон «переваривал» новую шокирующую информацию медленно. Он понял, почему лицо Сириуса казалось

ему подозрительно знакомым. Но чтобы мозаика сложилась, было нужно узнать еще очень многое...

XXXV. Роковая ошибка

– Наша с тобой история довольно печальна, – начал Сириус после недолгой паузы. – Я познакомился с твоей матерью, Синтией Абрамс, когда мне едва исполнилось 20 лет, тогда я жил в Бостоне. Я, будучи эскином, пережившим девять реинкарнаций, имею всего одного ребенка. Сейчас он гадар, его зовут Зэмел, когда-нибудь вы обязательно познакомитесь. И все, потому что я всегда был крайне осторожен в выборе спутниц жизни (а однажды родившись мужчиной, никто не может в будущем родиться женщиной). Но Синтия поразила меня чистотой своей души. В ней было что-то, что заставило меня по-настоящему влюбиться (а такое со мной происходило нечасто) и заново пережить то, что я испытывал, встречаясь с матерью Зэмела двести лет назад. Я предусмотрел все возможные варианты, но все было в порядке, она была просто идеальной женой. Через год мы поженились, а еще через полгода родился ты. Мы дали тебе имя Джеймс.

В то время у меня уже были связи, и мне удалось наладить контакт с остальными эскинами. Дело в том, что у нас есть базы практически на всех обитаемых планетах. В том числе и эта база, которая находится на дне океана, но может длительное время существовать полностью автономно. Также практически везде распространены организации, которые возглавляются эскинами и занимаются сбором данных для нас. Есть такая организация и на этой планете: она называется «Путь Земли», и в данный момент ее возглавляю я. К моменту женитьбы у меня уже были определенные связи и несколько доверенных людей по всему миру.

Вернемся к событиям после твоего рождения. Не прошло и недели, как твоя мать неожиданно исчезла вместе с тобой. Я не имел понятия, как такое могло произойти – и не понимаю до сих пор – но Синтии удалось скрыть от меня свои намерения. Я, естественно, подключил к поискам своих лучших людей, и им удалось выяснить, что она зачем-то полетела в Россию по под-

ложным документам. Связавшись с ячейкой «Пути» в России, я смог убедить их проследить за твоей матерью. О том, что было дальше, я мог лишь догадываться. Последним, что удалось узнать от людей, посланных на поимку Синтии, было следующее: у нее были сообщники, но моим людям удалось тебя схватить. В последний момент я успел отдать им приказ убить тебя в случае, если захват будет невозможным...

– Убить? – вспыхнул Михон. – Хорошо же ты обращался со своим собственным сыном...

– Ты внимательно меня слушал? – прервал его Сириус. – Твоя душа бессмертна, но попадать в чьи бы то ни было руки тебе было нельзя! Особенно в таком беспомощном состоянии, будучи младенцем. Понимаешь, после того, как Синтии удалось меня предать, я понял, что на сокрытие чужой души и обман эскина способен только он...

– Илозарат? – спросил Михон.

– Да. Лишь теперь становится ясно, что он все эти несколько тысяч лет плел паутину предательства. И частью его плана было захватить живого эскина. Иначе кому бы понадобился обыкновенный недельный младенец? Значит, кто-то узнал, что я эскин и намеренно охотился за моим сыном, зная, что захватить в плен взрослого эскина невозможно. А ты был для них идеальным объектом для экспериментов и даже сейчас им остаешься.

– И что было дальше?

– О твоей дальнейшей судьбе я ничего не знал, как и о судьбе посланных на твои поиски ребят. Иногда я считал тебя погибшим, иногда – попавшим в руки врага. Со смертью тела моего предшественника, я занял пост лидера «Пути», надолго переселившись на эту базу, живя здесь в окружении верных людей. Они, благодаря моей способности убеждать, не задают лишних вопросов, четко выполняя все просьбы и указания. Поначалу я несколько раз я ездил за океан, в том числе и в Россию, где познакомился лично со старшим

братом одного из пропавших оперативников, зовут его Роман Громов. Да-да, это как раз твой шеф. Со временем он стал моим самым верным другом в России и не раз мне помогал. Вскоре он поступил на службу в КГБ, а позднее и в ФСБ, что позволило Громову стать в девяностых лучшим информатором «Пути» в России.

Последние двадцать лет я занимался изучением странных событий, происходивших в мире. Временами незаметно по всему земному шару исчезали люди. Приходилось отфильтровывать статистику, учитывать ошибки, но количество исчезающих без следа людей медленно, но неуклонно росло. Однажды таинственные похитители допустили досадную для них и удачную для нас ошибку: они попытались захватить одного человека, оказавшегося моим агентом. Я смог предчувствовать это событие и выслал этому человеку подмогу. Находка не заставила себя ждать, похитители были одни, моим людям удалось их скрутить, но допросить не получилось: то ли они действительно ничего не знали, то ли очень искусно сопротивлялись допросу. Пытать пленных – не наш метод, и мы лишь смогли обследовать их компьютеры. Долгая слежка привела нас к тому, на чем они перевозят пленных: подводно-воздушному кораблю, напоминавшему «тарелку» НЛО. Мы смогли подстроить ее «уничтожение», а сами захватили объект и доставили его сюда. Из его компьютера удалось извлечь немало намеков на эксперименты, проводимые по всей земле и о том, как люди похищались сотнями.

Поразило то, что «Эхо», как я назвал «тарелку», было явно изготовлено не людьми. Установленные на нем мощный боевой лазер, электромагнитная ударная пушка и гравитонный двигатель не существовали даже в самых передовых разработках человеческих ученых. Это натолкнуло на мысль о причастности кого-то извне. Но это не могли быть обыкновенные пираты, которых в галактике полно: патрули Альянса, выставленные вокруг Земли, не могли пропустить ни одного корабля. И какова бы не была их цель – они никогда не отличались желаниями ставить опыты, получить прибыль можно и грабя торговые флоты. Сумасбродная поначалу, мысль о причастности Ило-

зарата постепенно становилась все правдоподобнее. Немного вырисовывалась даже его цель: ни много, ни мало – поработить мир. Но дальше «Эха», которое получило свое имя благодаря нашей общей памяти о предательстве Илозарата, дело о расследовании не продвинулось. Его последователей я называл гудонами: на одном из гадарских языков это слово означает что-то вроде «садист» – я не смог подобрать для них другого описания.

И вот, недавно я узнал о сверхсекретном исследовании, проводимом российскими учеными в Алтайских горах. Ты знаешь о цели научной, а затем и разведывательной операции достаточно, чтобы мне не повторяться. Когда Громов сообщил о том, что на задание отправлены двое оперативников, он рассказал мне о вас обоих. Услышав твое досье, я почувствовал странное ощущение, которое так и не смог интерпретировать. Но оно заставило меня немедленно подписать приказ об отправке на помощь вам своих боевых агентов – группу Маркуса, которую ты уже знаешь. Услышав о том, что научная экспедиция исчезла, исследуя необычный уровень электромагнитного излучения, я снабдил их необходимой техникой. Впоследствии я расшифровал это волнующее меня чувство и понял, что эта операция – мой шанс найти тебя. Я отдал Маркусу задание защитить вас обоих, но его группа с заданием не справилась: ты попал в ловушку, и тот злополучный боевой робот доставил тебя на Антарктиду, прямиком на базу гудонов...

XXXVI. Код войны

– Антарктида? Так вот куда вел тот туннель... – задумчиво проговорил Михон.

– Как оказалось, у них по всей планете есть несколько подземных и подводных баз, связанных между собой туннелями, проходящими глубоко в литосфере. Суля по добытым данным, эта сеть туннелей была построена еще 200 лет назад, еще до того, как Альянс установил блокаду вокруг Земли...

– Блокаду? Это еще зачем? Не проще ли было этому галактическому правительству помочь людям технологиями, чтобы мы сами смогли продвинуться вперед? – недоумевал Михон.

– Все немного сложнее, чем тебе кажется. Во-первых, Альянс – никакое не правительство. К слову, полное его название переводится с гадарского как «Военное объединение разумных рас», но для нас проще называть его просто Альянсом. Ключевое слово – «военное», потому что никаких гражданских решений, касающихся науки, политики или экономики, Альянс принимать не уполномочен. Когда на просторах Галактики стали появляться новые расы, они контактировали с представителями Альянса и заключали с его руководством договор – как только налаживался контакт, конечно же. Согласно договору, они отдавали весь или часть своего военного флота в подчинение Коллегии Альянса, а взамен получали возможность делегировать в нее своего кандидата, чтобы иметь голос при принятии важных решений. Тем, кто не принимал условий договора, не гарантировалась безопасность. Такое происходило всего три раза, и в каждый из них новая раса, обладавшая всего одной планетой с практически незащищенной орбитой, подвергалась атаке пиратов, только и ожидающих подобных «дурачков». И в итоге они все равно подписывали договор с Альянсом, который давал им защиту и спонсировал военную промышленность. В настоящий момент в Альянс входит двадцать четыре расы, а лидирующее положение в нем занимают гадары и ниосы.

– И какое положение для Альянса занимают эскины?

– Зачастую мы занимаем ключевые посты в руководстве Альянса. Кроме того, у нас имеется личная база – космическая станция, местоположение которой не может узнать никто, кроме эскина, мы передаем ее координаты из рук в руки, а они постоянно меняются.

– А зачем Альянсу понадобилось организовывать блокаду Земли?

– Я уже упоминал, что один из главных принципов эскинов – неразглашение тайны своего существования. Мы четко следуем заветам Творца, заложенным в самую нашу сущность. Они говорят о том, что весь мир должен существовать сам по себе, и каждая планета, на которой жизнь развивалась до определенного уровня, должна сама пробивать себе путь к силе и могуществу. А если они получают все необходимые знания бесплатно, то со временем

деградируют. Но из любого правила есть исключения. Мы выработали список критериев, по которым определяется готовность цивилизации к новому скачку. Под нашим руководством эти идеи удалось протолкнуть в Альянс, и теперь он устанавливает наблюдение над новыми открытыми расами. Когда они развиваются настолько, что могут вступить в контакт с наблюдателями, все заканчивается подписанием договора с Альянсом.

– Но почему над Землей установили не просто наблюдение, а именно блокаду? – повторил свой вопрос Михон.

– В случае с человечеством что-то пошло не так. Земля была обнаружена исследователями-гадарами около двухсот лет назад. Около 150 лет назад патруль Альянса засек на орбите Земли неопознанный корабль. Так как он не мог быть творением людей, по законам Альянса его пришлось уничтожить. Впоследствии, на другой патруль было совершено нападение, а нападавшие не оставили свидетелей, полностью уничтожив три военных корабля со всем экипажем на борту. С той поры здесь постоянно дежурят двенадцать боевых кораблей, радары которых исследуют близлежащее космическое пространство. Первые 50 лет были попытки неопознанных кораблей проникнуть через блокаду, но они пресекались. Позже неведомые враги, поняв, что прорвать блокаду невозможно, прекратили попытки, с того момента в околоземном космосе царило спокойствие.

– Но, продолжая наблюдать за событиями в человеческом обществе, к XX веку мы заметили отставание землян от того уровня, которого они должны были достигнуть, – продолжил Сириус. – И по сей день человечество слишком много сил тратит на войны и противостояния. Вспомним Средневековье: в тот период, когда наука должна была совершить шаг вперед, ей надолго «перекрыли кислород» церковными притеснениями, сжигая видных ученых на кострах. В более чем трехсотлетний период человеческая наука занималась только поиском новых средств уничтожения себе подобных.

– А неужели в жизни каждой разумной расы не наступает такой период?

– Наступает, но в человеческой истории он затянулся. И случаев беспримерной (по меркам Галактики) жестокости в истории людей очень много. Не проходит и столетия, в котором бы не было войны континентального (а то и мирового) масштаба, геноцида, репрессий. Мы решили, что это достаточный повод для вмешательства и взяли у нескольких человек пробы ДНК. Проведя полный анализ генетической информации, мы обнаружили несколько генов явно искусственного происхождения. В естественных условиях они всего лишь усиливали агрессивность людей, но тогда мы не имели и понятия, на что способен этот ген...

– Это имеет отношение к экспериментам гудонов?

– Ты опередил мой ответ, – улыбнулся Сириус на секунду. – Имеет, причем самое прямое. Влияние этого гена на человеческую природу подтвердили две мировые войны, развязанные людьми, те ужасы, что творились в тот период. Но и после окончания Второй Мировой мы не догадывались о том, какой потенциал хранит в себе человеческая агрессивность, но уже тогда мы называли этот ген «кодом войны».

– Я не верю в то, что все многочисленные расы, обитающие во Вселенной, на самом деле миролюбивы. Зачем тогда им боевой флот, зачем нужен этот пресловутый Альянс?

– Природа такого явления, как убийство, довольно непроста. Убийство может происходить из-за денег, ревности, принципа. Банальное соперничество, имеющее корни в животном мире – явление повсеместное, убийца получает наказание согласно закону, если его поймают и докажут вину. Убийство на войне, защищая интересы своей Родины – достойный поступок. Но убийство ради убийства – совсем другая история. Массовый геноцид, погромы на религиозной почве. Большинство религий были созданы нами для того, чтобы сплотить людей (даже Иисус Христос существовал в реальности, им был эскин). По всей Галактике религии сплотили целые народы и планеты, дали им повод стремиться к самосовершенствованию – а на Земле на религиозной и национальной почве погибли миллионы. И тут уже не стоит во-

прос выживания, дележа ресурсов или защиты – остается лишь стремление убивать. В XX веке все это вернулось, но на другой почве – всемирный военный конфликт, закончившийся применением ядерного оружия. Фашисты строили концлагеря, уничтожали в газовых камерах миллионы людей, и вся эта вакханалия никак не вязалась с тем путем, по которому должны были идти люди. Тогда мы поняли, что код войны начал действовать, но по-прежнему не вмешивались открыто.

– И поэтому блокада не была прекращена?

– Да, в данный момент блокадой руководит Зэмел. Есть еще одна причина, по которой прекращать блокаду нельзя. Эксперименты с кодом войны продолжаются, и ваш визит на базу «Чистильщиков» полностью подтвердил мои опасения. Они разрывали соединение, а затем раскрывали скрытый потенциал гена, передававший всю агрессию, накопленную в теле человека, во власть управляющего им компьютера.

– Это обратимо?

– Увы, нет. Единожды разорвав соединение, его уже не установить. Тело привыкает к сигналам от излучателя, как будто они приходят из ноосферы; если эти сигналы отключаются, тело еще какое-то время остается без сознания, а затем умирает от естественных причин, таких как голод и жажда, если контроль не будет возобновлен.

– А что тогда случилось с Федором Мухиным и его детьми?

– По этому поводу не могу сказать ничего определенного. Мне неясно, как Федор смог приобрести наследуемую способность сопротивляться излучению. Понимаешь, разрыв связи приводит к отключению мыслительной деятельности, оставляя лишь животные инстинкты. Но нервная система Федора укрепилась настолько, что он смог при этом оставаться в сознании, частично сохраняя контроль над собой. Мы не знаем полного потенциала их исследований, но нам известно, что с их помощью можно «запрограммировать» поведение человека, полностью подчинив его заранее заданным правилам, что

и произошло с Федором и другими агентами, которым так же промыли мозги. Евгений и Катерина, видимо, унаследовали способность отца.

– И зачем «Чистильщикам» были нужны те, кого они не могут контролировать?

– Почему не могут? Они вполне успешно контролировали Евгения, пока установка не была перегружена. А зачем им был нужен такой гибрид? Скорее всего, чтобы поэкспериментировать со способностями такого суперчеловека. Но самое главное, та операция привела к тому, чего они давно хотели – поимке тебя. Едва ты и твои спутники появились на базе, они смогли узнать, что ты – единственный, кто способен сопротивляться излучению: твое сознание автоматически перенаправляло потоки информации по свободным каналам, которых у тебя бесконечное множество, а сознание обычного человека на такое неспособно. Поняв, что это именно ты, они сразу же поменяли стратегию, заманили в ловушку тебя и твоих друзей, и...

– Почему их не убили?

– Не знаю... Возможно, после твоей поимки, гудонам стало безразлично, что случится с твоими друзьями, вот они и завалили туннель, оборвав соединение с базой. Тем более, они уходили оттуда, явно зная, что их обнаружили и что дела на той станции закончены.

XXXVII. Сила Света

– А зачем им понадобился я? – спросил Михон.

– Во-первых, планы Илозарата для нас – тайна. Во-вторых, блокада не дает им возможности общаться с внешним миром: отсюда их проблемы с технологиями и материалами для ремонта баз. В-третьих, то, что они попытались сделать с тобой, на самом деле ужасно. Завладеть разумом эскина, отключив его от тела, или же завладеть телом эскина, заперев его разум в ноосфере: и то, и другое одинаково опасно. Скажи: ты помнишь хоть что-то из того, что видел? А ведь когда я пришел тебя спасать, твой взгляд был вполне осмысленным, ты наблюдал за происходящим...

– Нет, я ничего не помню.

– Значит, они смогли полностью отсоединить тебя от ноосферы. Как – ума не приложу...

– А что происходило, когда я был отключен?

– А произошло страшное – я убил твою мать. Да-да, я понимаю твои чувства, ты всю жизнь прожил сиротой. Но ты должен стать сильнее, принять, как данность, что мы жертвуем многим, дабы быть теми, кто мы есть. И это не наш выбор. Пройдет сколько-то времени, и ты начнешь запоминать все события своей жизни, каждую мельчайшую деталь. Проживешь хотя бы пару столетий, и какое-то очень важное событие в твоей жизни станет лишь песчинкой в море воспоминаний. Тревожных и радостных, разных...

– Такое не забывается, Сириус. Почему ты убил мою мать? Неужели она заслуживала этого?

– Нет. Она напала на меня, не оставила мне иного выбора. Но она этого не заслуживала.

– Значит, ты убил ее не за предательство?

– То, что она сотворила с нами, нельзя назвать предательством. Она не контролировала себя, была их инструментом, винтиком в системе. Но очень важным винтиком, чуть было не осуществившим самую грандиозную авантюру последнего времени, способную изменить сам наш мир.

– То есть, из принципа...

– Да, из принципа. Мы убиваем, только следуя принципам.

– Но ведь мы можем в любой момент отречься от них.

– Тебе так кажется. Сейчас ты представляешь себе, как берешь оружие и нападаешь на невинного человека. Но как только дело дойдет до исполнения, ты не сможешь этого сделать – только попробуй, увидишь сам. Лишь Илозарат за все время смог отречься от нашего дела, и вот что из этого получилось.

– Кстати, а как вам удалось меня спасти? Ведь база на Антарктиде наверняка была защищена, если туда ввозили всех подопытных с Алтайской станции?

– Очень просто – штурмом, – сказал Сириус, слегка улыбнувшись. – Маркус и еще несколько человек из нашей организации отвлекали огонь на себя, пока я смог прокрасться к кабинету, где был ты. Хотя, местами и мне самому пришлось нелегко.

– Ты что-то говорил по поводу уникальных боевых способностей эскинов?

– Да, благодаря способности останавливать время и переносить все данные в ноосферу, мы можем просчитать бой с ювелирной точностью.

– В моей жизни так уже было один раз...

– Мне об этом рассказывали. Ты смог сделать невероятное – по человеческим меркам – но это еще не все, на что ты способен. Пока что ты не научился контролировать свои способности, а главное – не утомляться при этом. Эскины с многолетним опытом могут очень долго находиться в такой своеобразной медитации... хотя, понятие времени к ноосфере вряд ли относится.

– Но одной медитацией невозможно уничтожить врага. Какое оружие используют эскины?

– У нас имеется оружие разного происхождения и принципа действия, – с этими словами Сириус дважды дернул мизинцем, и из рукава правой руки на запястье выдвинулась небольшая площадка серого цвета, на которой вдоль руки располагался короткий стержень не толще обычного карандаша. Со стороны ладони выдвинулось устройство цилиндрической формы, а также четыре рычажка для пальцев.

– Это ручной комплекс, который мы используем в бою. Сверху находится боевой лазер, снизу портативный гравитонный излучатель, – говоря это, Сириус держал руку ладонью вниз. – Лазер действует по следующему принципу. Излучатель выпускает параллельный пучок, который попадает на двояковыпуклую линзу, способную менять фокусное расстояние. Линза сжимает пучок света в точку, находящуюся на определенном расстоянии от линзы. При удачном попадании от точки не защитит никакая броня. Самая главная трудность – нужно подобрать фокусное расстояние таким образом, чтобы

точка находилась именно там, где нужно нанести урон. Если она на полметра ближе или на полметра дальше, убийственная сила лазера стремится к нулю.

Чтобы регулировать фокусное расстояние линзы, нужно давить на вот этот крючок около указательного пальца. Если дернуть его на себя, то точка будет двигаться от тебя, тем самым действуя, как пуля – это одно из возможных применений лазера. К сожалению, у него имеются недостатки: лазер не может долго работать непрерывно, его едва хватает на одну секунду огня. Но при умелом использовании и должной реакции за это время можно убить пятерых человек, стоящих рядом, одним движением руки, зафиксировав положение точки пальцем.

– А в чем другое применение лазера? – спросил Михон.

Сириус дернул большим пальцем, и стержень на запястье растянулся в длину почти на целый метр и стал шире, теперь напоминая клинок меча. Затем он продолжил:

– Этот клинок можно использовать для защиты. Он изготовлен из очень прочного материала, способного поглощать излучение вражеских лазеров и использовать его для подзарядки батарей хозяина. Но против точки он, к сожалению, бессилен: в месте попадания клинок разрушается. Поэтому нужно точно рассчитать время и место, когда нужно взмахнуть клинком, нейтрализовав луч лазера. К тому же, клинок способен отражать или останавливать любые пули и снаряды калибра меньшего, чем размер клинка, при этом сам практически не повреждается. И что самое главное, выдвинутый клинок совершенно не мешает вести огонь из лазера. Кроме того, – в этот момент над клинком появился оптический прицел и бледный лазерный целеуказатель, – из лазера очень удобно вести снайперский огонь на дистанции до трех километров. Только надо иметь в виду: насколько ни была бы совершенна линза, на расстояниях больше 3 км точка размывается настолько, что урон серьезно падает. Это не позволяет использовать боевые лазеры в космических баталиях, которые обычно происходят на расстояниях больше 10 км.

Сириус сделал паузу, свернув клинок и прицел.

– Еще одно важное боевое оружие – это гравитонный излучатель, – продолжил Сириус. – Люди уже приблизились к разгадке теории гравитации, а мы ее знаем полностью. Любое тело или элементарная частица в состоянии покоя излучает гравитоны: частицы, которые при излучении и затем поглощении вызывают силу притяжения. Таким образом, обмен гравитонами и есть суть притяжения между телами. Существуют также и другие частицы: антигравитоны, образующие с гравитонами пару частица-античастица. С ними все наоборот – сила, вызываемая взаимодействием одного антигравитона с материей прямо противоположна по направлению той, которая бы возникла в случае с гравитоном. Незадолго до выхода в межзвездное пространство всеми расами были открыты реакции, порождающие гравитоны и антигравитоны. Они используются в излучателе при создании направленного пучка гравитонов; излучатель может работать как в режиме гравитации (притяжения), так и в режиме антигравитации (отталкивания).

– Можно не грузить меня теорией? Я не силен в физике, – перебил Михон.

– Ты помнишь законы механики Ньютона?

– Я только помню, что их три.

– На самом деле, их четыре – к трем основным постулатам механики можно добавить также закон гравитации. И все четыре нужно помнить наизусть, обращаясь с излучателем. Закон всемирного притяжения (гравитации) формулируется так: сила (анти)гравитации прямо пропорциональна массам тел и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. То есть нужно иметь в виду: чтобы толкнуть тело, находящееся на расстоянии 2 метра, придется затратить в 4 раза больше энергии, если требуется, чтобы сила толчка была одинаковой, чем при толчке на расстоянии 1 метр. Третий закон Ньютона гласит: «При взаимодействии двух тел на них действуют равные по модулю, но противоположные по направлению силы». Из его сочетания со вторым законом (ускорение, придаваемое телу, тем больше, чем меньше его масса, при равной силе, разумеется) следует – никогда не пытай-

ся сдвинуть стену: скорее всего ты полетишь в обратном направлении, а она даже не треснет. За некоторыми исключениями нужно стараться не целиться в объекты массивнее человека. Даже с врагами-людьми надо быть осторожнее, потому что если кто-то крепко держится за стену или какой-то тяжелый предмет, вряд ли получится сдвинуть его с места, а вот ты сам можешь получить очень мощную отдачу и не сумеешь парировать его атаку. В невесомости, в частности, в открытом космосе, тоже используются гравитонные излучатели, но там надо помнить первый закон Ньютона: тело, на которое не действуют внешние силы, продолжает движение с прежней скоростью или находится в покое. Поэтому любой объект в космосе, не встречающий препятствий, будет вечно лететь туда, куда его запустят. В общем, гравитонное оружие это то, что надо использовать с умом, и тогда оно сможет приносить огромную пользу.

— А вы пользуетесь какой-то броней?

— Да, при штурме или других операциях с высоким риском мы используем броню, внешне напоминающую латы средневековых рыцарей. Но в отличие от стальных лат, наша броня очень гибкая, легкая и в то же время прочная.

— Как вы открыто пользуетесь этим оружием?

— Такие устройства бывают двух видов. Есть внешние боевые комплексы: они просто прикрепляются к броне или рукам, батареи для питания также соединяются с ними и находятся где-то за спиной или на поясе. Внешнее оружие используется солдатами, которым нет нужды пользоваться ими постоянно и скрывать их. А бывают и вживляемые в кожу комплексы: такими оснащаются шпионы, спецназ и мы — эскины. Они намного дороже, так как в отключенном состоянии находятся под кожей, разворачиваются с помощью наносборки в полноценное устройство. А насчет маскировки... мы стараемся сильно не «светить» свои способности, используя их лишь в среде людей, знакомых в лицо и не способных выдать тайну.

— Я получу такие имплантаты?

– Да. Сегодня ты слишком слаб для этого. Встанешь на ноги и пройдешь посвящение, тогда и получишь все необходимое.

– Посвящение? Это что, какая-то церемония?

– Нет. Это начало твоей жизни как эскина. Я научу тебя раскрывать весь свой потенциал. А также ты получишь имя, которое будет с тобой вечно. А сейчас отдыхай и старайся не думать о том, что я тебе рассказал. Со временем ты сможешь усвоить всю эту информацию, а она тебе очень пригодится.

Сириус вышел из комнаты, оставив Михона одного. Следуя совету Сириуса, он постарался не думать о том, что ему рассказали. Михон сам удивился, насколько легко смог отбросить ненужные мысли и спокойно заснуть.

XXXVIII. Покушение

Рыбкин проснулся от странного звука, который слышался из прихожей. Ему показалось, как будто кто-то скребет во входную дверь или пытается взломать замок. Слезая с кровати, Рыбкин услышал, что дверь уже открывается. Александр вышел в коридор и остановился у поворота. Высунув голову, он обнаружил в прихожей двух человек. В руке одного из них был пистолет. Рыбкин не успел хоть как-то среагировать и сразу же получил по лбу каким-то твердым предметом. Через секунду, почему-то не чувствуя боли, майор уже лежал на полу, упираясь головой о плинтус. Над ним стоял мужчина, который приставил пистолет ко лбу Рыбкина и произнес:

– Прощайся с жизнью!

Рыбкин попытался закричать и... проснулся.

Рыбкин обнаружил себя сидящим в постели, по телу Александра струился холодный пот. За окном светало, и тусклый свет попадал через окно в комнату. Рыбкин огляделся: после такой резкой смены положения тела перед глазами все помутнело, и он не скоро понял: то, что случилось – всего лишь сон. Посмотрев в угол, он встретился с глазами со своим псом Пиратом, который тоже удивился неожиданному рывку хозяина. Почувствовав руку на своем плече, Рыбкин окончательно сбросил с себя сон и посмотрел за спину.

Увидев Катю, он вздохнул с облегчением и лег обратно. Катя молча повернулась к нему лицом, положила руку на его грудь и спросила:

– Опять снились кошмары? Снова Миша?

– Нет, на этот раз мне приснилось, будто меня убили, – ответил Рыбкин, хотя подробности этого сна неумолимо покидали его память.

– Я вижу, как ты себя неважно чувствуешь после того задания. Столько насилия, бессмысленные смерти...

– Я жалею только о том, что там была ты. Если бы с тобой что-то случилось, я бы этого тебе не простил. Одно дело – мы, закаленные в боях военные. Другое – ты, хрупкая женщина. И столько переживаний – смерть твоего отца...

– Не надо, дорогой. Все это уже в прошлом, я никогда не знала отца близко... это и хорошо.

– А как твоя мать, переживает? В первый день она вообще ни с кем не разговаривала.

– В такое трудно поверить. И с этими людьми надо что-то делать. Слава богу, что Мишу спасли. Но их нужно остановить...

– Иначе судьба твоей матери может постичь и меня, – перебил ее Рыбкин.

После этих слов лицо Кати изменилось. Она убрала руку с груди мужа и проговорила:

– Ах да, я даже и забыла кто я... Я такой же плод чудовищных опытов над людьми, как и мой отец.

– Не говори так! Все это время ты была нормальным человеком, они не смогли тебя изменить.

– И все равно, я не могу чувствовать себя такой, как все. У нас никогда не будет детей...

– Мы можем взять сироту из детского дома. Этим чудовищам не отнять у меня тебя! Я обещаю это!

– Милый... я понимаю, что ты любишь меня. Но не обещай того, что, скорее всего, никогда не сделаешь. Ты и сам сейчас опасаясь за свою

жизнь, и кошмары тебе снятся не просто так. И тебе, и Мише грозит опасность – ты это прекрасно знаешь...

Внезапно зазвонил мобильный телефон Рыбкина. Александр соскочил с кровати и взял телефон с тумбочки – номер был незнакомым. Ответив на звонок, Рыбкин услышал:

– Майор Александр Рыбкин?

– Да, – ответил Рыбкин.

– Вас беспокоит Президент России.

– Дми... – пытался вставить Рыбкин.

– Не надо приветствий. У нас есть серьезный разговор. Полчаса назад во дворе собственного дома был убит полковник Роман Громов. Дело в том, что он был членом специальной комиссии при Президенте, занимающейся исследованием паранормальных явлений. Секретные материалы, добытые им, не должны попасть в чужие руки, поэтому мы передаем дело на расследование вам и Михаилу Кириллову, который сегодня прибывает в Москву из США. Отнеситесь к этому серьезно. Сейчас вам нужно отправиться на место убийства, – голос из трубки назвал адрес, – и, пользуясь полномочиями майора ФСБ, провести собственное расследование его гибели, для начала связавшись с полицией, которая оцепила место преступления. Будьте осторожны. В случае если понадобится помощь, не пытайтесь связаться с моей администрацией по официальным каналам, а звоните по этому телефону, – голос продиктовал номер. – Удачи, майор. Конец связи.

После окончания разговора Рыбкин положил трубку и уставился на Катю.

– Что произошло? – спросила она.

– Мне нужно ехать. Громов убит.

Когда Рыбкин собрался и уже переступил порог квартиры, Катя бросилась к нему и, поцеловав, сказала:

– Началось то, чего я боялась больше всего. Саня, береги себя...

Рыбкин шел по извивающемуся переулку уже десять минут с момента, как его доставило туда такси. Стараясь не привлекать внимания, он был одет в обычный серый плащ с капюшоном. Тем более, погода располагала к ношению такой одежды: в воздухе стоял густой туман, августовское утро было холодным и пасмурным.

«Как такое могло произойти, – думал Рыбкин. – А может быть, это звонил и вовсе не президент, хотя, голос вроде как похож. Интересно, а Михону он об этом сообщил? Громов... как он мог так погибнуть? Полковник же всегда просчитывал все ходы вперед, но врагов у него все равно было достаточно. Ну, ничего, мы за него отомстим...»

Вскоре Рыбкин вышел туда, где, по словам президента, было совершено убийство, он уже успел связаться с полицией. Александр решил подойти к месту преступления незаметно. Оно представляло собой двор между двумя «хрущёвками»; двор, где совершилось убийство, был уже оцеплен полицией, а рядом с телом работали эксперты-криминалисты. «Все как всегда», – отметил про себя Рыбкин. Проходя мимо двоих полицейских, стоявших немного поодаль, он услышал:

– Где же уже этот чертов чекист? Вечно они суют везде свой нос...

Рыбкин, и так бывший не в духе, развернулся. От его взгляда один из полицейских съежился, как сухой лист, но произнес:

– Эта зона оцеплена, прошу вас покинуть место преступления.

– Да? С удовольствием бы это сделал, но скажите мне, где ваш начальник, съезвил Рыбкин, – и тогда я освобожу вас от необходимости тут торчать.

– Майор Морозов внутри оцепления, разговаривает с экспертом. Но вы не имеете...

Рыбкин спокойно вытащил из кармана удостоверение и придвинул его буквально к носу лейтенанта, затем молча развернулся и перешагнул ленту оцепления, услышав вслед:

– Так это он и есть? Злой какой-то...

XXXIX. Новое Солнце

Вымытый и гладко выбритый, в новом пиджаке и с торжественным выражением лица, Михон шел по кабинету Сириуса. Дверь за ним плотно закрылась, звукоизоляция была включена, и никто не мог слышать то, что происходит внутри. Сириус начал свою речь, когда Михон уже подошел к столу:

– Мой сын. Ты прошел обучение, отныне и навсегда, ты – эскин. Помни: это в первую очередь нелегкая ноша, а не только потрясающие возможности. Но есть еще одно, что должен получить каждый эскин – имя. Имя, которое будет с тобой вечно. Каждый из нас получает имя в честь какой-то звезды. Иногда это бывает звезда, в системе которой он родился. Бывает – просто какая-то звезда. Эскина-сына нарекает его отец. Поэтому я даю тебе имя Ранзас – так на языке гадаров звучит название Солнца, ближайшей к нам звезды. Под ней ты родился и во имя тех, кто под ней живет, ты будешь жить. Привыкай к этому имени: со следующего перерождения при общении с эскинами ты будешь откликаться только на него.

– Мне нужно сказать что-то в ответ? – спросил Михон.

– Нет. Слова – это ничто. Торжественные клятвы – тем более, зачастую под ними скрывается лицемерие и ханжество. Самое искреннее в любом разумном существе – его мысли. Старайся докопаться до них, и только тогда ты поймешь, что оно имеет в виду, кого оно хочет убить, а кого – оставить в живых; кого любит, а кого – ненавидит. Поверхностное впечатление очень часто бывает обманчиво. Особенно это заметно среди людей. В одной ситуации человек – кровавый убийца, в другой – милосердный и любящий семьянин. И тем не менее, все люди одинаковы. Поставь их в одну и ту же ситуацию – будь то измена любимого, смерть близкого, зависть или несправедливость – действия и даже мысли у всех будут похожи: кто-то будет мстить, кто-то будет строить козни или просто хранить ненависть глубоко в своем сердце. Я встречал всего несколько человек на своем веку, способных хоронить эту ненависть глубоко в себе – за ними будущее. Остальные вынуждены бороть-

ся за свое существование, так как эта ненависть делает их слабыми, заставляет бояться себя и друг друга, превращает любовь в ревность, уважение в зависть, сострадание в унижение. Помни об этом, и всегда будь осторожен.

– У тебя есть для меня задание? Ты как-то упоминал о нем...

– Обстановка в России накаляется. Ваша вылазка на Алтайскую базу нарушила баланс сил и подставила под удар твоего начальника – Громова. Ранее ему удавалось не попадать под подозрение – он человек умный и харизматичный, настоящий разведчик. Но сейчас он в смертельной опасности: предприняв ту операцию, послав вас на Алтай, он подписал себе смертный приговор: гудоны легко сложат два и два. Я пытался отговорить его от этого, но было уже поздно; единственное, что я мог сделать – обезопасить вас. Сейчас нам нужно его спасти, а в случае, если уже слишком поздно – ты должен занять его место главы «Пути» в России.

– Но если бы я выехал еще три дня назад, было бы больше шансов...

– Именно поэтому я тебе и сказал сейчас. Иначе бы ты не смог противостоять врагам, которые, несомненно, захотят снова тебя схватить. Дай свою руку, – Сириус задрал правый рукав Михона и посмотрел на кожу. – Следы от вживления имплантантов скоро исчезнут. Благодаря технологии маскировки, их невозможно будет обнаружить даже при обследовании рентгеновскими лучами. А после смерти владельца они самоуничтожаются, не оставляя и следа. Ну, а когда тебе понадобится их использовать, будь чрезвычайно осторожен, не сомневайся в лояльности своих спутников. Хотя, такой, как ты, не сможет потерпеть крах...

Михон вошел в свою комнату, известную нам по диалогу с Сириусом. День у него был нелегкий. С утра тренировки с гравитонным оружием – предметы постоянно улетали не туда, куда нужно, но используя излучатели сразу с двух рук, он научился удерживать предметы в воздухе, практически не давая им падать. К несчастью, это быстро «съедало» энергию и без того слабых батарей имплантантов, которые ему вшили еще два дня назад.

Вторую половину дня Сириус рассказывал Михону способ перемещения рас Альянса через галактику. Оказывается, для этого они используют перемещения в подпространстве, которые казались Михону какой-то сказкой фантастов. Он в последние дни шутя думал, что спит – но что-то внутри не давало возможности в это не поверить, все то, что рассказывал Сириус, очень органично сочеталось с тем, что он знал.

От этих мыслей его оторвал еле слышный звук так и не запертой двери. Михон резко развернулся и увидел в дверях Сару. Она была одета в то же платье, что и во время его пробуждения. Одежда подчеркивала ее стройную фигуру, и Михон снова отметил про себя: она не похожа на остальных женщин-военных. За прошедшие три дня он смог лишь пару раз встретиться с ней и Маркусом, а она занимала определенную часть его мыслей. Сириус уже упомянул ее после одного из занятий и тоже старался внушить ему, что не стоит сейчас с кем бы то ни было связывать свою жизнь – это принесет только горе и разочарования. Но при этом Сириус сказал: «Запомни на всю жизнь. То, что касается влюбленности, любви, влечения, романтики поддается внушению в тысячи раз сложнее, чем все остальное. Очень трудно заставить человека разлюбить или наоборот – влюбиться. Все, что касается этого, находится в самых глубоких местах нашего разума».

И вот сейчас Михон смотрел в лицо Саре. Он смог снова вступить в медитацию, смог установить контакт с ее сознанием – как и учил Сириус. Это было нелегко, но лишь поначалу. Видеть образы из чужого разума – очень необычное и непривычное ощущение, оно было для Михона новым и таинственным. Сеансы медитации по-прежнему утомляли его нервную систему, но было уже гораздо легче. А то, что он прочитал в мыслях Сары, подтверждало все его догадки. Она действительно была в него влюблена...

Вернувшись из медитации в реальный мир, Михон с нежностью посмотрел на Сару. Значит, это было взаимно. У него никогда не было серьезных отношений с женщинами: подсознательно в каждой из них он видел предательницу и разрывал контакт тогда, когда нужно было решительно действо-

вать. Это всегда мучило его – еще со школьных лет. А теперь напротив него стояла женщина, которая его по-настоящему любит. Она на секунду опустила глаза, а потом спросила:

– Привет. Мы давно не общались, как ты себя чувствуешь?

Михону снова пришлось переходить на английский язык (все-таки, Сара лучше понимала по-русски, чем говорила), но это давалось ему легче, чем раньше.

– Добрый вечер. Чувствую себя намного лучше, я не против поговорить, – ответил он.

– Ты скоро уезжаешь? Мне говорил об этом Сириус.

– Да, у меня неотложные дела в России.

– Значит, он и тебя к нам завербовал?

– Завербовал – не то слово. Ты же знаешь, денег нам за работу не платят, мы не наемники какие-то, – немного уклончиво ответил Михон.

– Я хочу тебе сказать... Ответь мне, ты вернешься когда-нибудь сюда, мы еще хоть раз увидимся?

Не надо было быть эскином, чтобы понять, почему она так ждала ответа на свой вопрос. Михон решил не давать ей слишком много надежды на долгие отношения, но... он уже хотел быть с ней хотя бы сейчас, хотя бы оставшуюся до вылета ночь.

– У меня очень рискованная миссия, но ее могу выполнить только я. Поэтому... не хочу давать тебе повод напрасно надеяться на что-то.

– Тогда... – Сара тоже запинаясь и искала реплики, которые бы не были слишком прямолинейными.

Михон решил первый раз в жизни взять инициативу в свои руки

– Давай побудем вместе эту ночь. Никто не знает, что случится дальше...

Они так и стояли напротив друг друга, но теперь сблизились настолько, что их губы сами слились в поцелуе, и Сара так и не сказала того, чего хотела. После поцелуя, находясь в объятьях Михона, она начала:

– Тут кругом камеры. Ты не боишься...

– Нет, мне все равно, – Михон знал, что Сириус примет любое его решение.

Пока они в порыве страсти срывали друг с друга одежду, Михон думал: «Будь, что будет. Ей придется ждать и бояться за мою жизнь; мне придется скучать. Но мы оба будем помнить эту ночь».

Спускаясь рано утром по трапу с самолета в Домодедово, Михон не мог не радоваться возвращению на Родину. Но как примет его эта самая Родина: пока что у него было прикрытие и фальшивые документы, но что потом? Пуля в лоб – простейший выход. Или же новое заточение в секретной лаборатории под землей. «Нет, в этот раз я им не дам. Мне есть ради чего жить». Ему вспомнилась Сара, с которой он попрощался уже полдня назад, Сириус, возлагающий на него такие надежды, Саня Рыбкин – лучший друг, который наверняка обрадуется его возвращению, полковник Громов... Неожиданно мысли Михона прервал телефонный звонок, когда он находился уже на полпути к выходу с территории аэропорта. Кириллов вынул из кармана сотовый и, увидев, что номер не определился, долго думал – отвечать или нет? Решив все-таки нажать на кнопку, он услышал голос, спросивший:

– Вы Михаил Кириллов?

– Да.

– С вами говорит московская ячейка «Пути», меня зовут Андрей Соловьев. Я знаю, что вы в аэропорту, поэтому слушайте внимательно и не отвечайте мне. У нас серьезное ЧП – два часа назад во дворе своего дома был застрелен Роман Громов, глава нашего отделения в России. Мы сообщили вашему другу Александру Рыбкину, что работаем на Президента: я представился от его имени. Рыбкин смог провести предварительное расследование и передать труп, а также все улики в руки нашим агентам: нам не хотелось бы, чтобы материалы, связанные с нашими секретными операциями попали в прокуратуру. Чтобы выйти на след убийцы, вам с Рыбкиным придется провести собственное расследование. Постарайтесь, чтобы наша легенда, как «комиссии

по расследованию паранормальных явлений» не разрушилась. Передаю номер телефона, по которому желательно связаться для получения дальнейших инструкций. Конец связи.

XL. Начало конца

Сириус сидел за своим столом и размышлял. Только что он получил уведомление о гибели Романа Громова, который был ему не только агентом, но и другом. «Мы не успели, – подумал Сириус. – Хотя, он сам подставил себя под удар, отправив Ранзаса и его друга на Алтай, расследовать, казалось бы, простое исчезновение вертолета. Он не любил советоваться со мной, исполняя указания своего начальства, считал себя человеком чести. И теперь это вышло ему боком...». Читая с компьютера доклад, написанный Михоном, Сириус не узнал ничего неожиданного: выстрел в спину с крыши из бесшумной снайперской винтовки; само оружие не найдено, на месте преступления зацепок нет.

Он встал из-за стола и подошел к стене. После того, как Сириус надавил на нее ладонью и повернул руку, стена отодвинулась назад, разделилась на две части и разошлась в стороны. За ней оказалась цилиндрическая кабинка диаметром примерно метр, на которой была панель со множеством кнопок. Нажав одну из них, Сириус захлопнул кабинку, после чего все ее стены загорелись мягким голубым цветом, который постепенно становился все ярче и ярче. Сириус щелкал кнопками на панели управления до тех пор, пока в кабине не послышался негромкий шум. Подождав несколько минут, он услышал вопрос:

– Сириус, это ты? – заданный приятным высоким голосом на одном из гадарских языков.

– Я. Зэмел? – ответил Сириус.

В следующую секунду вокруг возникло изображение комнаты небольшого размера, а прямо впереди стояло гуманоидное существо, но это явно был не человек, а гадар. Его рост был около 170 сантиметров, не прикрытые одеждой части тела (лицо и кисти рук) гадара были зеленоватого цвета, воло-

сяной покров отсутствовал, как таковой, глаза были крупными, а рот небольшим. Над ним вместо носа располагалась одно небольшое отверстие для дыхания, прикрытое складкой кожи. Длинные четырехпалые руки гадара были сложены перед грудью. Комплекцией он был схож с худощавым человеком.

— Давно я тебя не видел, Сириус. У тебя есть какая-то новая информация? Спросил Зэмел.

— Разумеется. Есть хорошая новость и плохая. Тебе нужно знать обе, но с какой мне начать?

— Начни с хорошей, у меня сегодня дурное настроение, и тоже есть новости...

— Я все-таки нашел своего сына.

— Правда? Поздравляю, Сириус. А то я начал опасаться, что появится первый эскин, не прошедший посвящения до первой смерти.

— В этом немного радости... Мне пришлось убить его мать и поручить молодому Ранзасу опасную миссию — это связано с плохой новостью.

— Я понимаю, это как-то связано с гудонами?

— Да. Оказывается, еще до установления блокады они смогли построить на Земле разветвленную сеть подземных бункеров, в которых проводили эксперименты и строили чудовищные планы. Самое невинное, что они делают — собирают армию из более чем тысячи человек.

— Это ты называешь невинным?

— Да, по сравнению с тем, что они научились отключать людей от нософеры, программировать сознание и даже проводить опыты на эскинах!

Зэмел закрыл оба глаза и опустил голову — среди гадаров это был один из явных признаков беспокойства и удивления одновременно.

— Не может быть. Значит...

— Все время Илозарат плел свою предательскую паутину.

Гадар прошелся из одного конца помещения в другой.

– Плохо, плохо. А у нас есть другая новость. Мы узнали от Альянса, что участились нападения пиратов – это была официальная информация, распространенная по всей галактике. А неофициальная – это то, что никаких пиратов никто не видел. На флоты Альянса нападали неизвестные корабли, которые не засекались ни радарам, ни тепловизорами. Гадары совместно с нио-сами не одно столетие ищут способы сделать космический корабль невидимым. И теперь нас атакуют неизвестные невидимки. Не пираты это, Сириус...

– Атаки были фатальными?

– Да. Две флотилии потеряны, на их месте были найдены одни обломки. Но это еще не все. На борту флагманов этих флотов находились эскины. Предвидеть нападения не смогли даже они, не было времени ни среагировать, ни ответить на удар. Это были все эскины, являющиеся адмиралами Альянса, кроме меня. Стоп, у меня входящее сообщение... командование Альянса, секретный канал... Не может быть... «Эдельмен» сбит!

– «Эдельмен»? Главный флагман Альянса? – спросил Сириус, начиная понимать, в чем дело.

– Да, все погибли. О, Боже мой...

– Объявляй боевую тревогу!!! – прокричал Сириус, внезапно поняв, к чему ведет эта цепочка информации.

Изображение дрогнуло и восстановилось лишь через секунду. Сириус услышал голос, доносившийся из коммуникатора Зэмела.

– Нападение, неизвестные корабли! Адмирал, нужно принимать меры.

– Зэмел, да поможет тебе Бог...

– И тебе того же, Сириус, – сказал Зэмел, отключая связь.

Сириус стоял в раздумье несколько минут. Связь была отключена, в кабинке – темно. Монитор на панели управления через три минуты показал сообщение «Связь установить невозможно».

«Земел погиб», – подумал Сириус, открывая кабинку, выходя обратно в кабинет и закрывая стену. «Планета беззащитна. Эскины-адмиралы убиты. Это плохо закончится, очень плохо... Нужно сообщить Ранзасу, чтобы он был предельно осторожен».

Сириус уже осознал, что произошло нечто ужасное. Он не знал, что будет дальше, на что можно рассчитывать. Однако Сириус совершенно точно знал, что гудоны беспощадны, а Илозарат, возобновив контроль над теми, кто находился на Земле, способен на все, что угодно. Но эскины так просто не сдаются. Перед величайшей угрозой в истории, они ни за что не допустят применения кода войны в полной мере, уничтожения и порабощения, ненависти, боли и страданий. Хотя это будет и нелегко.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...